

Центр системных региональных исследований и прогнозирования ИППК
при РГУ и ИСПИ РАН

Лаборатория проблем переходных обществ и профилактики социальных
девиаций ИППК при РГУ

Южнороссийское обозрение
Выпуск 18

А.М. Ладыженский

АДАТЫ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Подготовка текста и комментарии И.Л.Бабич

Под общей редакцией
А.С. Зайналабидова,
В.В. Черноуса

Ростов-на-Дону
Издательство СКНЦ ВШ
2003

ББК 63.5

Л 15

Редакционная коллегия серии: Акаев В.Х., Арухов З.С., Волков Ю.Г., Добаев И.П. (зам. отв.ред.), Попов А.В., Черноус В.В. (отв. ред.), Ненашева А.В. (отв. секретарь)

Рецензенты: Д.и.н., проф. ДГПУ Гасанов М.Р. (г.Махачкала)

Д.ю.н., проф. РГУ Иванников И.А.

Л 15 **Ладыженский А.М. Адаты горцев Северного Кавказа.**

Подготовка текста и комментарии И.Л. Бабиц. Под общей редакцией А.С. Зайналабидова и В.В. Черноуса/ Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 18. Ростов-на-Дону, 2003., ISBN 5-87872-141-4

В монографии крупнейшего советского этнолога права А.М. Ладыженского, подготовленной к печати в 1947 г., по разным причинам так и не увидевшей свет, дается сравнительный анализ обычно-правовых институтов народов Северного Кавказа. Он продолжает традиции российских ученых XIX в. – Ф.И. Леонтовича, М. М. Ковалевского и до сих пор не имеет аналога среди современных исследований.

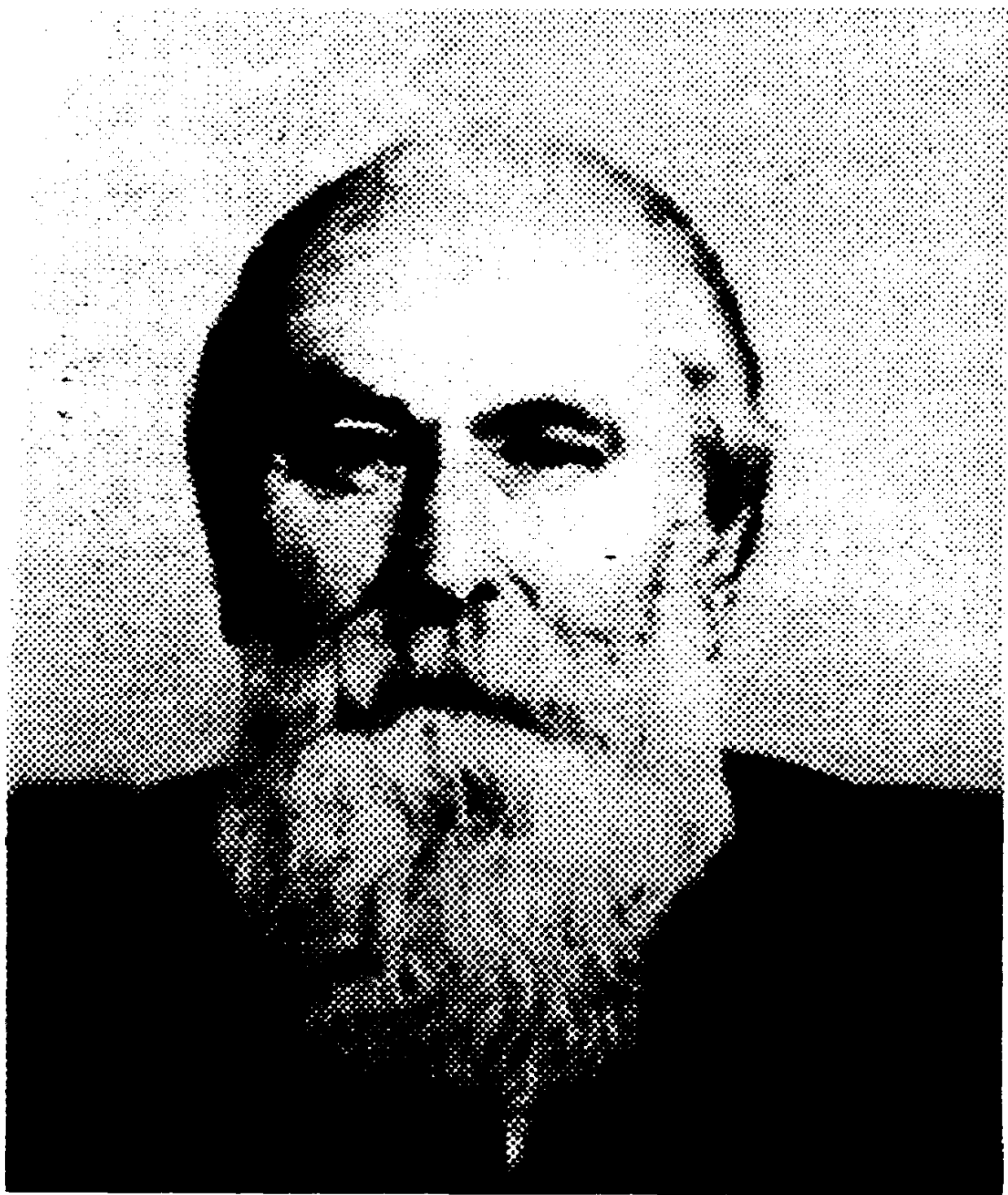
Рекомендуется специалистам в области этнологии, антропологии права, кавказоведам, всем, кто интересуется правовой культурой народов Северного Кавказа.

ISBN 5-87872-141-4

Д – 01 (03) 2003 Без объявл.

© И.Л. Бабиц, статья и комментарии

© Центр системных региональных исследований
и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЛАДЫЖЕНСКИЙ

(1891-1972 гг.)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов.....	4
Предисловие.....	7
Ладыженский А.М. Адаты горцев Северного Кавказа.....	24
Введение.....	25
Глава I. Внутриродовые и международные отношения горцев Северного Кавказа.....	51
Глава II. Разложение первобытно-общинного строя, возникновение классов и зарождение государственных форм у кавказских горцев.....	129
Глава III. Зарождение и развитие основных юридических институтов у кавказских горцев.....	168
Заключение.....	198
Принятые сокращения.....	199

От редакторов

Изданием монографии Александра Михайловича Ладыженского мы продолжаем¹ публикацию в «Южнороссийском обозрении» трудов крупных ученых по социально-политическим и культурологическим проблемам нашего региона, которые по тем или иным причинам не дошли до читателя.

Жизнь А.М. Ладыженского (1891-1972), его становление как ученого и преподавателя тесно связана с Югом России и особенно с Ростовом-на-Дону.²

В 20-40-е годы XX в. он стал ведущим продолжателем традиций российского кавказоведения XIX в. (А.Ф. Леонтович, М.М. Ковалевский и др.) по изучению обычного права народов Северного Кавказа. В результате этнографических экспедиций на Северный Кавказ А.М. Ладыженский собрал значительный материал по адатам горских народов, их функционированию в советской правовой системе 20-х годов. Одновременно он разрабатывает марксистский, классовый подход к теории обычного права, его генезису и функциям в обществе. Итогом исследований А.М. Ладыженского стала успешно защищенная в Институте государства и права АН СССР докторская диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Диссертация легла в основу предлагаемой читателю монографии. В своей теоретической части труд А.М. Ладыженского в известной степени устарел, но и по сей день остается наиболее крупным после работ М.М. Ковалевского исследованием в рамках сравнительно-правоведческого подхода адатов горцев Северного Кавказа и сохраняет свое научное значение.

В последние годы во Владикавказе переиздана монография М.М. Кавалевского, а в Нальчике работа Ф.И. Леонтовича.³ Настоящее издание дополняет усилия ученых и издателей по восстановлению основных этапов развития отечественной юридической этнологии как важного условия для организации современных исследований обычного права народов Северного Кавказа. В 90-е годы XX в. возрождение

¹ См.: Петров М.К. Избранные труды по теоретической и прикладной регионалистике. Сост. Г.О. Петрова / Южнороссийское обозрение ЦСРИ при РГУ и ИСПИ РАН. Ростов н/Д. СКНЦ ВШ. 2003 г.

² Подробнее см. предисловие И.Л. Бабич.

³ Ковалевский М.М. современный обычай и древний закон. Владикавказ 1995; Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Вып. 1-2. Нальчик. 2002

юридической этнологии и юридической антропологии переживает настоящий бум. Одним из инициаторов активизации работ теории и истории обычного права Северного Кавказа стал Ростовский юридический институт СКАГС.⁴ В Кабардино-Балкарии активные исследования обычного права проводят Х.М. Думанов и его ученики, в Дагестане создана лаборатория обычного права ДГУ, подготовившая к печати значительный корпус дагестанских памятников права.⁵

Символично, что по предложению директора РЮИ СКАГС д.ю.н., профессора Д.Ю. Шапсугова монография А.М. Ладыженского (на основе экземпляра рукописи, хранящейся в Институте государства и права РАН) подготовлена к печати в 1999–2000 гг. одним из крупнейших современных специалистов по обычному праву Северного Кавказа д.и.н., профессор Ириной Леонидовной Бабич.⁶ К сожалению, по разным, прежде всего по финансовым причинам, издание книги затянулось до настоящего времени. Оно стало возможным во многом благодаря созданию в ИППК при РГУ Лаборатории проблем переходных обществ и профилактике социальных девиаций, одним из основных научных направлений которой является изучение правового сознания и правового поведения в условиях полиюридизма на Северном Кавказе. В подготовке рукописи к изданию принимали участие А.В. Ненашева и И.А. Куцым.

Полагаем, что публикация монографии А.М. Ладыженского не только привлечет внимание ученых кавказоведов, этнологов права, но и будет активно использоваться в учебном процессе на юридических, исторических факультетах, в преподавании регионоведения.

А.С. Зайналабидов, к.ю.н.,

зав.Лабораторией проблем
переходных обществ и профилактики
социальных девиаций ИППК при РГУ

В.В. Черноус, к.полит.н., доц.,

директор ЦСПИиП ИППК при РГУ и ИСПИ РАН

⁴ См. напр. Материалы представительной конференции «Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики». Р н/Д. 1999.

⁵ Черноус В.В. К возрождению юридической этнологии в Дагестане // Северо-Кавказский юридический вестник. 2001, №1. (См. библиографию к предисловию И.Л. Бабич). Кроме того, в последние годы опубликована фундаментальная монография В.О. Бобровникова «Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие» очерки истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002. защищены кандидатские диссертации по обычному праву кабардинцев (А.З. Бейтуганов), абхазов (Ф.Г. Камкия), ингушей (Б. М.-Г. Харсиев), культурология обычного права (М.Ю. Вертий) и др.

⁶ Бабич И.Л. Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе. М., 2000; Она же. Правовой монизм в Северной Осетии: история и современность. М., 2000; Она же. Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трудно переоценить то влияние, которое оказывали нормы обычного права (адата) в различные периоды истории Северного Кавказа. Некоторые из них сохраняются до сих пор и продолжают играть существенную роль в современной жизни северокавказских народов. Поэтому исследование, объектом которого стали адаты народов Северного Кавказа, позволяющее полно и всесторонне раскрыть данный феномен как один из основных общественных институтов, является важным и актуальным для современной историко-этнографической и юридической науки. Разработка тематики, связанной с юридической областью этнографии, в последнее время приобрела широкие масштабы. В основном, эти исследования касаются отдельных народов Северного Кавказа. Монография А.М. Ладыженского, в которой дается сравнительное изучение обычно - правовых институтов всех народов Северного Кавказа, продолжает оставаться едва ли не единственным исследованием такого рода. В силу этого данная работа, написанная в 1940-е г., продолжает интересовать как этнографов, историков, так и юристов. Круг вопросов, затронутых в ней, сохраняет свою актуальность для понимания процессов, происходящих в нынешних северокавказских республиках.

Первые попытки обобщить материал по обычному праву народов Северного Кавказа относятся к XIX в.(1). Известным социологом и юристом М.Ковалевским, проводившим сравнительное изучение судебных систем народов Кавказа, Западной Европы и России было создано новое научное направление в российской науке XIX в. - "сравнительное правоведение". М.Ковалевский анализировал эволюцию понятия "преступления", создавал свои классификации типов и видов преступлений, рассматривал систему судебных доказательств и наказания, а также описывал процессуальные действия. Историко-сравнительный метод, которым пользовался М. Ковалевский, позволил ему выявить черты сходства и различия правовых систем некоторых народов мира с учетом тех явлений, на основе которых развивалось конкретное законодательство.(2). Известны замечательные работы русских этнографов второй половины XIX - начала XX в. -

Б.Вс.Миллера, В.Тесленко, А.Хаханова и многих других, изучавших различные аспекты обычного права народов Российской империи. (3)

Развитие юридической антропологии в 20-х гг. XX в. продолжалось в русле разработки традиционной для российской науки тематики: собрание, истолкование и сравнительно-историческое изучение адатов ряда народов. Юристы дореволюционного поколения такие, как Е.Е.Пашуканис, И.А. Малиновский продолжали свои изыскания в области обычного права в первые годы советской власти. (4) Последний при Всеукраинской Академии Наук создал Особую Комиссию по обычному праву. В Дагестанском, Северо-Осетинском, Краевом Северо-Кавказском НИИ этнографы и юристы изучали обычное право кавказских горцев. Всесоюзная и всеукраинская Ассоциации востоковедения изучали обычное право Советского Востока. Именно в эти годы, известный впоследствии этнограф-кавказовед М.О.Косвен начал заниматься изучением истории первобытных политико-юридических учреждений и в 1925 г. опубликовал монографию по теме "Преступление и наказание в догосударственном обществе". В Вятке была издана новая Программа для собирания сведений по обычному праву. (5) Именно к этому поколению исследователей принадлежал и А.М. Ладыженский.

В последние годы интерес ученых к этому направлению исследований возрос. В Институте государства и права РАН, Институте этнологии и антропологии РАН, Московском юридическом институте защищен ряд диссертаций по этой проблематике. В Грузии появилась Лаборатория по изучению грузинского обычного права при Научно-координационном центре "Социально-культурные традиции" Академии наук Грузии. (6) Подобные исследования проводились на материалах, относящихся к ряду народов Северного Кавказа, Сибири, казахам, ногайцам и др. (7). Наряду с этим опубликовано много работ, посвященных изучению семьи, в которых анализируются нормы обычного права в семейно-брачных и наследственных отношениях. При изучении традиционных форм хозяйствования народов России ученые также обращались к адату (8).

В 1984 г. была издана совместная статья юриста А.Б.Венгерова и историков А.И.Перщица и Л.Е.Куббея, в которой рассматривались общие вопросы развития юридической антропологии. В своей другой

работе А.И. Першиц останавливался на проблемах происхождения предправа в первобытном обществе и этничности правовой культуры в классовом обществе (9).

Есть исследования, посвященные таким нормам обычного права народов Кавказа, которые регулировали отношения между людьми при нанесении физического (ранения, убийства, изнасилования) или материального ущерба (поджоги, отравы, ранения или убийства животного и т.д.). Как правило, в них описана ситуация характерная для XIX в. Значительными работами в этой области являются исследования кавказоведа В.К.Гарданова (10). Так, в докладе на VII-ом Международном конгрессе антропологических и этнографических наук "Система композиций в обычном праве адыгов (черкесов) в XVII-первой половине XIX в." он рассматривал бытовавшую в адыгском обществе систему композиции, которая давала "строгое регламентированную шкалу возмещений за причиненный ущерб имуществу или личности в зависимости от сословной принадлежности потерпевшего". "Согласно обычному праву кавказских горцев, и, в частности, адыгов, имущественные платежи составляли основную форму наказаний всех свободных членов общества за любое преступление, включая убийство". До введения норм шариата и русского законодательства адыги не знали таких форм наказаний за преступление как заключение в тюрьму, нанесение физических ударов, смертной казни (11).

Проблемы, связанные с преступностью и их возможным урегулированием с помощью традиционного права в эпоху "расцвета" советского уголовного права, являлись для исследователей в течение нескольких десятилетий закрытыми. Работы, поднимавшие эти вопросы, в советское время проводились главным образом силами юристов-практиков в юридических институтах, например, в Научно-исследовательском институте криминалистики Прокуратуры СССР. В этих работах содержатся описания бытования кровной мести и традиционных норм ее урегулирования в 40-70-х годах XX в. на Кавказе (12). Можно выделить и этнографические исследования кровной мести в советский период А.А.Плиева (на чеченском материале) и Ю.И.Ивановой (на сравнительном материале Кавказа и Балканского права) (13).

Вопрос о формировании права на территории всего Северного Кавказа до А.М.Ладыженского практически специально не рассматривался. Его заслуга состояла в том, что он попытался на конкретном историко-этнографическом материале проследить зарождение и формирование обычного права.

А.М.Ладыженский родился 17 октября 1891г. в г.Юрьеве (Тарту). Сын надворного советника, его отец – Михаил Абрамович Ладыженский, русский, доктор медицины, участвовал в революционных событиях 1905 г., за что был сослан в Астрахань, где и жил с семьей до 1910 г. Мать А.М. Ладыженского, доктор медицины, училась в Швейцарии. В 1909 г. А.М.Ладыженский окончил гимназию в Ростове-на-Дону. В 1910 г. поступил на юридический факультет Московского университета, параллельно посещая народный университет им. Шанявского и филологический факультет Московского университета. По окончании юридического факультета университета получил диплом первой степени и был оставлен в аспирантуре на кафедре международного права и истории права. С 1917 по 1920 гг. начал работать приват-доцентом, с 1923г. стал профессором юридического факультета МГУ.

Позже он начал работать преподавателем в Ростовском (Донском) университете и становится внештатным сотрудником Северо-Кавказского краевого горского института, созданного также в ходе преобразования Владикавказского Института краеведения. В течении четырех лет А.М.Ладыженский проводил экспедиции в Адыгею, Кабарду и Осетию для сбора материала по обычному праву народов Северного Кавказа. Результатом этих поездок была публикация ряда статей, посвященных методам изучения обычного права кавказских горцев(14). В эти годы А.М.Ладыженский возглавляет Северо-Кавказское краевое Общество истории, археологии и этнографии. В 1930-е г. институт был закрыт. А.М.Ладыженский уехал в Харьков, где работал старшим научным сотрудником Гипрограда и юрисконсультом Госбанка и Крайземуправления, фактически прекратив свои исследования. В 1937 г. он стал членом секции теории и истории права Всесоюзного юридического института, в которой он пробыл до 1940 г. В 1940 г. А.М.Ладыженский становится профессором юридического Института Прокуратуры СССР, в 1941-1942 гг. он преподает в юридической

школе, а с 1942 г. по 1946 г. он через несколько десятилетий вновь становится профессором юридического факультета МГУ. Вновь к научной работе А.М.Ладыженский приступил в середине 1940-х гг. Он начал работать научным сотрудником в Институте права АН СССР, в секторе международного права и истории и теории права. По собранным в 1920-е гг. материалам, А.М. Ладыженский в 1947 г. защитил докторскую диссертацию в Институте государства и права АН СССР.

В течении ряда лет А.М.Ладыженский работал преподавателем в ряде учебных заведений, а именно: в Московском Государственном институте международных отношений при МИДе СССР (1948-1952 гг.), на юридическом факультете МГУ (1951-1952 гг.), в Военно-юридической Академии, с 1952 г. начал работать на кафедре теории и истории государства и права Ростовского государственного университета. Позже он отошел от разрабатываемых им в 1920-е г. проблем "этнографии права", занимаясь впоследствии проблемами теории международного права(15).

Прежде чем, мы перейдем к рассмотрению основных положений, выдвинутых А.М.Ладыженским в предлагаемой монографии, сделаем некоторые предварительные замечания, связанные с подготовкой данной рукописи к изданию. Безусловно, в силу специфики того времени, когда проводилось исследование, в оригинале содержится много ссылок на партийных деятелей 1930-1940-х гг.. Учитывая это, мы сочли возможным при подготовке монографии А.М.Ладыженского к изданию сделать некоторые сокращения. Едва ли требуется особо пояснять, что такие купюры не влияют на содержание и основные положения, поставленные автором в данном исследовании. В некоторой степени это касается и классиков марксизма-ленинизма, цитатами из которых грешит рукопись А.М. Ладыженского.

Итак, как мы указали выше, в центре внимания А.М.Ладыженского было изучение обычно-правовых норм северокавказских народов. Данный феномен рассматривался А.М.Ладыженским в двух исторических срезам: в период родового строя и его разложения, т.е. период позднепервобытной общины, и в период зарождения государственной власти и феодального строя. Последний в разной степени затронул народы Северного Кавказа, в большей - кабардинцев и народы

Дагестана, в меньшей – осетин, чеченцев и ингушей. А.М. Ладыженский выдвинул гипотезу, что в период родового строя и его разложения у северокавказских народов существовал "неправовой обычай". Обычное право и соответственно обычно-правовые нормы сформировались в период становления государственной власти и строя. А.М.Ладыженский указывал, что "у народов Северного Кавказа к моменту завоевания их Российской империей первобытно-общинный строй уже перерос в классовое общество и адаты из норм чисто бытовых становились в значительной степени правовыми".

А.М.Ладыженский подчеркивал, что зачатки права возникают одновременно с зачатками классовой дифференциации общества. При родовом строе зачатки общества были в форме материнского (матриархального) и затем патриархального "права". В основе данных норм не было какой-либо дифференциации, этнической, религиозной, юридической и т.д. По мере образования классов создавались нормы принципиально отличные от тех, из которых они выросли, т.е. создавались уже нормы права, санкционированные государством и охраняющие интересы господствующих классов. Автор указывал, что "обычай чисто родовой превращался таким образом в правовой в точном смысле этого слова, в обычное право. Сохраняя часто свою родовую форму, он получал другое содержание".

Как известно, понятие "обычного права" вызывало и вызывает до сих пор разногласия среди юристов и этнографов. Поэтому остановимся подробно на том значении, которое придавал этому термину А.М. Ладыженский. Под обычным правом он понимал "определенную совокупность правил внешнего поведения", которая включала в себя три компонента. Во-первых, эти правила должны были рассматриваться членами социального объединения, как обязательные. Их обязательность связывалась либо с влиянием условий общественной жизни, либо с наличием какого-либо значительного общественного авторитета. Во-вторых, эти нормы должны были исполняться всеми членами данного общества. При их нарушении одним из членов коллектив принимал репрессивные меры. И наконец, эти нормы должны были защищать интересы определенной общественной группы, являвшейся или зачатком класса, или уже вполне сложившимся классом. Иными словами, А.М.Ладыженский жестко связывал понятие

"обычное право " с процессом формирования классов. Оно, с его точки зрения, соответствовало предклассовой стадии развития общества.

А.М.Ладыженский, являвшийся последователем М.О.Косвена, полагал, что зарождение правовых норм происходило еще в родовом строе. Поэтому он счел необходимым осветить те вопросы, которые позволили бы выявить историческую динамику правовых институтов. Он отмечал, что "до последнего времени недостаточно связывали изучение адатов горцев с выяснением социального строя тех народов, адаты которых использовались". Отсюда следует и основной подход А.М.Ладыженского, применимый в данном исследовании. В первой главе автор дает детальную характеристику неправовых норм, характерных для родового строя всех северокавказских народов. Далее, во второй главе он прослеживает процесс распада родов на патронимии и задруги, появления в них имущественной дифференциации, которая способствовала образованию зачатков государственной власти. В третьей главе А.М. Ладыженский дает подробные описания характерных черт внутри - межродовых отношений в северокавказских обществах. Наконец, в четвертой главе автор описывает процесс формирования правовых норм и права как такого в предклассовом обществе.

Для реализации данного подхода А.М.Ладыженский использовал в монографии две группы источников. Во-первых, записанные в течении ряда веков адаты народов Северного Кавказа. В распоряжении А.М.Ладыженского имелись подробные описания адатов народов Дагестана, адыгов, осетин и других народов Северного Кавказа (16). Во-вторых, в монографии используются собранные автором в ходе экспедиций в различные регионы Северного Кавказа полевые этнографические материалы.

Полученные результаты позволили А.М.Ладыженскому описать сложную систему юридических отношений, характерных для северокавказского региона, на которую оказали влияние различные факторы. Автор дал описание норм и общественных санкций, характерных, как для внутрисемейной (внутри-родовой) организации, так и для международных отношений. Далее А.М. Ладыженский рассмотрел основы общемагометанского шариатского права и его проникновение на Северный Кавказ. Как известно, по шариату народы

Северного Кавказа рассматривали дела, связанные с куплей-продажей земли или дома, браком, наследством, наказанием за прелюбодеяние и т.п. Остальные дела, такие как убийства, похищения, воровство и пр. рассматривались по адату. Наконец, автор останавливается на "новом частном и публичном праве", которое поддерживалось в целях осуществления русификаторской политики Царской Россией, организовавшей особые горские суды.

Правовой обычай, существовавший в первобытно-общинном строе, был санкционирован силой общественного мнения сородичей и силой рода по отношению к другим родовым союзам. Субъектом притязаний и обязанностей был род. Не было вполне сложившегося сознания личности, каждый человек в значительной степени растворялся в своем роде. Не существовало точно разработанных и определенных индивидуальных правомочий. Были только права всего рода, как такового. Будучи междуплеменными и междуродовыми нормами маслагата они впоследствии по мере распада родов на отдельные семьи становились нормами междусемейными и междуличными. Род судил и наказывал своих членов, он обязывал их нести ряд общественных повинностей. Каждый член рода ни в чем не должен был идти в разрез интересам всего рода. Нарушение внутриродственных адатов каралось внутриродовой или территориально-общинной властью. Однако и сама эта власть была связана адатами.

При исследовании обычаев родового строя главным вопросом был вопрос о причинах возникновения ответных действий на первичный конфликт. В связи с этим А.М.Ладыженский останавливается на распространенной как в XIX, так и XX в. "идеи эквивалента". Эта точка зрения поддерживалась учеными как в XIX в. (Е.Б. Пашуканис), так в 1920-1940-х гг. (А.Ф.Гюнтер). В современной науке эта теория разрабатывается Ю.И.Семеновым, который указывает, что в основе кровной мести лежал принцип талиона, т.е возмездия, нанесение эквивалентного ущерба виновной стороне(17). Тем не менее А.М. Ладыженский утверждал, что на примере северокавказских народов эта идея не срабатывает Он писал: "Изучение адатов кавказских горцев отнюдь не дает основания утверждать, будто все уголовные нормы возникли из идеи "око за око", "зуб за зуб", которая появилась, как и все правовые понятия, в эпоху менового оборота, и, как всякое

право, основано на идее эквивалентного обмена». Первоначально у горцев Северного Кавказа убийство отнюдь не ограничивалось повторным убийством, а продолжалось из поколения в поколение, пока не заключался мир между враждующими родами. Позже под влиянием шариата, российской судебной системы кровная месть ограничилась новым принципом "кровь кровью не моют", т.е. за убийство, совершенное из мести, месть не полагалась, поскольку это убийство перестало являться обидой, а стало уничтожением (смыванием кровью) обиды. Первоначально же было правило, согласно которого "должник крови, и ищущий кровомщения равны при встрече", т.е. месть была не эквивалентна. Она продолжалась до бесконечности. В силу этого А.М. Ладыженский настаивает на том, что "наказания у первобытных народов отнюдь не основывалось на принципе эквивалента. Они стремились к генеральной превенции и к удовлетворению чувства мести".

Адаты, бывшие первоначально обычаями, сложились при первобытно-общинном строе и были санкционированы силой общественного мнения сородичей, а также силой рода по отношению к другим родовым союзам. Позже по мере того как роды распадались на патронимии и задруги, разукрупнялись и становились сословными корпорациями, в недрах родового общества зарождалась государственная власть, адаты трансформировались в юридические нормы, защищающие интересы привилегированных классов. Превращение родовых норм в юридические есть одно из проявлений превращения родового общества в классовое и теснейшим образом связано с постепенным образованием из распада родового общества органов государственной власти.

А.М.Ладыженский указывал, что если родовые организации не были экономически равными, если одни из них богатели и усиливались, а другие беднели и слабели, то богатые роды начинали эксплуатировать бедных. Чисто родовые институты, кровной мести, барамты, выкупа за обиду, очень рано стали средствами для эксплуатации сильными и богатыми родами слабых и бедных. За кровь члена знатного рода бралась настолько высокая плата, что ее нельзя было внести и род обидчика принужден навсегда стать данником рода обиженного. Выкуп кровной мести превращался в дань, в феодальную ренту. Наоборот, за

обида, нанесенную слабому и бедному роду, плату фактически взыскать было невозможно и обидчик путем захвата имущества слабого и бедного рода обогащался за его счет, превращал барамту в способ феодальной экономической эксплуатации.

А.М.Ладыженский отмечал, что по мере того, как роды становились сословными корпорациями органы родовой власти становились органами классовой власти, первоначально по отношению к подчиненным родам, а затем по мере распада родового строя – и по отношению к своим членам. В то же время бытовые внутриродовые нормы становились классовыми нормами, основанными уже на внешней принудительной силе, то есть, нормами правовыми.

По мнению А.М.Ладыженского, появление системы композиций соответствовало переходу от господства союзов мира к государственности. Всякое преступление могло быть выкуплено уплатой определенной пени. Первоначально выкуп, подчеркивал А.М.Ладыженский, возник не из идеи получения эквивалента за причиненное зло, не из мысли о возмещении убытков, а из желания мстить. Не имея возможности направить свою месть против личности преступника, мститель захватывал его имущество. Вначале композиции выплачивались всем родом сообща в полной мере. Позже начали перекладываться на семью виновного, тогда как остальные сородичи вносили только известные доли: чем более дальнее родство, тем доли композиции уменьшались.

А.М.Ладыженский справедливо указывал, что в позднепервобытной общине, характерной для народов Северного Кавказа, гражданское право сливалось с уголовным, причем уголовные преступления часто влекли за собой чисто имущественную ответственность, а гражданские правонарушения – уголовно-правовую санкцию. Эту точку зрения в современной науке поддерживает Ю.И.Семенов, который отмечал, что разделение права на уголовное и гражданское характерно собственно для права классового общества (17). Ю.И.Семенов подчеркивает, что для позднепервобытной общины было характерно "понятие ущерба, который члены одной человеческой группы причиняют членам другой группы". "Это понятие тесно переплетается, хотя полностью и не совпадает, с понятием обиды". Причинение имущественного ущерба

равно как и физического ущерба имело одинаковый смысл – нанесение ущерба личности и разрешались одними и теми же способами(18).

По мнению А.М.Ладыженского, первоначально понятие вины у горцев Северного Кавказа заменялось понятием объективной ответственности за преступление. Отвечали члены рода убийцы, хотя бы они не были повинны. Иными словами, в течении долгого времени идея вины заменялась идеей причинения вреда без вины и даже идеей формально установленной ответственности, причем последнюю нес не только виновник, но и его родичи. А.М. Ладыженский выявил, что народы Северного Кавказа знали понятие преступления против жизни и телесной неприкосновенности, имущественного преступления, а также понятие преступления против чести. Он отмечал зарождение различия народами Северного Кавказа гражданско-правового требования вознаграждения за ущерб и уголовно-правового наказания. Тем не менее у народов Северного Кавказа уже появилась идея субъективной вины. Первое проявление этой идеи А.М.Ладыженский видел в том, что за случайное убийство месть обязательно заменялась выкупом.

Особого рассмотрения, по мнению А.М.Ладыженского, заслуживает институт кровной мести. В предлагаемой монографии предпринята попытка выявить все этапы развития института кровной мести в северокавказских обществах, постепенной заменой ее выкупом – вергельдом и зарождения публично-правового наказания. При образовании государственности в обществе еще долгое время сохраняются пережитки родовой организации вообще, и кровной мести, в частности. Со временем, как указывал А.М.Ладыженский, месть из до судебной становится судебной и после судебной, тем более, что на первых стадиях развития процессуального права осуществление приговора возлагалось на пострадавшего и его сородичей. В процессе превращения кровной мести в право обвинителя перед судом, как органом государственной власти А.М. Ладыженский выделяет четыре ступени: 1) кровная месть всех членов рода убитого направлена против всех сородичей убийцы, 2) кровная месть ограничивается ближайшими родственниками убитого и его ближайших родственников, 3) кровная месть заменяется выкупом и символическим мщением (приставлением меча к груди убийцы), 4) трансформация кровной мести

в обязанность быть обвинителем в суде. Первая стадия была характерна для эпохи матриархата и патриархального родового строя. Вторая – в период распада родов на за други. Третья – в период разложения первобытно – общинного строя и последняя – в период становления уже сформировавшегося государства, в котором были сильны пережитки родового быта.

А.М.Ладыженский отмечал, что первоначально кровная месть возникала инстинктивно и элемент инстинктивности продолжался в ней тогда, когда появилось желание покрыть убытки и запугать врага. Кровная месть, по мнению А.М.Ладыженского, вытекала из указанной междуродовой борьбы и имела целью не столько получения эквивалента, сколько междуродовой террор. В кровной мести имеется стремление более сильных и богатых родов терроризировать и держать в подчинении роды более слабые и более бедные. Поэтому, как отмечал А.М.Ладыженский, кровная месть основывалась не на принципе товарного эквивалента, а на стремлении смыть обиду. В монографии прослеживается, как месть из родовой стала обязанностью перед соседями и односельчанами и тесно переплелась с общественным возмездием.

Выкуп кровной мести являлся нормой, возникшей еще в позднеродовом обществе. Он стал производиться в присутствии и под контролем государственной власти (князя) и превратился в обычно-правовую норму в подлинном смысле этого слова. С развитием государственной власти месть из досудебной становится местью по определению суда, а затем самоличным исполнением судебного приговора потерпевшим.

Немаловажным вопросом являлось и становление системы судопроизводства и судоустройства в обычном праве. Анализ фактических данных позволил А.М.Ладыженскому проследить превращение суда как мирового посредника (маслагата) в действительно судебный орган. Автор особо выделяет то, что между посредническими функциями и возникшими позже чисто судебными функциями существовали промежуточные формы. В связи с этим А.М. Ладыженский различал адатские и третейские суды, считая их различными стадиями становления системы судопроизводства и судоустройства. До появления русских на Северном Кавказе у горцев были третейские

суды (посреднические, медиаторские). В процессе судебной реформы, проводимой российской администрацией на Северном Кавказе, были созданы постоянные адатские суды.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что в монографии заметное место отводится сравнительным параллелям между адатом прошлых веков и состоянием традиционных юридических норм поведения, бытовавших в 1920-1940-е гг. А.М.Ладыженский имел возможность изучать те нормы обычного права северокавказских народов, которые сохранились в 1920-1930-е гг. преимущественно в полуофициальной форме. А.М.Ладыженский указывал, что собственно адатские суды были отменены еще в 1920-х гг. Тем не менее процессуальные нормы традиционного судопроизводства продолжали играть существенную роль в 1940-е гг. и оказывали влияние на рассмотрение дела в советских народных судах. В связи с этим А.М.Ладыженский изложил свое понимание формы и степени сохранения некоторых норм обычного права горцев Северного Кавказа. Для нынешних исследователей традиционного права народов Северного Кавказа эта часть исследования А.М.Ладыженского представляет особый интерес, поскольку им приходится иметь дело с народами, во многом утратившим традиционный образ жизни: то, что еще сохранялось на Северном Кавказе в 1940-е гг., в 1990-е гг. с трудом можно обнаружить лишь в рассказах горцев старшего поколения.

Примечания

1. Ковалевский М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М.1880; Гальперин С.Д. Очерки первобытного права. Спб.1893; Харузин Н.Н. Очерки первобытного права. М., 1898; Пост А.Г. Зачатки государственных и правовых отношений (Очерки по всеобщей сравнительной истории государства и права). М., 1901; Ковалевский М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. М., Вып.1-2. 1905; Башмаков А.А. Очерки права родового, наследственного и обычного. СПб., 1913 и др.
2. Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т.2. М.,

1886.; Его же. Историко-сравнительный метод в юриспруденции... С.1-10.

3. Хаханов А. Суд общины у грузин-горцев // Этнограф, обозрение (далее - ЭО). 1893 N 1.; Тесленко В. О судоустройстве по обычному праву белорусов//ЭО.1893. N 3; Хангалов М.Н. Юридические обычаи у бурят // ЭО. 1894 N 2.; Изразцов Н. Обычное право киргизов Семиреченской области // ЭО. 1897. N 3; Миллер Б.Вс. Из области обычного права карачаевцев // ЭО.1902. N 1,3; 4 Пашуканис Е.Е. Общая теория права и марксизма. М.1924. Малиновский И.А. Лекции по истории русского права. Варшава. 1915., его же. Единая Россия и самостоятельность областей. Р/Д. 1919.

4. Танаевский В.А. Программа для собирания сведений по обычному праву Вятского края. Вятка. 1925.

5. Игнатьева М.Н. Обычное право якутов (X\л1-X1X в.). автореф. кан.дисс. М.,1989; Дончев К.Т. Обычное право болгарской деревни от освобождения до 40-х гг. XX в. автореф. кан.дисс. М., 1993; Викторин В.М. Социальная организация и обычное право ногайцев Нижнего Поволжья (XVIII-начало XX в.). автореф. кан.дисс. Л., 1985; Куадже Р.З. Социальные отношения и их отражение в неписанном феодальном праве Адыгеи (Черкесии) XVIII-первой половины XIX в. автореф. кан.дисс. Тбилиси, 1988; Селюков Ф.Т. Обычное право: основные понятия, структуры, функции и методы изучения. М., 1991. (Деп. в ИНИОНЕ); Табо М.Э. Брак и семья по обычному праву Лесото, автореф. кан.дисс. М., 1984; Галбен А.И. Развитие обычного права феодальной Молдавии (XVIII-первой половине XIX в.). автореф. кан.дисс. Кишинев, 1982.

6. Магомедов Р.М. Адаты дагестанских горцев как исторический источник. М.1960; Гарданов В.К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII-начале XIX в.// Сов. этнография (далее - СЭ). 1960. N 5.; Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата первой половины XIX в. Нальчик, 1990; Куадже Р.З. Социальные отношения...; Кучмезова М.Ч. Имущественное и наследственное права балкарцев в XIX в.// Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. В.6, Нальчик, 1972.; Азаматов К.Г. Социально - экономическое положение и обычное право балкарцев в

первой половине XIX в. Нальчик, 1967; Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. М., 1984; Громыко М.М. Община в обычном праве сибирских крестьян ХУ1П-70-х годах XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1974; Мамакаев М. Чеченские тайпы в период разложения. Грозный, 1973; Гантемирова Ф.А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII - первая половина XIX). М., 1972; Кокурхаев К.А. Общественно - политический строй и право чеченцев и ингушей (вторая половина XIX - начало XX в.). Харьков, 1983; Ахметова Н.С. Институт "кун" в обычном праве казахов и его отмена при Советской власти. Алма-Ата, 1979; Викторин В.М. Указ.раб...; Галбен А.И. Указ.раб.; Эдиева Ф.Д. Обычное право в системе общественных отношений карачаевцев. М, 1975, Фёдоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири. Якутск, 1978; Хайтлийев А. Уголовное обычное право туркмен. Ашхабад, 1986; Кокурхаев К.А. Правовая система и судопроизводство чеченцев и ингушей (вторая половина XIX-начало XX в.) // Вопросы истории Чечено-Ингушетии.

7. Грозный, Т.1. 1977, Бабич И.Л. Традиционные институты адыгов: прошлое и настоящее // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997, ее же. Юридические институты адыгов // Северокавказских юридических вестник. Ростов на Дону, 1997, N 2, ее же. Эволюция обычного права адыгов в советском и постсоветском обществе // Этнографическое обозрение. М., 1997, N3, ее же. Кровная месть и суд кавказцев // Российская провинция. М., 1995, N2.

8. Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII-XIX вв.). Томск, 1990; Думанов Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев. Нальчик, 1976; Дончев К.Т. Указ.раб; Кисляков Н.А. Нормы наследования по адату и шариату у народов Средней Азии и Казахстана. М.1973; Азаматов К.Г. Указ.раб.; Галбен А.И. Указ.раб.

9. Перщиц А.И.. Проблемы нормативной этнографии. // Исследования по общей этнографии. М.1979.

10. Гарданов В.К. Введение // Материалы по обычному праву кабардинцев. Нальчик, 1956; его же. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов (черкесов) в XVIII-XIX в. // СЭ. М,. 1964, N1; его же. Обычное право как источник... См. также: Агларов М.А.

Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII-начале XIX в. М., 1988; Магометов А.Х. Общественный строй и быт осетин. Орджоникидзе, 1974; Раджабов Г.А. О системе управления сельской общины в Ширване // Вопросы истории Азербайджана. Баку, 1966; Кожоналиев С.К. Уголовная ответственность по обычному праву киргизов до Октябрьской революции. Фрунзе, 1989. (Депон. в ИНИОНЕ); Культелев Т.М. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955; Гантемирова Ф.А. Указ.раб.; Эдиева Ф.Д. Указ.раб.; Азаматов К.Г. Указ.раб...; Тхамокова И.Х. Из истории общественной организации шапсугов в первой половине XIX в. // Вопросы этнографии и этносоциологии. Нальчик, 1981; Калмыков Ж.А. Из истории судебных учреждений в дореволюционной Кабардино-Балкарии (1890-1917 гг.). // Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия обществ., науки. Ростов-на-Дону, 1975. N 1.

11. Гарданов В.К. Система композиций в обычном праве (черкесов) XVIII - первой половине XIX в. // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964. Доклад № 281, С.1-2;

12. Хашаев Х.М. Шариат, адат и преступления, составляющие пережитки родового быта в Дагестане. М., 1949; Брайнин М.С. Смирнов Е.Н. Расследование преступлений, связанных с пережитками местных обычаев. М., 1962; Барамия А.И. Борьба с преступлениями против жизни и здоровья, совершенными на почве кровной мести (по материалам Грузин.ССР). М.-Сухуми, 1965.

13. Плиев А.А. Кровная месть у чеченцев и ингушей и процесс ее изживания в годы советской власти. М., 1969; Иванова Ю.И. Поведенческие стереотипы: обряд примирения кровников в горных зонах Балкан и на Кавказе // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С.151.

14. Ладыженский А.М. К вопросу об исследовании обычного права народов Северного Кавказа. // Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. Р/Д. 1926. N 3-4. Очерк социальной эмбриологии (внутриродовое и междуродовое право кавказских горцев). // Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ. Р/Д. 1928. Т.1. Обычное семейное право черкесов. // Бюллетень Северо-Кавказского краевого горского НИИ краеведения. Р/Д. 1927. N2-4, "Адыгэ Хабзэ" (обычное

право черкес). // Информационный бюллетень Всесоюзного общества культурных связей с заграницей. Р/Д. 1927. N 1-47., К изучению быта черкесов. // Революция и горец. Р/Д. 1928. N 2., Рецензия на статью А.Дирра "Об обычном праве кавказских горцев" // Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ. Р/Д. 1928. Т.1., Обычное право черкес. // Новый восток. М.1928. КН.22. Методы этнологического изучения права. // Этнография. М.-Л. 1929. N 1., Внутриродовые и межродовые адаты кавказских горцев. // Записки... 1929.Т.1.,

15. Он же. К вопросу о юридической природе международного частного права // Вестник МГУ. 1948. N 5., он же. (в соавторстве с И.П.Блищенко). Мирные средства разрешения споров между государствами М.1962

16. Сборник адатов Аварского народа, Сборник адатов Кайтаха, Сборник Кайтахских адатов XVI в., составленный Умцием Ахметом, Сборник адатов бежидского округа, «Адаты Даргинского округа», «Сборник адатов, существующих в Гунибском округе Среднего дагестана», «Сборник адатов Анцийского округа». «Адаты Кюринского ханства», «Адаты в Кайтаго - Табасаранском округе», «Адаты Самурского округа» и т.д.

17. Семенов Ю.И. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // Этнографическое обозрение. 1997, N 4. С. 16.

18. Там же. С.23.

18. Там же. С.17,22.

И.Л.Бабич д.и.н., профессор

Институт государства и права АН СССР

А.М. Ладьженский

Адаты горцев Северного Кавказа

Москва

1947

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемой работе мы поставили своей задачей проследить зарождение классов, образование юридических норм, создание государства у горцев Кавказа. В настоящее время, в период борьбы с "вредными обычаями" и использовании "полезными", изучение юридических норм народов Северного Кавказа представляет значительный интерес. Так, коренным жителям Кабардино-Балкарской Автономной Области было разрешено судиться в своих третейских судах на основании местных обычаев. Применение туземных обычаев до некоторой степени было предоставлено для Чеченской Автономной Области.

Согласно целого ряда статей Земельного Кодекса Советского законодательства многие вопросы о землеустройстве, землепользовании, о разделе двора и т.д. решались на основании обычаев. Например, статьи 8, 55 и 77 Земельного Кодекса отсылают суд к юридическим обычаям. Восьмая статья гласит: "Земельные права и обязанности землепользователей и их объединений определяются общими законами, настоящим кодексом, узаконениями и распоряжениями, издаваемыми в его развитие, а для земельных обществ также их уставами (приговорами) и местными обычаями, когда их применение не противоречит закону". А пятьдесят пятая статья гласит: "При разрешении земельных дел, как общее собрание, так и другие органы земельного общества, руководствуются настоящим кодексом, другими действующими узаконениями, а также принятым уставом, или приговором общества и местными обычаями, если последние не противоречат закону". В семьдесят седьмой статье говорилось о том, что "разделу подвергается лишь имущество общего пользования, и по требованию их личного пользования, относительно которого ими будет доказано, что оно приобретено на их личные средства, а также то имущество, которое признается их личным имуществом по местным обычаям".

Против применения адатов выдвигались и выдвигаются много серьезных возражений. Во-первых, обычно указывается, что обычай консервативен и потому препятствует введению новых начал. Во-

вторых, отмечается дробленность юридического обычая. Третьим недостатком обычая является его неопределенность

Наряду с обычаями, применение которых допускалось советским законодательством, у горцев Кавказа сохранились вредные пережитки родового быта. На второй сессии ВЦИК XIII Созыва был зачитан доклад Досова, на основе которого были приняты Дополнение главой X Уголовного Кодекса РСФСР "О преступлениях, составляющих пережитки родового быта", а именно о калыме, т.е. выкупе за невесту, уплачиваемом женихом или его родителями или и сородичами, о барамте, т.е. самовольном угоне скота с целью понудить владельцев его к исполнению ими тех или иных обязательств, о куне, или канлы, т.е. имущественном вознаграждении, уплачиваемом убийцей родственникам убитого и, наконец, о двоеженстве. Участники сессии, Досов, Куражиев и др., отмечали, что нельзя ограничиваться только одними мерами репрессий, следует проводить просветительную работу. Такая работа предполагает хорошее знакомство с бытом и нравами туземцев. Как нам представляется, приходится считаться с некоторыми аспектами народно-юридического быта народов Северного Кавказа. Так, на съезде прокуроров автономных областей Северо-Кавказского края, состоявшийся 29 декабря 1928 г., отмечались трудности в области строительства советского правосудия на Северном Кавказе. Так, например, прокуроры не знают, что делать с женами осужденного за многоженство горца, если они довольны своим мужем и ни одна не хочет с ним разводиться?

Особенно ярко проявилась необходимость знакомства с адатами горцев Северного Кавказа для политработников в период Великой Отечественной войны. Так, немцы были объявлены кровниками горцев. Тем не менее и сами немцы умело использовали адаты горцев, чем объясняется лояльное поведение некоторых горских народов по отношению к немцам. Опыт войны объяснил, почему немцы проявляли с давних пор к этим адатам такой исключительный интерес.

Изучение горцев Кавказа началось уже давно. В XIX в. много сделали для кавказоведения В.Ф.Миллер, М.М.Ковалевский, Ф.И.Леонтович и др., собрав огромный фактический материал о правовых обычаях народов Кавказа. В особенности, важны труды М.М.Ковалевского "Закон и обычай на Кавказе" и "Современный обычай

и древний закон»(1). Между тем нельзя согласиться с М.М. Ковалевским, будто у горцев Кавказа все юридические обычаи были похожи на древнегерманские. Нельзя все адаты объяснять только как пережитки далекого прошлого, не учитывая тех социально-хозяйственным задач, под влиянием которых они не только сохранялись, но часто и внутренне изменялись, сохраняя старую свою оболочку. До некоторой степени таким подходом грешат исследования М.М.Ковалевского. Например, если ему не удавалось отыскать у осетин аналогичный германским народам обычай, он начинал истолковывать некоторые присущие осетинам традиции в ином смысле, более близком к германским.

Как нам представляется, неправильной является попытка М.М. Ковалевского объяснить происхождение сословий в Дагестане исключительно влиянием государственной власти. Наоборот, именно государственная власть может установиться только в результате сословно-классовой дифференциации общества. Именно общественное неравенство явилось предпосылкой образования государства. Феодалные государства возникли не путем завоевания, как пытается доказать М.М.Ковалевский, а путем внутреннего общественного процесса. Именно родовой строй привел к созданию классов, так как род диалектически развился в свою противоположность.

Хотя Ф.И.Леонтович отмечал, что на Кавказе почти в каждом округе свои особые обычаи, однако никто из исследователей не останавливался на причине данной дробности. Между тем это явление можно понять, если принять во внимание условия местной жизни. Так, у черкесов, живущих в горах, и занимающихся скотоводством, сформировались обычаи, отличные, от обычаев черкесов, живущих у моря.

Если в досоветской юридической литературе останавливались главным образом на самих адатах народов Кавказа, то в исследованиях советского периода большое внимание уделяется выяснению их общественного строя. Отметим работы С.В.Юшкова(2) и Г.А.Кокиева(3), где дается подробный анализ классового строя осетин и кабардинцев и приводится детально разработанная схема зависимости друг от друга различных феодальных сословий Кабарды и Осетии.

Как нам представляется, народы Северного Кавказа перешли от первобытно-общинного строя, минуя рабовладельческую формацию, непосредственно к феодализму. У некоторых из них, например, у приморских адыгов (шапсугов, бесленеевцев и темиргоевцев) феодализм начал сменяться буржуазными отношениями еще до того, как они вошли в состав СССР. Другие народы сохраняли сильные пережитки родового строя и с зачатками феодализма перешли прямо к социализму.

В буржуазной науке существует три основных точки зрения по вопросу о том, какие юридические нормы нужно считать обычно-правовыми, а именно: механическая, спиритуалистическая (психологическая) и смешанная. Согласно первому воззрению, основным признаком обычного права является его применение в жизни, его действие, независимо от того, сознается ли оно как право или нет(4). Сторонники механической точки зрения утверждают, что если принять критерием обычного права взгляд на него, как на право тех или иных групп населения, то придется не считать обычным правом порядок общественных отношений у первобытных народов, еще не дошедших до сознания правовой идеи. Во-вторых, как говорят сторонники этого направления, одного правового убеждения мало, надо, чтобы избежать субъективизма, считать правовыми нормами те обычаи, которые действуют, которые не только кем-либо считаются правом, а в действительности осуществляются, как таковые. Критерий народного убеждения слишком субъективен: то, что с точки зрения одних является правомерным, то с точки зрения других не таково. Только критерий практики дает твердое, лишенное всякого субъективизма определение, что можно считать обычным правом, а что нет(5).

Сторонники психологической точки зрения, напротив, утверждают, что характерным признаком обычного права является соответствие его народным убеждениям(6). И, наконец, третья - смешанная, сторонники которой считают, что только те нормы можно признать обычноправовыми, которые, во-первых, действительно осуществляются, и, во-вторых, соответственно воспринимаются населением, как правильные, как подлинно правовые(7).

Под марксистской точкой зрения прежде всего надо иметь в виду, что слово "право" вообще имеет много значений. Это – отнормим. Под правом понимают и совокупность норм, и порядок общественных отношений, и критерий должного с точки зрения какого-либо общественного идеала. С марксистской точки зрения "право" в строгом и точном смысле этого слова может употребляться только в применении к нормам санкционированным государством, т.е. существующим в классовом обществе. Но в истории общественного развития мы имеем зачатки права и государства, к которым слово право в строгом смысле не применимо, но которые не могут рассматриваться, как не имеющие никакого юридического значения. С диалектической динамической точки зрения нужно признать, что классы, государство и право возникали не сразу и что были промежуточные формы. В предшествующую формацию можно найти зачатки явлений, характерных для последующей формации, в частности, целый ряд норм внешнего поведения, возникавших в доклассовом обществе, которые затем развились, как чисто правовые положения в классовом обществе.

Право возникает и отмирает не сразу. Зачатки его возникают одновременно с зачатками классовой дифференциации общества, в форме материнского (матриархального) и затем патриархального "права". Но, конечно, это "право" – принципиально отличное от того, которое существует в классовом обществе. И вот "право" материнско-правового и отцовско-правового рода мы здесь мы будем изучать. В первую очередь, следует выяснить, каким образом, недифференцированные этические, религиозные и юридические элементы норм родового общества постепенно дифференцировались. По мере образования классов создавались нормы принципиально отличные от тех, из которых они выросли, создавались нормы права, санкционированные государством и охраняющие интересы господствующих классов. Главным образом, мы будем иметь дело с периодом аналогичным так называемому "героическому" периоду древней Греции.

Таким образом, с марксистской точки зрения не закон породил право, как подчеркивают сторонники формально – юридической точки зрения, а, наоборот, из права обычного возник исторический закон.

Право возникло не из государства, а сложилось в виде правоотношений, которые затем превратились в санкционированные государством нормы законов. Юридические отношения сложились до издания юридических норм, в смысле санкционированных органами государственной власти законов и административных распоряжений. Это, конечно, не было правом в строго юридическом смысле, но это было зародышем права. Часто государственная власть формулировала в виде законов, что сложилось как обычно правовые отношения еще до окончательного формирования классов и его государственной власти.

В советской литературе вопросу о том, с какого момента обычай становится правовой нормой, когда правило внешнего поведения делается юридическим положением посвящена работа С.А.Голунского (8). Автор указывает, что буржуазные исследователи искали отличия неправового обычая от права в самом содержании норм. Наиболее ярким представителем этой точки зрения является А.Меркель (9), который пытался найти грань между неправовыми обычаями и правом в том, что в первых преобладает ограничительный элемент, что в них нет четкого противопоставления прав и обязанностей, составляющего характерный признак права.

Оспаривая эту точку зрения другие ученые, как например, Р. Штаммлер, подчеркивают, что конкретная граница между нормами права и неправовыми обычаями меняется. То, что сегодня является только обычаем неправового характера, может завтра стать юридической нормой и, наоборот. Поэтому различие между теми и другими надо искать не в их содержании, а в особом характере правовых норм - в их притязании на обязательное значение. Правовые нормы отличаются автокритическим характером в отличие от гипотетического характера обычно-правовой нормы. Право в формальном смысле заявляет притязание на значение абсолютного поведения. Однако и с этим делением нельзя согласиться, так как неюридические обычаи могут также притязать на "абсолютное поведение", на что указывал Зихес. Поэтому некоторые буржуазные юристы, как например, Радбрух, говорят о невозможности провести точную грань между правом и неюридическим обычаем.

Как известно с марксистской точки зрения "право" в строгом смысле этого слова возникает в классовом обществе и не мыслимо без

государственной санкции. С.А.Голунский отмечал, что "мы имеем все основания придти к выводу, что обычай превращается в правовую норму тогда, когда несоблюдение такого обычая влечет за собой применение соответствующей санкции со стороны государства"(10). Вполне соглашаясь с этим, если стать на строго юридическую точку зрения, мы считаем необходимым подчеркнуть, что исторические классы и государство возникают не сразу, а потому в истории права мы имеем промежуточные формы между чисто бытовыми и правовыми обычаями. Обычай, привычка – то, что у англичан называется *habit*, постепенно становится обычаем-нормой, *custom*, получает все большую и большую санкцию со стороны слагающейся государственной власти. При этом обычай меняет свое внутреннее содержание, трансформируясь в пользу господствующих классов. Так, например, пережиток коллективного брака превращается в право первой ночи для феодала, обычай трудовой взаимопомощи превращается в барщину и т.д. Бывает даже и так, что внешне нормы не изменяются, но в силу того, что они применяются к лицам далеко не одинакового имущественного положения, они становятся для бедняков совсем не тем, чем они применяются для богатых. Так, например, выкуп кровной мести для бедных и слабых родов становится источником закабаления. Обычаи доклассового, родового общества, кровная месть и выкуп ее, становятся одним из источников классовой дифференциации, приобретают классовый характер. Более сильные в экономическом и других отношениях роды и большие составные семьи-задруги, на которые они распадаются, закабаляют себе путем кровничества и выкупа его более бедные и маломощные роды.

Одновременно с этим, как мы это стремимся показать в данной работе, органы родовой власти господствующих родов, патронимии и задруг превращаются по отношению к закабаленным родам ("леям") в зачатки оторванной от общества (и этих последних родов), внешней по отношению к ним, т.е. государственной власти, санкционирующей эти нормы, родовые по первоначальному происхождению, но становящиеся классовыми по содержанию, т.е. нормы уже правовые в строгом смысле этого слова. Маломощные роды, патронимии и задруги, будучи не в состоянии выплатить выкуп кровной мести, должны были отрабатывать с процентами и попадали вследствие этого в кабалу,

становились "леями". Выкуп кровной мести превращался в феодальную отработанную и натуральную ренту, а родоплеменная знать становилась государственной властью.

Так в недрах распадающегося первобытно-общинного строя зарождалась государственная власть, а нормы родовые обращались в классовые, в правовые, в точном смысле этого слова нормы. Конечно, имущественная дифференциация не вытекала как из первоосновы из кровной мести и ее выкупа, но эта дифференциация вызывала столкновения между родами, столкновения, являющиеся зачатками классовой борьбы и выразившиеся первоначально, как родовая и задружная борьба, переходившая в кровную месть и выкуп ее. Обычай чисто родовой превращался таким образом в правовой, в точном смысле этого слова, в обычное право. Сохраняя свою родовую форму, он получал другое содержание. У народов Северного Кавказа к моменту завоевания их Российской империей первобытно-общинный строй уже перерос в классовое общество и адаты из норм чисто бытовых становились в значительной степени правовыми.

В дальнейшем мы видим, что и сами санкции за нарушение норм для различных классов становятся далеко не одинаковыми и таким образом не только в порядке применения нормы получают для различных классов различное содержание, но и требование в этих нормах для представителей разных классов далеко не одинаковое. Так, за убийство князя выкуп стали требовать больший, чем за убийство простого крестьянина, на чем подробнее мы остановимся в дальнейшем.

Этот постепенный переход бытовых норм в классовые, правовые в строгом смысле этого слова, чрезвычайно интересно и важно проследить.

Несмотря на некоторую неопределенность и текучесть (динамичность) понятия обычного права, вообще, и так называемого "первобытного права", в частности, его все же можно и нужно, хотя бы в основных чертах, охарактеризовать. Под обычным правом надо понимать совокупность правил внешнего поведения, которые: 1) рассматриваются членами социального объединения, как обязательные – либо на основании непосредственно влиявших условий общественной жизни, либо на основании какого-либо общественного авторитета, 2)

исполняются членами данного общества, а если их нарушают, то против этого борются, систематически применяя против нарушителей репрессивные меры, 3) защищают интересы данной общественной группы, являвшейся или зачатком класса, или уже вполне сложившейся в класс. В последнем случае эти нормы являются классовыми, оказываются правом в точном смысле этого слова. С таким определением надо подходить к тому, что рассматривается как "обычное право".

Характеристика источников. Источниками норм поведения кавказских горцев является маслагат, т.е. соглашение, адат, или обычай и шариат – магометанский религиозный закон. Изучая обычаи горцев, мы легко убеждаемся, что так называемое субординационные, т.е. "властные нормы", образовались из "координационного", т.е. "междувластного". Иными словами, в основе всего междуродового строя лежат соглашения и общественные договоры-маслагаты. Само собой разумеется, что при заключении маслагатов привилегированные сословия алдары, баделята получали больше, чем угнетенные фаршалаги, а кавдасары и гудзиаки (рабы) не участвовали вовсе в маслагатах.

Постановленное посредниками решение становится прецедентом-маслагатом. Повторенный затем в других подобных же случаях маслагат присоединяется к общей массе народных обычаев и постепенно превращается в адат. Любители сопоставлений, стремящиеся не к тому, чтобы объяснить происхождение обычая из потребности жизни, а из сходства с обычаями других народов, могут провести аналогию между созданием адата у кавказских горцев и прецедентным судебным правом англичан. Но, в отличие от Англии, где значение прецедента объясняется консервативными тенденциями правящих классов, у горцев маслагат в новое время, объясняется, главным образом, тем, что ищут средние решения между требованием шариата и народными правовыми воззрениями. Так, у дагестанских горцев маслагатное разбирательство составляет середину между судом по адату и судом по шариату(11).

Таким образом, мы видим, что если в древности маслагат был первоначальным источником правотворчества, вроде того *contract social*, о котором писал Ж.Ж.Руссо, и устанавливался между родами,

то затем он превратился в мировую сделку, в отступление как от требований уже устаревших адатов, так и от слишком суровых требований шариата. То обстоятельство, что маслагат был как бы договор, санкционированным обществом, видно из самого названия его у разных народов. Так, у осетин он именуется "тархон", что буквально означает "суд на торгу", или "миновар", т.е. народный мировой суд посредников по спорам и столкновениям родов и их членов, очень распространен и в древнем славянском праве.

Но этот маслагат, который возник до адата и шариата и который в более новое время получил свое распространение в виду того, что шариата во многих отношениях не удовлетворял население, особенно западных горцев. Этот маслагат получил поддержку от того самого мусульманского права, против которого он возник. Отсюда видно, насколько сложно переплетение различных факторов. По коренному мусульманскому праву каждое общество (джамаат) "правоверных" имеет свои сходки стариков и вообще почетных людей для обсуждения всякого рода общественных дел. На таких сходках "саах валов", т.е. "белобородых", устанавливается мировой маслагат, становящийся затем адатом общины. Первоначально маслагаты составлялись преимущественно между различными племенами и общинами. Они являлись как бы международными соглашениями о мире, дружбы и торговле. Как отмечал Н. Карлгоф, маслагат и адат очень долго держались на почве мирных международных отношений. В этом отношении адат ближе подходит к разряду международных прав, чем гражданских законов(12).

Особенно интересно отметить указанное обстоятельство, из которого видно, что координационные, междувластные нормы (междуродовые и междуплеменные) являлось первоначальным зачатком права. Да это и естественно. Разные племена и роды отличались друг от друга по своему имущественному положению. Одни владели хорошими пастбищами и водопоями, а другие в силу отсутствия у них того и другого попадания в зависимость от первых. В междуродовой борьбе не трудно усмотрены до некоторой степени зачатки междуклассовой борьбы.

Субъектом притязаний и обязанностей был род, еще не было вполне сложившегося сознания личности, каждый человек в

значительной степени растворялся в своем роде, еще не существовало точно разработанных и определенных индивидуальных правомочий, а имелись только права всего рода, как такового. Бывшие сначала междуплеменными и междуродовыми нормами маслагата затем постепенно становятся по мере того, как роды распадаются на отдельные семьи, нормами междусемейными и междуличными.

До настоящего времени кодифицированы следующие адаты. *Сборник адатов Аварского народа*, составленный в XVI в. Омар-ханом (Умма-ханом) аварским. Омар-хан боролся против разнообразия обычно-правовых норм и старался установить одинаковые юридические положения для всех своих владений. Кроме старых обычаев Омар-хан включил в свой сборник и новые, возникшие в его время. Сборник адатов Омар-хана применялся в аварских судах до новейшего времени, и есть известия о том, что даже после Шамиля данный сборник принимался аварскими судами при разборе местных дел. *Сборник адатов Кайтаха XVII в.*, составленный Уцмием Рустем-Ханом. Данный сборник имеет тот недостаток, что наряду с записанными народными обычаями, в него вошли и законы, изданные самим Рустем-Ханом. По преданию, сборник, составленный первоначально на арабском языке, был затем передан кадию населения Киша¹³. В начале каждой главы в этом сборнике стоит одна и та же фраза: "Кто будет беречь рот свой, того и голова будет спасена". В этих словах выражается народный взгляд на то, как надо вести себя, чтобы остаться целым. Она напоминает римское изречение "bene vixit qui bene latuit". Но если для римлянина надо было хорошо скрываться для того, чтобы хорошо жить, то для дагестанцев было хорошо держать язык за зубами не для того, чтобы хорошо жить, а для того, чтобы только сохранить свою жизнь. Сборник Рустема-хана принадлежит к числу важнейших памятников древнего права кавказцев. В нем мы находим указания на главные институты, разъясняющие древний общественный и частно-правовой быт дагестанцев. Сборник содержит не только нормы материального права, но и правила ведения процесса. *Сборник Кайтакских адатов XVI в.*, составленный Уцмием Ахметом, содержит древние адаты о правах владельцев и так называемых "чанков", т.е. низших классов. Этот сборник, равно как и сборник Рустем-хана, о котором мы написали выше, дает возможность познакомиться с

феодалным строем дагестанцев. *Сборник адатов Бежидского округа XVII в.* Он состоит из пяти отдельных частей по наибствам (Лидойского, Капучинского, Анцугского, Ухнадальского и Джурмудского). В сборнике также приводятся адаты отдельных обществ, что особенно важно в виду подробности обычаев кавказских горцев.

Из сборников адатов Дагестанской области можно указать на "Адаты Даргинского округа", составленного в 1865 г. Даргинским окружным Управлением, "Сборник адатов, существующих в Гунибском округе Среднего Дагестана", "Сборник адатов Анцийского округа". "Адаты Кюринского ханства", "Адаты в Кайтаго-Табасаранском округе", "Адаты Самурского округа".

Гораздо хуже обстоит дело с собиранием древних обычаев западных горцев Северного Кавказа. Первые сборники адатов кабардинцев появились в конце XVIII в., когда Верхний пограничный суд, состоявший из местных представителей и из русских чиновников в 1793 г., записал так называемые "Древние обряды кабардинцев". К сожалению, нет никаких собраний народного права до XVII в., т.е. до того времени, когда кабардинцы перестали быть христианами и потому мы не можем установить, какое влияние оказал ислам на быт этого наиболее культурного среди горцев Северного Кавказа племени. Следующим сборником кабардинского обычного права является так называемое "Народное условие". Как известно, кабардинцы, в отличие от чеченцев и ингушей, а отчасти и карачаевцев, с давних пор имели резко обособленные друг от друга сословия. В то время, как чеченцы и ингушей отличались сохранением многих пережитков родового строя, кабардинцы уже перешли в стадию феодального строя и имели князей (пши) и подвластные низшие сословия. Между этими различными группами кабардинского населения естественно происходила сословная и классовая борьба. Чума 1806 г. сильно уменьшила число рабочих рук. Народ обеднел и стал более зависим от высших классов. Поэтому, под влиянием духовенства князей и узденей было создано новое "Народное условие о суде и правах", изданное в отмену прежних обычаев по закону Магомета. К этому сборнику примыкает так называемый "Дополнительный обряд", вошедший вместе с "древними обрядами" и "народным условием" в "Книгу для руководства в

приговорах судебных". В нем содержатся правила о сельских старшинах, о праздниках, пастьбе скота и его краже, о пчельниках, о женитьбе, калыме, разводе, левирате и наследстве.

Особенно посчастливилось адатам осетин. Их подробно собирали и изучали. Это, конечно, вполне естественно: осетины – потомки древних аланов. У них сохранились древнейшие иранские обычаи. Поэтому, изучение их особенно интересно. Кроме свидетельства об осетинах древних авторов мы имеем "Описание юридических обычаев осетин", сделанное в 1836 г. российскими чиновниками. В 1825 г. русских министр финансов граф Канкрин представил Николаю I-ому докладную записку о необходимости всесторонне изучить быт различных кавказских племен. Для описания Кавказа на месте были командированы несколько лиц, которые получили особое наставление и программу работ. Они собирали сведения в течение нескольких лет и затем, в начале 1835 г., приступили к изданию своей работы. Во второй части созданного сочинения было дано "Описание юридических обычаев осетин", в основу которого были положены сведения, собранные на месте А. Яновским. Осетинские "арьдау" изложены в 29 статьях и касаются норм уголовного процесса (о присяге, о семейных отношениях, в частности, о левирате, о купле жен, о многоженстве и о наследственном праве).

Изучение адатов кавказских горцев отнюдь не дает основания утверждать, будто все уголовные нормы возникли из идеи "око за око", "зуб за зуб", которая появилась, как и все правовые понятия, в эпоху менового оборота, и, как всякое право, основано на идее эквивалентного обмена. Подобное утверждение можно выдвигать только, совершенно не зная адатов. В самом деле, кровная месть, на которую ссылается Е.Б. Пашуканис, в доказательство своего мнения, у горцев первоначально отнюдь не ограничивалось убийством за убийство, а продолжалось из поколения в поколение, пока не заключался мир между враждующими родами. И только затем, под влиянием Корана, русского права и новых условий жизни кровная месть ограничилась новым принципом "кровь кровью не моют", т.е. что за убийство, совершенное из мести, месть не полагается, так как это убийство является не обидой, а уничтожением (смыыванием кровью) обиды. Первоначально же было правило, согласно которого

"должник крови и ищущий кровомщения равны при встрече", т.е. что месть не эквивалента, а продолжается до бесконечности.

Далее сторонникам идеи эквивалента, в том числе А.Ф. Гюнтеру, мы можем, на основании осетинских адатов, указать на то, что кровная месть полагалась не только за убийство, но еще более за причинение не материального вреда, например, за выбрасывание цепи из котла во двор, т.е. за символическое оскорбление рода, а также за прелюбодеяние. Каждый осетин и вайнах гораздо скорее примет выкуп, "материальный эквивалент", за убийство родственника, чем за оскорбление семейного очага, выбрасывание цепи, или за прелюбодеяние. Принять деньги от соблазнителя жены за отказ от кровной мести является, по мнению горцев, величайшим позором.

Можно смело сказать, что за убийство полагалась кровная месть прежде всего потому, что убийство является оскорблением рода. Поэтому мы считаем, что кровная месть основывалась не на принципе товарного эквивалента, а на стремлении смыть обиду и на том, что в современном уголовном праве называется общим предупреждением. За преступление отвечает не только лицо его совершившее, но и весь его род, хотя и в меньшем размере, чем сам преступник. Обычай требовать выкуп за кровь с членов рода (и при том выкуп совершенно независимо от того, сколько уплатил сам виновник) основывается на принципе круговой поруки. Уплаченная виновником большая сумма не освобождает подсобников и попустителей от обязанности уплатить то, что полагается с них. Если же виновник скрылся, то его доля отнюдь не перекладывается в полной мере на весь род. Отсюда мы видим, что наказание у первобытных народов отнюдь не основывалось на принципе эквивалента. Оно стремилось к генеральной превенции и к удовлетворению чувства мести.

Противоположной точки зрения придерживался В.Люлье, который отмечал, что "по господствующим у горцев понятиям, преступность определяется не по качеству морального убеждения, а скорее по количеству наносимого ущерба. Поэтому и самое наказание ограничивается наказанием вещественным, основанным на простой сделке" (14).

Сторонники идеи эквивалента указывают на то, что кровная месть возникла и возникает до сих пор часто и тогда, когда никакой злой

воли не проявлено, когда убийство случайное: смерть от животного и даже предмета, принадлежавшего другому народу. Но здесь нет даже стремления к эквиваленту, здесь просто неразумное выявление инстинкта мести. Подобно тому, как ребенок бьет пол, о который ударился, первобытный человек мстит вещам и животным. Затем когда он осознал, что они не могут считаться объектом мести, а чувство мщения все же требовало удовлетворения, то начали мстить невиновным хозяинам тех животных и вещей, от которых пострадали. Понятие субъективной вины появилось очень не скоро и то только под влиянием магометанства. Прежде же были правила для установления, на кого должна направляться месть и этим правилам следовали, хотя бы и знали, что объект мщения не причинил вреда. Эти правила были созданы, чтобы упорядочить вред и ими руководствовались независимо от того, виновен или нет тот, кому, согласно этим правилам, надо мстить.

Главным среди этих доказательств были обвинительные и очистительные присяги. Современному читателю может быть непонятно, почему присяги являлись неопровержимыми доказательствами виновности. Но, если мы примем во внимание тогдашнюю глубокую религиозность, особенно магометан и их убеждения, что за ложную присягу они понесут жестокое наказание на том свете, то станет ясным, что по их мнению, принесший ложную присягу тем самым уже наложил на себя строгое наказание. Возникновение кровной мести нельзя объяснить ни идеей вины и вменения, т.к. мстили явно невиновному, хозяину коровы, из-под которой упал камень, убивший члена другого рода, ни желанием получить материальный эквивалент – возместить убыток. Какой может быть эквивалент между оскорблением семейной цепи и убийством, или между зарезанной собакой и кровавой расправой над человеком? Истоки кровной мести нужно видеть в инстинкте мщения, еще не заторможенного нормами права и нравственности, как это имеет место в цивилизованном обществе. Но свести кровную месть к этому инстинкту нельзя. Месть – это пережиток дикости, животности, но пережиток, приобретший нормативные формы. Современные психологи постоянно подчеркивают, что нельзя логизировать переживания, особенно переживания первобытных народов.

Инстинкт мести первоначально проявляется не из каких-либо логических соображений (получить материальный эквивалент, или сохранить общественный порядок), а – с чисто природной необходимостью и часто может быть неразумным. А кровная месть несомненно возникла первоначально чисто инстинктивно и элемент инстинктивности сохранился в ней до сих пор. Затем, к инстинктивному желанию мстить присоединяется желание покрыть убытки и запугать "дабы не повадно было". При родовом строе чувство мести получало социальную форму междуродового террора.

Кровомщение, хотя и возникло из инстинктивных побуждений, но затем стало социальным явлением далеко не сводимым вполне к указанным побуждениям. Подобно тому, как в основе брачных отношений лежит половое чувство, но семья в качестве социального явления этим чувством, этим инстинктом не может быть объяснена. Кровная месть при первобытно-общинном строе стала формой междуродовой борьбы и затем формой эксплуатации одним кланом другого. Но, наряду с междуродовой борьбой и часто с желанием получить от враждебного рода материальные блага в кровной мести проявляется и чувство мщения.

Вернемся к описанию сборников адатов. Возбуждение вопроса о необходимости подробно изучать обычное право горцев несомненно принадлежало Местному Управлению мирными горцами Северного Кавказа. В трех докладах, представленных в 1841-1842 гг. заведовавшим канцелярией по Управлению мирными горцами подполковником Бибиковым главнокомандующему Головину подробно были изложены как мотивы, так и основания работ по собиранию сведений об адатах. Изучение "народных обыкновении" делалось с целью покорения горцев. Записывались, главным образом, обычаи осетин, чеченцев, черкес и кумыков. Затем составлялись общие своды адатского права. Запись обычаев велась под руководством местных начальников отдельных частей Северного Кавказа. Бибиков выработал единообразную программу, по которой и предполагалось приступить к изучению и собиранию адатов. Запись производилась членами местных судов и штабными офицерами, которые должны были спрашивать стариков – горцев и записывать собственные свои наблюдения.

Часто запись велась людьми, отнюдь не пользовавшимися доверием горцев. Записывающие постоянно жаловались, что горцы относятся к записи с недоверием и далеко не всегда дают сведения. Как правило, записывающие не знали ни языка, ни истории тех племен, обычаи которых они должны были изучать. В виду всего этого данные записи не могут нас полностью удовлетворить и требуют новой, самостоятельной работы. В программу Бибикова не были введены такие важные вопросы, как о родовом и общинном устройстве, об организации народных собраний и о так называемом водном праве горцев. Для социальной эмбриологии необходимо подробно остановиться на первых четырех их перечисленных здесь вопросах, а с практической точки зрения очень важно изучить право на воду. В советское время в связи с проводимыми Северокавказским Краевым Гидротехническим Бюро мелиоративными работами, Крайземуправление обратилось в Горский Научно-исследовательский институт с просьбой собрать так называемые водные адаты горцев. Известно насколько важную роль играет на Кавказе орошение полей. У кавказцев с давних времен образовались целые системы обычаев по устройству канав и водохранилищ. Эти адаты частью были записаны в 1870-х годов особой комиссией, исследовавшей вопрос об орошении полей в Крыму и на Кавказе. К осуществлению предложения Бибикова, изучить обычное право горцев, приступили в 1843г. Руководство работой было возложено на начальников отдельных частей Кавказа, а именно на генерала Фрейтага, на князя Голицына, на Ольшевского, Нестерова и Завадского. Эти военноподполковники далеко не с одинаковым интересом и умением подошли к делу. В то время, как генерал Фрейтаг стремился выполнить возложенную на него задачу более или менее научно, интересовался происхождением адатов и не чужд был некоторых этнографических познаний, князь Голицын ограничился только записью обычаев, интересных для военного командования. Поэтому получалось, что адаты чеченцев и кумыков изучены лучше обычаев кабардинцев, балкарцев и дигорцев. Сведений же об адатах карачаевцев совсем не собрали, так как начальник Кубанской области уверял командование, что "по неимению офицера, которому можно было поручить дело, требующее весьма большой заботливости,

продолжительных и постоянных занятий, предписание собирать сведения об адатах до сих пор остается без исполнения".

В 1845 г. генеральный Штаб поручил капитану Ольшевскому составить свод всех собранных адатов. Но Ольшевский нашел, что имевшийся в его распоряжении материал далеко недостаточен и с мест затребовали дополнительных сведений по новой программе, которые однако поступали в очень незначительном количестве.

Среди сборников, составленных военным командованием, наиболее полным является "Описание гражданского быта чеченцев и кумыков, с объяснением адатного их права и нового управления, введенного Шамилем в 1843 г." Сборник был составлен графом Голенищевым-Кутузовым и князем Лобановым-Ростовским под руководством бывшего начальника левого фланга кавказской линии генерал-майора Фрейтага. Насколько невнимательно относились к этим материалам видно из того, что они были канцелярией потеряны и только благодаря тому, что у авторов имелись копии, их труд не пропал даром. Сборник генерала Фрейтага, особенно главы о вайнахах и кумыках, представляют собою весьма обстоятельное исследование, не утратившее своего значения до сих пор.

Совсем другой характер имеют "Полное собрание древних обрядов кабардинцев и прилегающих к ним племен (малкарцев и дигорцев), составленное ротмистром Давыдовским и майором Шардановым под руководством князя Голицына". В нем даются только краткие ответы по программе-анкете Бибикова. Затем мы имеем "Собрание сведений, относящихся к народным учреждениям и законоположениям черкес бывшей Черноморской линии", составленное этнографом-любителем, войсковым старшиной Кучеровым. Этот сборник имеет особенное значение, так как многие черкесы бывшей Черноморской линии выселились в Турцию и в настоящее время мы не можем собрать их обычаев.

Еще хуже составлены "Сведения об адате, или суде по обычаям кавказских горцев Владикавказского округа", собранные Норденстремом. В этом сборнике адаты осетин смешаны в одну кучу с адатами чеченцев.

Любопытен сборник "Об адате, правах и обычаях племен, обитающих на северной покатости Кавказского хребта", составленный

капитаном Ольшевским по поручению Горского управления. В нем мы можем найти некоторые данные юридических норм горских татар. К сожалению, составитель свода не указывает источники, откуда он брал ту или иную статью. Но в своде Ольшевского, подобно как в своде Фрейтага, мы находим целый ряд статей общего или исторического содержания. Для чисто практических целей составлены "Выписка о нравах и обычаях горцев Владикавказского военного округа", "Сведения о величине калыма и о штрафах в обществах чеченских и кумыкских племен" и "Сведения о калыме и штрафах по адатам черкесов Черноморской кордонной линии", "Описание вредных обычаев, существовавших в туземных племенах военно-осетинского округа до настоящего времени" (1859), "Сборник обычаев (адатов), существовавших у туземцев Осетинского округа" (1865), «Сборник адатов жителей Нагорного округа (1864), "Краткое описание обычаев, существующих между туземцами Ингушского округа" (1864), "Сборник адатов жителей Кумыкского округа" (1865). Из перечисленных сборников наибольший интерес имеет "Описание вредных обычаев", так как оно составлено на основании постановления народного собрания, решившего отменить вредные обычаи.

Кроме этих сборников, использованных отчасти и опубликованных Ф.И. Леонтовичем, имеются еще рукописные сборники. Из рукописных работа о кавказских горцах имеются еще работы Буткова "Опыт истории о черкесах и, в особенности о кабардинцах". "Опыт замечания о закубанцах", "Дагестан", "Записки о грузинах, хевсурах и других закавказских народах". Эти рукописи были отчасти использованы И.Дубровиным в его "Очерке Кавказа и народов его населяющих".

В работе использованы материалы, хранящиеся в Военно-учебном архиве Главного штаба: Записки "Горские земли", "Из записки иностранной коллегии", "Известие об осетинах", "Известия из Измаил-бея о черкесах", "Писание абазинцев", "Описание горских народов, черкесов закубанских", "Племя убы-хов". В архиве бывшего Министерства иностранных дел хранится записка князя Давыдова об Осетии. Всеми указанными записками до сих пор пользовались только И.Дубровин и Ф.И. Леонтович.

Кроме собирания сведений на местах и изучения имеющихся сборников адатов и работ о быте кавказских горцев, необходимо изучить шариат, чтобы установить влияние ислама на горцев. Как известно, под шариатом разумеется мусульманское право, основанное на главнейших положениях ислама и изложенное в священных книгах и в трудах магометанских юристов. В Коране имеется собственно законодательная часть Сунна или Гадис, представляющая из себя собрание разного рода старинных мусульманских обычаев. Кроме того, большое значение имеет также Иджмах (Миджу или Джаминат) – толкование первых учеников пророка и Алькиас, т.е. толкование законов имамами – законоучителями ислама.

Как известно, существуют две основные секты мусульман – шииты и сунниты. Все кавказские горцы, за исключением нескольких общин Дагестана, были сунниты. Горские, дореволюционные суды Дагестана и бывшей Терской области усвоили так называемый новоавийский сборник шариата Ильми Фикх с толкованиями Джемаль-Эдина. В Кубанской области между местными горцами был в употреблении другой сборник шариата, называемый "Дмат". В различных частях Кавказа влияние шариата не одинаково. Как мы уже указывали выше, в Дагестане оно началось значительно раньше, чем в Западном Кавказе, куда оно попало из Крыма. В Кубанской области шариат был введен взамен адата только в 1870-х гг. и после победы русского правительства над горцами его отменили. У Дагестанских горцев адат уже в 1830-х гг. стал подчиняться влиянию шариата. Правда, имамы и шейхи всячески стали стремиться совершенно заменить адат шариатом. В течение 27 лет Шамиль решительно боролся против адата и даже ввел смертную казнь тем, кто не подчинялся шариату. Тем не менее их желания не осуществились. Существует предание, будто сборники старинных адатов (Умма-хана, Рустем-хана) горцы прятали в дуплах старых деревьев и только после того, как пала власть Шамиля, они вновь начали открыто применять адаты. Народ очень охотно и сразу отказался от шариата. Макаров объясняет непопулярность шариата тем, что в нем установили очень строгие наказания за правонарушения, к которым население относилось довольно снисходительно. Чрезмерная строгость наказаний по шариату, часто противоречившая народным нравам, приводила к тому, что эти

наказания не налагались на осужденных, так как не было той силы, которая могла бы их применить.

Второй причиной сохранения адатов являлось то, что для высших горских сословий и, в частности, для правителей обычное право было гораздо выгоднее, чем шариат. Суд по адату служил немаловажным источником дохода, и, кроме того, открывал возможность влиять на народ путем установления новых адатов. Среди горцев, как в феодальной Европе, велась борьба между светской и духовной властью. Власть духовная опиралась на шариат, а власть светская – на адат. Значение адата поддерживалось также и тем, что шариатские книги были написаны по-арабски, т.е. на языке, недоступном громадной массе горцев. Борьба между адатом и шариатом была своего рода борьбой между "мечей" или "двух светил". В конце концов по шариату стали разбираться только немногие дела, чисто семейного характера, которые касались взаимоотношений супругов, родителей и детей, а также религиозные дела.

При изучении юридических обыкновений кавказских горцев нельзя не остановиться также на влиянии на него русского законодательства. Правда царское правительство, боясь усилить недовольство горцев, относилось к адатам довольно терпимо. Оно решительно боролось против влияния Турции через мулл, а потому отрицательно относилось к шариату. Для русского империализма дробный местный адат был гораздо приятнее, чем мусульманский шариат. В виду этого, еще в 1840-х гг. Горское управление решительно высказалось за сохранение "обычных между горцами порядков". Адат являлся меньшей помехой для насильственной руссификации, чем шариат. Однако, при всей терпимости к адатам русское правительство не могло не бороться против ряда вредных обычаев. Поэтому, еще при открытии генералом Гудовичем в 1793 г. "родовых судов" в Кабарде были изъяты из рассмотрения по адату дела об убийстве, государственной измене, разбое, воровстве и др., которые должны были рассматриваться по русским законам. Но горцы воспротивились введению этого порядка. Как указывал Н.Ф.Грабовский, в 1794 г. горцы открыто отказались повиноваться "родовым судом", считая их учреждениями, противными духу мусульманского закона и народным обычаям(15).

С начала XIX в. и, особенно после назначения главнокомандующим Ермолова, действие русских законов между кавказскими горцами стало усиливаться. В наставлении Временному кабардинскому суду были изъяты из подсудности, на основании "древних обрядов", и подчинены русским военным законам все крупные уголовные преступления. Гражданские же дела и маловажные проступки горцев предписывалось "разбирать и решать по их древним обычаям и обрядам, приспособляя оные, поскольку важность случаев дозволит, к правам российским". В Дагестане же и других частях Кавказа русское правительство долгое время сохранило суд по адатам. Так, в 1789 г. генерал Головин писал начальнику Самурского округа, чтобы он при решении дел "преимущественно придерживался народных обычаев". Когда в 1840г. была сделана попытка подчинить русским законам население Улусского Магола Кайтога и Табасарани, то началось восстание дагестанских горцев. В 1848г. прежнее родовое управление по народным обычаям восстановили. В 1860г. в эпоху так называемых Великих реформ правительство решило "дать народу такой суд, который будучи сообразен с его понятиями и обычаями, давал бы возможность постепенно, без неудобств для народа, перейти со временем к решению всех дел на основании общих законов империи". Русским законам были подчинены политические и наиболее крупные уголовные дела. Роль адата сохранилась и после проведения на Кавказе судебной реформы. Но постепенно по мере развития капиталистических отношений значение русского права становилось все большим и большим. В конце концов влияние его стало огромно, и при изучении права горцев его нельзя не учитывать.

Данное исследование является плодом долголетнего изучения адатов кавказских горцев. Особенно много времени нам удалось посвятить наблюдениям юридических обычаев в Осетии, Кабарде, Адыгее, Аджарии и Абхазии. В работе использован архив Г.Шервашидзе, находящийся в Севере-Кавказском Горском Научно-исследовательском институте. В ходе исследования я провел экспедиции в течении пяти лет в ряде регионов Северного Кавказа.

В работе будут пересмотрены следующие положения:

1. В противоположность прежней так называемой "музейной" точки зрения на адаты горцев Северного Кавказа, точки зрения согласно

которой все обычаи объясняются исключительно как пережитки далекого прошлого и выясняются остатки матриархата, патриархального родового строя, влияния римские, византийские, татарские и закавказские, – я считаю, что очень многое на Кавказе возникало самостоятельно в виду жизненных потребностей и что даже те адаты, которые являлись пережитками прошлого, видоизменялись под влиянием новых условий жизни.

2. Классификация адатов исключительно по национальному признаку совершенно недостаточна. У разных классов и сословий одного и того же народа имеются различные обычаи, а у одинаковых сословий разных народов адаты часто очень сходны друг с другом. Так, например, в Дагестане имеются так называемые "бийские" адаты. У кабардинцев уорк-хабзэ, т.е. дворянские обычаи, очень отличные от обычаев крепостных крестьян. Арьдау осетинских феодалов в значительной степени находятся под влиянием кабардинских уоркских адатов. Между тем до сих пор на это обстоятельство почти не указывалось.

3. Мне удалось выяснить, что между неправовым обычаем и юридической нормой, санкционированной государственной властью, имеются промежуточные формы, что право, как классы и государственная власть, возникают не сразу, а в течение длительного периода времени и потому между неправовыми обычаями и обычным правом имеются переходные формы. Возникновение правовых норм я связываю с видоизменением норм между и внутри-родовых в юридические. На почве борьбы за пастбища, водопой и другие средства производства и одни роды богатели, а другие беднели и одни роды стали эксплуатировать труд других. Они брали дань за прогон, или за вывоз скота, облагали непосильными выкупами за установление мира, прекращение кровничества и таким образом междуклассовая борьбы до некоторой степени возникла из междуродовой борьбы.

Переходя к изучению видов адатов, я подчеркиваю, что кровная месть вытекала из указанной междуродовой борьбы и имела целью не столько получения эквивалента, сколько междуродовой террор. К этому выводу я пришел на основании кровной мести за обиды, не причиняющие никакого материального вреда. Например, плюнуть на цепь от родового котла, зарезать собаку на могиле предка чужого

рода с целью нанести тяжелое оскорбление этому роду не являлось действием, причиняющим материальный ущерб. Поэтому в кровной мести имеется стремление более сильных и богатых родов терроризировать и держать в подчинении роды более слабые и более бедные. Это стремление показывает, что чисто родовые обычаи могут трансформироваться в классовые нормы.

При изучении так называемого народного суда я выясняю, что суд этот постепенно превращался из мирового посредничества (маслагата) в действительно судебный орган и что между посредническими и чисто судебными функциями были промежуточные формы. И присяга, как доказательство, была в разное время и у народов, находящихся на разных ступенях развития явлением совершенно разного рода. Она могла быть уверением в истинности утверждаемого, а могла быть и дополнительным обязательством неустойчивого характера, например, "кебин-талах". Соприисяжники из защитников при споре постепенно становились свидетелями.

При рассмотрении развития института собственности подчеркиваю, что собственность развивалась не одинаково, одновременно существовала собственность племенная, родовая и семейная. На вещи индивидуального пользования собственность возникла гораздо раньше, чем на скот и землю. При возникновении собственности на землю имело значение, нуждалась ли указанная земля в особой расчистке, или нанесе чернозема. На участки, созданные трудом рода или семьи-задруги, освобожденные от камней, а также насыпанные на скалах и т.п., собственность родовая или семейно-задружная возникла довольно рано.

До последнего времени недостаточно связывали изучение адат горцев с выяснением социального строя тех народов, адаты которых использовались. Так сопоставлялись адаты вайнахов с адатами кабардинцев без подчеркивания, что при все внешнем сходстве некоторых из них, между ними была огромная разница по содержанию, так как один и те же нормы в разных общественных условиях имеют разный характер. Поэтому необходимо выяснить не только содержание нормы, но и те условия, в которых эта норма действует.

При изложении семейного права горцев я подчеркнул то обстоятельство, что горянка, хотя и была в большой зависимости от

мужа и хотя на ней лежала огромная работа, тем не менее она не являлась забитым существом, неспособным принять активное участие в социалистическом строительстве. У кавказцев была раздельность имущества супругов и женщина, вышедшая замуж, не уходила из - под защиты членов своего прежнего рода.

При рассмотрении отдельных институтов горских адатов я подчеркиваю необходимость все время иметь в виду их динамику, вызванную изменением общественного уклада. Так, например, калым являлся первоначально выкупом за мечь, которая должна была произойти в виду похищения невесты. Калым в этом смысле был "вергельдом". Затем при образовании менового хозяйства калым стал платой за рабочую силу, которую получал родовой союз девушки, выкормленной данным родовым союзом. Поэтому родители и сородичи невесты считали справедливым получить компенсацию за теряемую рабочую силу, на выращивание которой они затратились. В случае обмена невестами калым не уплачивался. Калым мог быть и часто бывал тем, что в римском праве называлось *donatio ante nuptiae* - предбрачным даром и шел в значительной части самой невесте. На современном этапе борьбы с калымом прежде всего следует выяснять, какие экономические отношения скрываются за внешне одними и теми же, а по существу очень разными адатами.

В ходе дальнейшего изложения мы подробно остановимся на доказательствах указанных положений, выставленных нами здесь, как тезисы.

Примечания

1. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890, Т.1-2, Его же. Современный обычай и древний закон. М., 1886, Т.1.
2. Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. Свердловск, 1938, Вып.1.
3. Кокиев Г.А. Кабардино-осетинские отношения в XVIII в.// Исторические записки. М., 1939. Вып.2.
4. Циттельман. *Gewohnheitsrecht und irrthum.* \\ Arch.fur civil Praxis. Bd.66

5. Ignatz Kornfeld. Allgemeine Rechtslehre und Jurisprudenz. 1929 p.138
6. Краинц. Sustem d. Oesterrtichschen Burgerl Rechts. Bd.1. S.37
7. Geng, Methode d,interpretation et sources en droit prive positif. 1919, N 110 p.
8. Голунский С.А. Обычай и право//журнал "Советское государство". М.,1939, N3.
9. Меркель А. иипзйзспе ЕпсуслорасПе.
10. Голунский С.А. Обычай... С.52.
11. Постановления Кайтахского Умция Рустем-Хана // ССКГ. 1868, Тифлис, Вып.1. С.6.
12. Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен. // Русский вестник, 1860. N16,с.531.
13. Постановления Кайтахского...
14. Люлье В. Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухайцев.// Записки Кавказского отделения Российского Географического общества. 1876, Вып.7.
15. Грабовский Н.Ф. Очерки суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // ССКГ. 1870. Вып.4. С.6.

ГЛАВА I
ВНУТРИРОДОВЫЕ И МЕЖРОДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ
У ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В своих предыдущих работах мы уже указывали на то значение, которое имеет изучение адатов адыгов, осетин, карачаевцев, чеченцев, ингушей и других туземцев Северного Кавказа для обществоведения, этнографии, сравнительного правоведения и для советского строительства(1). Поэтому мы не будем здесь останавливаться на данных вопросах и от методологии перейдем к систематическому описанию обычаев различных племен. Несмотря на то, что адаты горцев Северного Кавказа очень разнообразны, в них есть много общих черт, которые в первую очередь необходимо выделить, описать и объяснить в систематическом порядке. Кроме работы А.В. Комарова(2) и А.М. Дирра "Об обычном праве кавказских горцев до сих пор ни одного систематического изложения адатов кавказских горцев(3). Однако эта работа содержит много пробелов. А.М. Дирр - не юрист и не социолог, а филолог, хорошо знающий только дагестанский материал. Это побудило меня дать здесь систематическое изложение юридических обычаев горцев.

Несмотря на большое разнообразие адатов в них есть много общих черт. Все горцы, за исключением ремесленников, ювелиров кубанцев и некоторых черкесских племен шапсугов и абадзехов, торговавших с соседними приморскими странами, занимались, главным образом, скотоводством, которое в некоторых местах переходило в примитивное земледелие. Как известно, народы-скотоводы жили большими семьями-родами, индивидуальную собственность имели только на предметы личного обихода, управлялись своими родовыми старшинами, отличались воинственностью и не были в древности склонны к систематическому труду. Преобладание общественных организаций, основанных на родовом принципе, перед территориальными, у скотоводов обуславливается тем, что они обыкновенно ведут кочующий или полукочующий образ жизни и не так связаны территорией, как например, земледельцы. Но в XVIII в. и в XIX в. все кавказские горцы становились постепенно оседлыми жителями(4). Только летом

они кочевали со своими стадами по склонам более или менее отдаленных от них вершин и кочевали в кошах, а зимой жили оседло в аулах. Переход к жизни на одном и том же месте был связан с зачатками земледелия и повлек за собой установление, наряду с родовыми, территориальных союзов. У некоторых горских племен, как например, у кабардинцев и дагестанцев, начинала отчетливо проявляться государственная (т.е. территориальная, классовая) власть. Это зарождение государственной организации, основанной на совместной жизни в пределах определенной территории и имущественном неравенстве (а следовательно, и классовой борьбе), возникших среди различных семей одного и того же рода наряду с организацией, основанной на кровном родстве, чрезвычайно любопытно и совершенно не исследовано.

М.М.Ковалевский, Ф.И.Леонтович, В.Пфаф и другие исследователи, занимавшиеся "социальной эмбриологией Кавказа", интересовались исключительно пережитками родового строя. Они изучали то, что Ф.И.Леонтович метко назвал юридической археологией. Тем не менее зачатки государственной власти, которые наблюдались у горцев, чрезвычайно интересны для учения о происхождении государства. Несомненно, что если бы не вмешательство сперва Грузии, Крыма и Турции, а затем Российской империи, на Северном Кавказе было бы завершено образование ряда княжеств, подобно тому, как раньше это имело место на южном склоне главного хребта и в Закавказье-Абхазии, Грузии, Армении.

При Шамиле были произведена попытка создать государственное объединение всех племен Северного Кавказа. Но она оказалась запоздалой и потому не привела ни к чему. До завоевания Северного Кавказа русскими можно говорить о формировании Кабардинского государства. Одинаковый в основе уклад скотоводческого, полукочевого хозяйства породил более или менее однородное обычное право. Спешим оговориться. Это наше утверждение об однородности обычного права горцев, на первый взгляд, может показаться решительно противоречащим общепризнанной дробности, разнообразию и текучести юридических обычаев кавказских горцев. Но указанное разнообразие и изменчивость не изменяет общности и единства в основном и главном. Кровная месть, калым, умыкание невест,

гостеприимство, почитание стариков, система выкупов (композиций) и т.д., все эти обычаи свойственны всем скотоводам-горцам Северного Кавказа. В тех местах, где начало развиваться земледелие, наряду с медиаторскими, междуродовыми судами появились суды территориальные. У народов, которые вели большую торговлю, или у которых значительно развились ремесла, как например, у приморских адыгов и дагестанцев развилась частная собственность и понятие личной ответственности. Но основные юридические воззрения у всех горцев оставались более или менее одинаковыми. Условия производства, хозяйственные отношения менялись у них крайне медленно, а правовая надстройка, как известно, меняется еще медленнее, чем условия производства. Общность религиозных воззрений (ислам) у многих из них содействовала общности основных правовых идей горцев Северного Кавказа. Шариат оказал огромное влияние на семейное и наследственное право горцев.

До введения русских законов источниками норм внешнего поведения (права) у горцев были адат, или обычай, маслагат или соглашение, а также прецедент и шариат, магометанский религиозный закон. Несмотря на решительные стремления фанатиков исламизма, как например, шейха Мансура, Шамиля и Кази Магомета, заменить адат шариатом при рассмотрении уголовных дел им не удалось. Народ предпочел более мягкие обычно-правовые нормы. В конце концов установилось, что по шариату разбирались только споры между супругами, родителями и детьми, завещания и религиозные ссоры(5). По русским законам судились измена, восстание, неподчинение распоряжениям властей, разбой и кража государственного имущества. По адату рассматривались убийства и кровная месть, ранения, похищение невест, воровство, грабеж, поджоги, порча вещей и имущественные споры(6).

После Октябрьской революции все дела стали подлежать рассмотрению по советским законам, народными и областными судами. Исключение было сделано только для разрешения споров по семейно-имущественному разделу и трудовому землепользованию. Согласно Земельного кодекса споры эти решались по обычному праву. Но и в остальных областях адат продолжает играть роль, хотя и не официальную. Порой он влиял на решения народных судов, так как

заседатели-горцы были до некоторой степени пропитаны старыми правовыми началами. Всякий советский работник в национальных республиках и в автономных областях должен знать местные туземные обычаи вообще и юридические, в частности. Бороться против вредных устаревших обыкновений можно только хорошо изучив их. Не все национальные юридические обычаи вредны. Среди них встречаются и такие, которым не только не надо противодействовать, но которые надо даже поощрять, а некоторые можно использовать, придав им новый смысл. Например, ЦИК Кабардино-Балкарской автономной республики использовал обычай отчислять известную часть дохода в пользу мечети на общественные нужды, так называемый закят, для организации Комитетов Общественной взаимопомощи (КОВов). Он первоначально поставил во главе КОВ"ов мулл, сделав КОВ чем то вроде управлений вакуфами, а затем когда кабардинцы привыкли вносить отчисления в КОВы, преобразовал их управление в советское). В настоящее время адатные суды отменены. Тем не менее процессуальные нормы играют до сих пор роль, влияя на разбор дела в советских народных судах.

Адатские суды разрешали споры только по заявлениям истцов, или по жалобам потерпевших с точным указанием на ответчика, или обвиняемого. Никакого возбуждения дел со стороны адатских судов не имелось, никакого представительного судебного следствия не производилось. Заявления от лиц пострадавших, не принадлежащих у обиженному роду не принимались. Только если вследствие преступления пострадало имущество всего общества (дороги, мосты, пашни), дело разбиралось по заявлению любого из полноправных жителей аулов. Никакое представительство чужих интересов не допускалось. Поверенных перед адатскими судами не было. Только муж мог выступать вместо жены и отец, или опекун вместо малолетнего. За несвободных (крепостных и рабов) выступали их хозяева. Судили выборные (от влиятельных родов) старейшины. Судоговорение было устное, производилось на улице, или на площади. Решение выносилось по большинству голосов. Если спор касался каких-либо очень важных вопросов, или если спорящие оставались недовольны решением местного суда, они апеллировали к суду какого-либо из уважаемых соседних аулов.

Эти суды, так называемые адатские, возникли из третейских судов, которые существовали до установления владычества русских. Согласно правилам третейских судов, если обиженный или обидчик желали решить свой спор по обычаю, дело начиналось с того, что обе стороны созывали своих родственников и садились вместе с ними под открытым небом на таком расстоянии друг от друга, чтобы то, что делалось на одной половине, не было слышно на другой. Затем каждая сторона выбирала из посторонних почетных людей посредников, в количестве от 1 до 5, смотря по важности дела. Задача данных посредников состояла в том, чтобы вести переговоры между сторонами, передавать предложения истца ответчику и наоборот. В осетинском обществе они назывались "миновар лагте" ("установитель мира").

Если стороны соглашались разрешить свой спор мирным путем, то выбирались судьи, которые сходились в условленном месте и приступали к разбирательству дела (7). У чеченцев третейские судьи, "келохой", выбирались не из кандидатов, выставленных сторонами, а из посторонних почетных лиц, обыкновенно стариков, причем истец и ответчик (обвинитель и обвиняемый) вправе были назначить по одинаковому числу судей (от 1 до 5) (8). Предпочтение перед прочими получали жители древнейших аулов и лица, принадлежавшие к уважаемым, так сказать аристократическим фамилиям. Постепенно из третейских и выборных эти судьи сделались постоянными, "народными". Выборы сторонами заменялись так называемым народным избранием, а избранников начали называть "каной", т.е. стариками, или судьями. Были определены места, где должны заседать эти судьи.

Абадзехи первыми установили у себя постоянных судей "мегкеме" в 1841 г. Их примеру последовали шапсуги и натухайцы, у которых под влиянием развития морской торговли образовалось купечество, оспаривавшее власть у князей. У кабардинцев, наоборот, суд долго продолжал оставаться главным образом в руках князей (пши) и кадиев. У некоторых народов, как например, у кумыков, можно было видеть одновременно существование нескольких видов суда: 1) посреднического медиаторского, так сказать примирительного суда, 2) княжеского суда, 3) шариатского суда, 4) постоянного адатского суда. Эта система разных судов была вызвана, во-первых, тем, что у

горцев наряду с родовой организацией, основанной на кровном родстве, сложилась, после перехода к оседлому образу жизни, территориальная организация, а во-вторых, влиянием ислама.

Территориальные организации – аулы, округа, ханства и т.д. имели свое право, обязательное для всех их членов. В виду общности хозяйственных интересов жителей данной местности они солидарно выступали против жителей других мест (боролись за пастбища, за арыки, охраняли скот). Каждый аул стал противопоставлять себя другому аулу. Правда, в большинстве случаев жители одного аула находились в кровном родстве, были членами одного и того же рода. Это способствовало перенесению родовых адатов на территориальные и аульные взаимоотношения. Но затем появились аулы, населенные не только членами одного и того же рода, но порой представителей разных национальностей. Все члены одного аула считали обязанностью выступать солидарно на защиту своих общих интересов против жителей другого аула. Наряду с междуродовой местью появилось месть междуаульная. Угнать скот у жителей соседнего аула, "карабчить" невесту и т.д. считалось своего рода удальством(9). Но, конечно, нельзя было находиться в состоянии постоянной войны с соседями. Поэтому аулы вырабатывали так сказать междуродовые и даже междуплеменные нормы, так называемые "коллизийные нормы".

В сборнике адатов Даргинского округа мы читаем:" В Даргинском округе существуют адаты 1)общие для всего округа, 2)частные в каждом из семи обществ, входящих в состав округа, 3)адаты, установленные на некоторые случаи между жителями Даргинского округа и смежных с ним округов. Жалобы между жителями двух разных деревень, хотя бы деревни эти принадлежали к одному обществу, разбираются и решаются по общим адатам. Жалобы между жителями одной деревни, если в обществе, к которому принадлежит эта деревня, существуют частные адаты, соответствующие жалобы, разбираются и решаются по частным адатам, а из общих адатов применяются только те, которые в этом обществе существуют без изменения. Жалобы между жителями двух отселков ("махи"), принадлежавших к одной деревне, разбираются по частным адатам, как и жалобы между односельцами"(10).

Эти общие окружные адаты складывались постепенно в процессе разрешения споров, а также устанавливались особыми соглашениями, так сказать общественными договорами, подобным тем, которые были распространены среди колонизаторов Америки. По словам старейших и наиболее уважаемых кумыков Гирея Бекмирзаева, Ачкана Ачаканова и Абдула Умаханова, М.Алибеков указывал: "Для введения каждого нового адата кумыки собирались на два кургана, называемых центральными. Когда вводимый адат касался улаживания спора между обществами двух соседних селений, то к этим курганам выводили оба общества, во главе со своими князьями. Одно из них собиралось на одном кургане, а другое – на другом. Между этими курганами собирались выделенные от обоих обществ представители. Последние стоваривались о мирном улаживании спора, и результаты стовора стали называться адатом" (11). Этот адат скреплялся большинством голосов узденей и, наконец, князьями. Неподчинявшихся адату заставляли подчиняться силой. Этой силой первоначально была сила общественного мнения и общественного воздействия рода по внутриродовым отношениям и кровная месть, переходившая затем в международную войну – по международным отношениям. А затем по мере распада родов на патронимии и задруги и вследствие поимущественной дифференциации этих патронимий и задруг и родов образовалась оторванная от общества государственная власть. Этот процесс мы и постараемся проследить на следующих страницах данного исследования. Начнем с внутриродовых и международных отношений, затем перейдем к образованию государственной власти и закончим анализом правовых норм, возникших вместе с этой властью и охраняемых ею.

ВНУТРИРОДОВЫЕ АДАТЫ. При изложении адат горцев обычно начинают с международных отношений, и, в частности, с кровной мести. Принято думать, что первоначальными нормами, регулировавшими взаимоотношения людей были международные, что не существовало никаких индивидуальных прав отдельных членов рода. И, действительно, со строго юридической точки зрения, право, как мы уже отмечали выше, зарождается в международных отношениях. Но права и обязанности в моральном и бытовом смысле возникают гораздо

раньше зарождения классов и государственной власти. Для того, чтобы существовали международные нормы поведения, надо, чтобы существовал родовой общественный союз. Этот последний немыслим без норм поведения членов его по отношению друг к другу. И эти нормы подробно разработаны и чрезвычайно строго соблюдались. Поэтому мы и начинаем с изложения внутриродовых адатов.

По вопросу о том, что такое родовой союз имеется очень много неясного, несмотря на кажущуюся простоту его организации. Родом называют группы людей, ведущие свое происхождение от общего предка. Но таковыми считаются самые разнообразные, входящие в состав друг друга общественные союзы – и клан, и патронимия, и задруга. Между всеми только что перечисленными организациями имеется много переходных одна в другую. Дело в том, что все эти организации возникали не по какому-либо определенному плану, подобно государственным юридически оформленным организациям, которые можно точно определить. В течении веков характер, размеры и значение каждой из этих организаций сильно менялись. Родовой союз в период бесклассового общества очень отличается от родového союза в период его разложения, когда роды становятся, по выражению К.Маркса, "сословными корпорациями".

Само происхождение родовых организаций на разных этапах далеко не одинаковое. Прежде всего надо с полной отчетливостью подчеркнуть, что ходячее представление, будто роды – это группы лиц действительно происходящих от общего предка и, стало быть, основанные на кровном родстве, совершенно неправильно. Оно является неосознанным пережитком выдвинутого еще Аристотелем взгляда на общества, как на разросшуюся семью. Если же считать, как теперь для всех ясно, что семья возникла значительно позднее чем род, то нельзя думать, будто род основан на кровном родстве его сочленов. В самом деле, патриархальные роды возникли из матриархальных. При матриархальном родовом союзе общим предком считается праматерь. А при патриархальном – праотец. Очевидно, что у людей не может быть одновременно общего праотца и праматери, если нет парного моногамного брака. По женской линии родство будет иное, чем по мужской. Даже у нас при моногамной семье родство по мужской линии иное, чем по женской. А если такой семьи не было и

если патриархальный род возник из матриархального, то тем более нельзя говорить, что люди, считающие себя происходящими от общей матери, могут считать себя происходящими и от одного отца, а они себя таковыми считают.

Далее необходимо не забывать, что матриархальный род возник из тотема, то есть из союза уже совсем не считающегося кровнородственным. А если люди с самого начала не были в кровном родстве, не происходили от общего предка, то и потом, после превращения тотемистической группы в матриархальную, а затем в патриархальную, они не могли стать лицами, происходящими от общего предка.

Из сказанного следует, что сородичи только считают себя происходящими от общего предка, а в действительности таковыми не являются. Ссылка на кровное родство это чистая идеология, это только надстройка, но отнюдь не историческая действительность. Нам теперь и необходимо выяснить тот базис, на котором возникла данная надстройка. М.М.Ковалевский считает таким базисом родовой культ. Он ищет корни родовой организации в религии. Но с марксистской точки зрения базисом должна быть экономика, производственные отношения. Несомненно родовые группировки возникали на почве необходимости совместной охоты, охраны стад, а затем совместной обработки земли. Членами рода часто становились люди пришлые, кровники, с которыми заключен мир, пленные, которые порой становились примками, лица, ищущие защиты от сильного рода. А если считать, что родовые организации основаны не на биологическом принципе кровного родства, а на экономической базе, то придется к выводу, что эти союзы были далеко не одинаковыми по своим экономическим ресурсам и по своей военной силе. Одни из них занимали более плодородные земли, водопой, перевалы и т.д. Другие находились в худших условиях. Богатые и сильные роды постепенно более и более усиливались, богатели, а бедные беднели и распадались. В конце родового периода сохранялись только богатые и сильные роды. Известно, что в Риме родовая организация осталась только у патрициев, а плебеи не имели ее.

Таким образом, привилегированные сословия возникали из родов, усиливавшихся за счет подчинения себе и уничтожения слабых родовых

групп. Поэтому в значительной степени классовая организация возникла из родовой, а классовая дифференциация – из дифференциации родовой. А, с другой стороны, лица одинакового имущественного и сословного положения склонны были себя считать, происходящими от общих предков, искать общих родоначальников и, стало быть, считать себя членами одного родового союза. Поэтому на последней стадии роды часто были, как К.Маркс и определил их, сословными корпорациями. Если родовые союзы возникали по производственному принципу, а условия производства в течение веков менялись, то и основания для возникновения родовых союзов менялись. Не надо забывать, что роды – это союзы, основанные не на началах действительного кровного родства, а на началах экономических. Кровное родство является идеологической надстройкой. Экономические же начала в разные периоды были не одинаковыми. В период разложения родового строя мы знаем роды, возникшие на основе ремесленной специализации. Например, в Дагестане род Гасан – кутул, оружейных мастеров, ведущий свое происхождение от известного мастера Гасана, который делал курки. Родовыми группами стали считать себя часто и лица живущие в одном селении. Иначе говоря, здесь не территориальная община возникла из родовой, так называемой кровно-родственной, а, наоборот, эта последняя – из территориальной.

Но, конечно, говоря о родовой организации, не надо полностью отрицать, что в ее состав входили и люди действительно ведущие свое происхождение от общих родоначальников. Но это было в период, когда уже сложилась моногамная семья, задруги и в значительной степени патронимии, действительно были кровнородственного происхождения. Вообще же говоря, родовые союзы являлись не биологического, а экономического и идеологического происхождения.

Все сказанное имеет огромное значение для понимания происхождения права. Если родовые организации были экономически не равны, если одни из них богатели и усиливались, а другие беднели и слабели, то богатые роды стали эксплуатировать бедных. Чисто родовые институты, кровной мести, барамты, выкупа за обиду, очень рано стали средствами для эксплуатации сильными и богатыми родами слабых и бедных. За кровь члена знатного рода бралась настолько

высокая плата, что ее нельзя было внести и род обидчика принужден навсегда стать данником рода обиженного. Выкуп кровной мести превращался в дань, в феодальную ренту. Наоборот, за обиду, нанесенную слабому и бедному роду плату фактически взыскать было невозможно и обидчик путем захвата имущества слабого и бедного рода обогащался за его счет, превращал барамту в способ феодальной экономической эксплуатации.

По мере того, как роды становились сословными корпорациями, органы родовой власти становились органами классовой власти, первоначально по отношению к подчиненным родам, а затем по мере распада родового строя – и по отношению к своим членам. А бытовые внутриродовые нормы в это же время становились классовыми нормами, основанными уже на внешней принудительной силе, то есть, нормами правовыми. Так, выкуп кровной мести, чисто родовой обычай, стал в варварских правдах юридической нормой, различной для разных сословий и санкционированной государственной властью (вира и головщина).

По совершенно правильному указанию Э.Гросса, "форма хозяйства имеет решающее влияние, как на форму и могущество семьи, так и целого рода. Как род, так и семья наиболее свою прочность и силу охраняют путем хозяйственных интересов. Род достигает своего могущества, слагаясь в одну хозяйственную владельческую единицу"¹². В виду того, что родовые союзы возникали далеко не всегда от общих предков, родовые объединения отнюдь не всегда являлись объединениями по признаку кровного родства. Родовые союзы были не биологического, а социального происхождения. Как хорошо указывает С.П. Толстев, "прежняя терминология эпохи тотемистического общества, обозначавшая отнюдь не родственные связи индивидов, а их взаимоотношения в процессе производства, их принадлежность к определенному подразделению тотемистического коллектива, используется для обозначения реального родства, невероятно запутывая этнологов... Тотем превращается в предка. Развивается культ предков, являющийся проекцией в потусторонний мир власти главы семьи и руководителей рода"¹³. Как указывал А.И. Никитский, хотя "естественный род" – явление возможное, но как правило, "родовой союз имел не естественное, кровное значение, а

фиктивное. Отсюда А.И.Никитский делает слишком далеко идущие выводы, отождествления рода с государством¹⁴.

Судьбы родового строя в разных частях Европы и Азии были очень различны. На Западе он почти совершенно исчез, на Востоке же удержался очень долго. Еще в античном мире Филия и genus играли довольно видную роль. Подобно тому, как горский аул распадается на роды, живущие в большинстве случаев (у черкесов, например) отдельными хаблями (кварталами), подобно этому древний полис (город) первоначально составлялся из родов, а не из индивидов. Индивид в античной Греции принадлежал к городу только, как член рода, военного союза (фратрии) и союза для распределения повинностей (филии). Основными положениями внутриродовых и внутризадружных взаимоотношений является подчинение младших старшим, почитание стариков, общность имущества всех членов большой семьи, кроме предметов личного обихода, которые составляли индивидуальную собственность каждого – будь то мужчина, или женщина⁽¹⁵⁾. Главой рода является большей частью самый старый мужчина, авторитет которого очень велик. В его присутствии молодежь должна стоять, а пожилые члены рода садятся только по приглашению старшего⁽¹⁶⁾. Он разрешал всякие споры между членами рода. И теперь нам не раз во время экспедиций в Кабарду и Абдзехию приходилось слышать выражение: "Пусть наш корень нас рассудит", т.е. пусть нас рассудит родоначальник. В настоящее время, несмотря на то, что члены одного и того же рода живут не вместе, как прежде, а отдельными семьями, часто даже в разных аулах, тем не менее они в важных случаях жизни обращаются к старшему в роде. Судиться в общегосударственных судах членами одного и того же рода друг с другом считалось неприличным. Сор из избы выносить не полагалось. В ответственных случаях старший в роде совещался с другими стариками, каждый из которых пользовался огромным почетом, а по отношению к своим нисходящим имел довольно значительную, но отнюдь ни не ограниченную власть.

В настоящее время историки первобытного права отрицают, будто родовая и задружная организации были построены на началах единовластия. Римский род, как говорят новейшие романисты, имел республиканскую организацию, сами члены рода, genus'a, участвовали

в выработке известных постановлений оказывали друг другу помощь и содействие. М. М. Ковалевский указывает, что и в других системах древнего права, как, например, в германской или славянской, нельзя найти подтверждения монархической организации родов. Адамы кавказских горцев вообще и дагестанцев, в частности, дает новые доказательства "республиканского устройства родовых союзов". Так, указывалось, что "главенство, кроме почета и уважения не соединено ни с какими правами. Если в редких случаях личности с сильным характером распоряжались почти деспотически своим тохумом, то в большинстве случаев за его главою признавалось только право дать совет и наставления. Поведение, не согласное с таким советом, не имело другого последствия, кроме общего неодобрения" (17). "Мнение главы тохума спрашивают, когда нужно женить сына, или выдать дочь замуж, при убийствах и поранениях глава тохума устраивает примирение и угощение. Во всех случаях жизни он следит за поведением членов тохума, наставляет их или делает им выговоры. Если член тохума не послушается его совета, старейшина не принимает против него никаких мер; так было прежде, так продолжается до сих пор." (18)

Подобное же положение мы наблюдали в Кабарде (в Кармовском ауле в 1927 г. , в Нижнем Черееке в 1928 г.), в Карачае, Осетии, Адыгее. "В домашнем хозяйстве и в кругу домочадцев самым влиятельным лицом является мать, которая обыкновенно пользуется уважением и любовью всех членов семьи. Мать скрытно, но зорко следила за поведением каждого и никогда не сообщала главе семьи о проступках членов ее, а сама принимала меры против провинившихся. Ей доверяли все и охотно обращались к ее посредничеству. Все домашнее хозяйство находилось под непосредственным управлением матери, у которой хранились ключи подвалов и других складов". (19) Старухи вообще пользовались большим уважением и присутствовали при разрешении важных вопросов. Не женатые сыновья не считались полноправными членами рода. Пока сын был не отделен, он должен был подчиняться отцу. А отец был должен считаться с интересами членов своей семьи. Как совершенно справедливо указывал М.М. Ковалевский, "хотя глава семьи - полновластный распорядитель ее имуществом, но договор, заключенный им, недействителен, если совершеннолетние

мужчины двора выскажутся против него. Продать семейное имущество старшина вправе только тогда, когда этого потребуют интересы семьи. (20) То же имело место и у других народов, как Северного Кавказа, так и Закавказья. Так, например, в Судебнике Мхитара Гоша мы читаем: "Всякая продажа должна была утверждена соглашением всех лиц, имеющих к ней участие и свидетелями. К.А.Торосьян указывал, что "во главе каждой семьи стоял обычно отец с обширнейшей властью над имуществом семьи. Заключать разного рода юридические сделки мог только он. Однако, как это видно из судебногоника, домовладыка обязан был учитывать мнения остальных членов семьи. Особенно он был обязан считаться с мнениями взрослых сыновей" (22).

Род судил и наказывал своих членов, он обязывал их нести ряд общественных повинностей. Каждый член рода никогда ни в чем не должен был идти в разрез интересам всего рода. У огромного числа кавказских горцев, в том числе и у кабардинцев, существовало экзогамия, т.е. женились на девушках из другого рода. Жена не считалось вполне членом рода своего мужа до рождения ею ребенка. Но и после этого ее в ряде отношений охранял ее прежний род, к которому она могла обращаться за материальной помощью и который следил за тем, чтобы муж не использовал в ущерб ей те вещи, которые были даны в приданное. В случае смерти мужа вдова должна была выйти замуж за его брата или другого родственника (левират). В случае развода женщина возвращалась в прежнюю свою семью и забирала свои вещи. Если развод совершался по воле жены и без желания мужа, ее родители должны были возратить калым, заплаченный мужем.

Обычно думают, будто у горцев жена - это вещь, которую муж покупает у ее отца (платит калым). В "Адатах кавказских горцев" мы читаем, что "жена у чеченцев и других племен во всем подчинена мужу, как своему безропотному господину. Она должна работать на него, сносить безропотно налагаемое на нее наказание и всем своим поведением обнаруживать раболепное почтение" (23). Однако, было бы ошибочным одинаковым образом характеризовать положение женщины у всех народов Северного Кавказа во все периоды их развития до установления Советской власти. Чем больше сохранялись пережитки матриархата, тем женщина была свободнее. Поэтому мы видим

постепенное закрепощение женщин. Такое положение, что, чем дальше вглубь веков, тем свободнее женщина, характерно не только для Северного Кавказа до Великой Октябрьской революции, а может быть было установлено для всех народов при переходе от матриархата к патриархату, а затем к рабовладельческой и феодальной формации. Так, например, в Гомеровских поэмах мы встречаемся с гораздо большей самостоятельностью женщины, чем в эпоху Перикла. Жена Алкиноя, Аретей разделяет с мужем все почести. Ее решениям подчинялись все во время распрей. В эпоху же Перикла мы находимся только в мужском обществе. Далее положение женщины сильно менялось в зависимости от сословно-классового ее происхождения. При полигамии часто бывало, что наряду с женами из высших слоев общества имелись так называемые черные жены из низших классов. Они являлись прислугами мужа и знатных жен и положение их было ужасным.

Поэтому подходить дифференцировано к правовому положению женщин у различных племен и в различных классах на Северном Кавказе, особенно у кабардинцев, надо прежде всего отметить, что у некоторых племен, у которых сохранились пережитки матриархата, роль женщины в семье была очень значительной. Жена почти бесконтрольно распоряжалась съестными припасами, на ней лежало воспитание детей. В обществе ей должны были оказывать уважение. Согласно арьдау осетин, если женщина проходила, все должны были вставать, даже старики на народном судилище, тархоне, или на нихасе. Мы лично это наблюдали в 1910 г. на нихасе в Алагире. По обычаям кабардинцев, осетин, хевсуров и сванетов по требованию женщины дерущиеся или сражающиеся должны были немедленно прекратить бой. В присутствии женщин нельзя было убить врага, если он отдавал себя под ее покровительство. По кабардинскому и осетинскому этикету верховой не был вправе проехать мимо женщины, он обязан был спешиться и пройти мимо нее, ведя коня под уздцы.

У горских монголов женщина имела значительную самостоятельность. Известно, что монгольская женщина с давних времен занимала совершенно особое положение по сравнению с другими странами Востока. Арабские и европейские авторы XIII-XIV вв. оставили об этом немало интересных сведений. А. Якубовский описывал

путешествие Ибн-Батута в Дешт и Кыпчак в 30-х гг. XIV в.:" В этом крае я увидел чудеса по части великого почета, в каком у них (татар) женщины. Они пользуются большим уважением, чем мужчины...(24)» О женщине говорится и в отрывке ясы (обычного права татар):" Он (Чингис-хан) предписал, чтобы женщины, сопутствующие войскам, исполняли труды и обязанности мужчин в то время, как последние отлучались на битву". Отсюда видно, что у монголов с давних времен женщина занимала положение почти равное с мужчиной. Ал.Омари пишет:" Жители этого государства не следуют, как те (в Ираке и Аджеме), установлениям калифов и жены участвуют с ними (мужьями) в управлении, поселения исходят от них (от обоих), как у тех, да еще больше... Право, мы не видели в наше время, чтобы женщина имели столько власти, сколько имела она, да и не слыхали о подобном примере за близкое нам время. Мне привелось видеть много грамот, исходивших от царей этих стран, времен Бреке и позднейших. В них (было написано) "мнения хату-ней и эмиров сошлись на этом".

А.Дьячков-Тарасов отмечал, что "положение женщины у карачаевцев вообще довольно свободное и самостоятельное. Зависимость ее от мужа выражалась главным образом в том, что нельзя было бросить мужа. Для женщины развод был почти неосуществим. Большим несчастьем было также то, что выдавали часто девушек замуж помимо их воли. Прочность брака для женщины при легкости развода для мужа создавала большую личную зависимость жен от мужей"(25). Эта зависимость оказывалась особенно сильной у тех народов, у которых был уже значительно развит феодализм, как, например, у кабардинцев и других кавказских племен.

Любопытно, что с давних пор личная зависимость кавказской женщины уживалась с некоторой ее имущественной самостоятельностью. Так, например, у кабардинцев жена сохраняет право собственности на приданое. Без ее согласия муж не мог отчуждать ее вещи. Он не хозяин, а только управитель имущества своей жены. Еще в большей степени это можно было наблюдать у народов, где феодальные порядки только складывались, например, у чеченцев. В чеченском обществе переданная дочери отцом часть калыма и женихов подарок составляли личную собственность замужней женщины. Если муж растрачивал женино

добро, то ее родственники вступались за обиженную. У пшавов и хевсур женины вещи ("сатавно") не могли быть проданы, или переданы кому-либо и в случае развода оставались жене. У осетин не менее трети, так называемого "иреда" (калыма), переходило в собственность жены и в случае развода оставалось ей. И только у некоторых горцев, как например, у аварцев и других дагестанских народов, где существовала не экзогамия, а эндогамия, все женино имущество переходило в полную собственность мужа. Это объясняется тем, что при эндогамии род, к которому принадлежит жена, и род мужа один и тот же.

Тут нам надо несколько остановиться на одном из самых важных пережитков родового строя, на калыме. О распространении обычая покупки жены имеется огромная литература. Никто, конечно, не станет отрицать, что калым был платой за невесту. С экономической точки зрения его можно объяснить, как вознаграждение за работницу, которую данная семья вырастила, сто стороны новой семьи, которая эту работницу получила (26). В этом смысле калым существовал не только на Кавказе, но и во всех чисто земледельческих и скотоводческих странах. Так, например, В. Танаевский описывает плату за невесту в Вели-короссии (27). В разных местах она различно называлась: запрос, припрос, выкуп, принос, ссуда и даже калым в разных волостях Вятской губернии. На экономическую основу данной традиции указывают и свадебные обычаи - выкуп невестиной постели, выкуп усадебного поезда перед заставой при въезде в деревню, выкуп женихом невесты у родственников и "вопленниц", покупка дружкой места жениху за свадебным столом рядом с невестой и др.

Обычно исследователя, изучая калым, делали вывод о том, что невеста не имела никакого влияния на выбор жениха. Это связано с убеждением, идущим еще от Фирканда, что у так называемых естественных первобытных народов женщина была всецело подчинена воле коллектива, не имел никакой самостоятельности. Но уже Бек, используя австралийские материалы, привел целый ряд факторов, свидетельствующих о том, что для женщины в малокультурном обществе дело обстоит не так безнадежно. Далекое не всегда род, семья или совет стариков распоряжались женщиной и выдавали ее замуж за того, за кого хотят. Очень часто она заявляла свои собственные права.

Взаимоотношения между супругами имели порой резко выраженный индивидуальный отпечаток и являлись далеко не такими единообразными, как раньше думали. Б.Малиновский отмечал, что у западных меланезийцев жизнь построена на различного рода взаимозависимостях, на своего рода "do ut des" – "я даю, чтобы ты дал мне".

Тем не менее в калыме есть еще и другие моменты. На основании исследований известного голландского этнолога Вилькена, Н.И.Зибера утверждал, что в плате за невесту надо видеть выкуп за мечь, плату за обиду и, что простая купля невесты является перерождением выкупа за мечь, которая должна была бы наступить вследствие похищения невесты(28). Эта точка зрения подтверждается обычаем похищать невест или его инсценировкой. Особенно это видно у алтайских горцев, у которых родичи, едушие договариваться с родителями выкраденной невесты(а невесты всегда крались), должны были особыми подарками как бы умиловить родственников похищенной. При этом, если переговоры затягивались, то посланцы должны каждый раз приезжать не с пустыми руками, а с мясом и арачкой. Первое слово главный сват должен был произнести на одном колене и протягивая отцу невесты чашку арак, с просьбой отведать ее в знак прощения. Обычай требовал, чтобы даже, если родители вовсе и не были рассержены сватовством, главный сват должен был побит, причем он не имел права сопротивляться. Иногда и теперь эта экзекуция делается всерьез, и сват даже привязывается к колу и выкупается остальными посланцами. Родители невесты на свадьбе не присутствовали. Им с особым посланцем отправлялось угощение. Наконец, молодая чета в течении целого года не могла явиться к родителям жены. Последний обычай вполне сохранился у некоторых народов Северного Кавказа, в частности, у кабардинцев.

Суммируя все вышесказанное, можно придти к заключению, что наравне с характером платы за невесту, калым и другие сопровождающие обычаи сохранились в этих явлениях и другие элементы. Переход женщины из рода в род, совершающийся при браке, был обидой и нарушением интересов рода, требовавшим мести со стороны родичей. На определенной ступени развития эта мечь стала выкупаться: обиду можно было загладить соответственным

эквивалентом. В виде пережитков следы этих старых отношений сохранились до сих пор. То же существует у алтай-кижи. Э. Гершельман пишет: "Ценой тяжелой эксплуатации женщина у алтайцев, будучи формально почти рабой, сохранила фактически относительно значительную свободу и самостоятельность. Неся на себе все тяготы по хозяйству, она на деле руководит им. Все наиболее важные хозяйственные вопросы не только не могут быть решены без ее согласия, но наоборот, сплошь и рядом она самостоятельно решает их. Покупка и продажа скота и продуктов, всякие сделки, распоряжения всем имуществом и хозяйством сосредоточено в ее руках. На этом зиждется и ее известное общее влияние на все семейные дела. Причем можно отметить, что обычно, чем менее то или иное хозяйство вовлечено в товарный оборот и испытало влияние новых нарождающихся отношений, тем больше сохранилась относительная самостоятельная независимость женщин" (29).

Но в калыме, кроме выкупа за обиду и кроме компенсации расходов на выращивание рабочей силы, переданной другой семье, имеется то, что в римском праве называлось предбрачным даром. Плата за калым означала, что жених имел серьезные намерения. На калым часто покупались вещи, составлявшие личную собственность жены.

Сделаем отступление и остановимся на правовой политике советского государства. Как совершенно правильно указывает А. Петухов, что в настоящее время не всякая дача калыма должна караться, а только такая, которая влечет выдачу замуж помимо воли невесты (30). Эту мысль защищает и И. Шигаев. Он пишет: "Существование в Уголовном Кодексе (УК) статьи, преследующей за калым, дает повод применять ее там, где это не следовало бы. В одном случае калым носит ярко выраженный характер выкупа за невесту, игнорирования воли женщины родителями, родичами, где она является источником нетрудового дохода для своих родителей и родичей. Нет сомнения, что статья Уголовного Кодекса, преследующая уплату и принятие калыма, имеет в виду именно эти явления. Но другое дело, когда не калым создает брак, а, наоборот, сам калым возникает от согласия невесты вступить в брак" (31). Исходя из подобных соображений, Народный Комиссариат Юстиции выработал

циркуляр о том, что "применение 197 статьи Уголовного Кодекса возможно лишь в тех случаях, когда переданное женихом, его родителями, родичами или свойственниками имущество, или деньги остаются в пользовании того лица, от которого зависит замужество женщины. Только в этих случаях имеются признаки, предусматриваемые статьей 197 общественно-опасного явления: зависимость женщины используется ради имущественных выгод тем лицом, от которого женщина зависит. В тех случаях, когда выдача женщины замуж, хотя и сопровождается получением от жениха денег и имущества, но полученное полностью в виде приданного переходит в новое хозяйство, или расходуется на устройство свадьбы, нет состава преступления, предусмотренного статьей 197". А.Петухов подчеркивает, что критерием преступности должно служить не то, кому имущество поступает, а то, является ли внесение женихом имущества (все равно кому и куда) условием, стесняющим половую свободу женщины и препятствующими в тех случаях браку, когда, например, достаточного количества имущества у жениха не имеется" (32).

Как мы уже указывали, институт самостоятельной собственности жены развит у многих племен Кавказа, в том числе и кабардинцев. М.М.Ковалевский выводит его из византийских влияний, пришедших через южный Кавказ. Так, он указывает, что в армянском Судебнике Мхитара Гоша в статьях 46 и 81 говорится, что "стесненная в своей личной свободе, жена в сфере имущественной в значительной степени самостоятельна. Она вправе распорядиться своим приданым. В случае развода, она получает обратно его и половину тех приращений, которые были сделаны к нему во время совместной жизни с мужем". По мнению М.М.Ковалевского, о том же гласят и статьи 63, 67 и 225 из Сборника грузинского царя Вахтанга. Через Армению и Грузию эти начала были заимствованы, горцами Северного Кавказа (33). Ф.И.Леонтович объясняет некоторую независимость горянок влиянием родового быта. По его мнению, та семья, которая снабдила бывшего своего сочлена приданным, считает последнее находящимся под своей охраной. Как мы видели выше, наряду с этим она до некоторой степени охраняет и личность женщины, хотя и ставшей после выхода замуж членом другой семьи, но не ушедшей вполне из под защиты своих кровных родственников (34). Третье объяснение некоторой

имущественной самостоятельности горянки, связанное с исламом, дает У.Алиев, который подчеркивал, что магометанское юридическое учение (Фикх) сложилось под влиянием не только римского права, но и последующих его изменений(35).

Как бы то ни было, горянки имели самостоятельное право на вещи, приносимые ими в дом мужа и в случае развода получали их обратно. Но все, что зарабатывалось ими во время брака, считалось собственностью мужа. В случае развода женщина оставалась только со своим приданым(36).

Членом рода можно было стать помимо рождения от члена данного рода и выхода замуж за его члена путем искусственного родства.

В настоящее время можно считать утвердившемся положением, что роды сложились вообще не в силу одной общности происхождения членов от одного прародителя, как пытались утверждать сторонники так называемой патриархальной теории. В доказательство этой теории М.Ковалевский приводит ряд положений родовых обычаев кабардинцев и народов Дагестана. "Начать с того, – говорит он, – что не все роды носят генетические наименования; многие принимают те или иные прозвища, смотря по характеру их занятий или по месту происхождения... Пополнение родов пришельцами происходило очень часто. Приемными членами родов являются бывшие кровники, которые для прекращения вражды между родами просят принять их в тот род, который они обидели. Если пострадавший род согласен примириться, то совершается обряд усыновления путем прикосновения губами матери убитого, убийца становится приемным сыном. Обряд этот символизирует, что она кормила его своей грудью. Подобный обычай можно найти у самых различных народов". Таким образом, здесь создается своего рода родство, подобно тому, как оно завязывается между враждующими сторонами и при заключении мира, например, у бареа(37). Интересные данные о создании искусственного родства путем побратимства приведены в статье С.И. Макалатия. Он пишет, что "в прежней Пшавии институт побратимства выполнялся тщательно и твердо сохранялся".(38)

Каждый молодой мужчина обязательно должен был иметь побратима, который во всех случаях его жизни являлся верным и неизменным другом. Кроме того, существовал еще обряд усыновления убийцы: этот

последний шел на могилу убитого и ложился на нее, а члены рода этого последнего приставляли кинжал к груди виновного. Затем после произнесения определенных формул его прощали и он становился членом нового рода. Этот обычай также распространен среди других народов. Р.Дарест описывает, как по древне-чешскому праву "убийца является сам, босой без пояса и ложится на могилу. Ближайший родственник убитого прикасается концом шпаги между плеч убийцы и трижды говорит ему: "Ты в моей власти, как был в твоей власти мой брат (или вообще мой родственник). Убийца трижды отвечает: "Я в твоей власти, но во имя богов, прошу тебя пощадить мою жизнь" (39).

В кабардинском обществе существовал еще один способ стать членом нового рода. Это - аталычество по-татарски "аталык" значит приемный отец. Институт аталычества заключался в том, что горцы отдавали своих детей на воспитание в чужие семьи своего или другого аула. После достижения совершеннолетия воспитанник торжественно возвращался в родной дом. Между аталыком, "эмчеком", "амцеком", "эмцеком", ("воспитатель, кормилец") и родителями воспитанника возникало как бы искусственное родство. Воспитанник же часто настолько привыкал к своим воспитателям, что нередко считал их более близкими родственниками, чем отца и мать. Бывали случаи, когда при возникновении кровной мести между родителями и аталыком воспитанник становился на сторону последнего и мстил за него своим кровным родственникам. Аталычество возникало по двум причинам: во-первых, в то опасное время, когда каждый горец мог ожидать нападения, ему необходима была помощь, поэтому естественно было его стремление иметь влиятельных родственников в разных аулах. Аталыки являлись такими искусственно создаваемыми родственниками. А, во-вторых, занятый вечно войной и грабежом горский феодал не имел возможности воспитывать сам своих детей и отдавал их чужим людям. Считалось, что вне дома дети получают более суровый жизненный закал и делались лучшими воинами.

В XVIII и XIX вв. обычай отдавать детей на воспитание в чужие руки продолжал держаться по преимуществу только в семьях крупных кабардинских феодалов и применялся почти исключительно к мальчикам; но в далеком прошлом обычай этот был всеобщим. Он принадлежал к числу стародавних обычаев черкесов и описан еще в

сочинении генуэзца Интериано. За лицом, желавшим принять на себя обязанность аталыка, признавалось принять на себя обязанность аталыка, признавалось даже право овладеть новорожденным силой и увезти его в свой аул. Я.Рейнегтс сообщает, что в прежние времена дети, вскоре после их рождения выкрадывались, возможно по стовору с их отцом и матерью. Семь свидетелей, которые должны были присутствовать при похищении, должны были впоследствии клятвенно удостоверить тождественность ребенка. Пока воспитанник находился у аталыка, его родители не должны были справляться о нем. Возвращение воспитанника по достижении им совершеннолетия в родительский дом предшествовал обряд символически выражающий нежелание рода допустить акт усыновления: на толпу всадников сопровождавшую воспитателя и его питомца, аульная молодежь по обычаю делала на них шуточное нападение.

М.М.Ковалевский видел в этом пережиток матриархата. Он писал, что отношения, в котором этот обычай стоит к тем отдаленным от нас порядкам, при которых родство по отцу еще неизвестно, и установленная самой природой связь между матерью-родительницей и происшедшим от нее ребенка считалась источником семейного единения, как нельзя лучше выступает из сопоставления кавказского аталычества с однохарактерными ему явлениями в быте полинезийских племен. У племен маори, например, дети никогда не были оставляемы при их матерях, с самого рождения они поступали к усыновителям и усыновительцам, на обязанность которых падало их вскармливание и воспитание. По указанию М.М. Ковалевского, этот обычай полинезийских дикарей вскрывает перед нами действительный источник аталычества. "Дети – пишет он, – потому поступают у черкесов на воспитание к постороннему лицу, желающему вступить по отношению к ним в роль аталыка, что принадлежность их тому или другому отцу являлась спорной, очевидно, не по иной причине, как по той, что все члены одного братства одинаково могли быть мужьями их матери. Только открытое признание их тем или другим мужчиной обращало их в его детей. Для этого недостаточно было одного рождения в той или другой семье, требовалось еще усыновление, принимавшее вышеописанную форму передачи аталыком взрослого сына в руки мужу его матери(40)". Эти мысли М.М.Ковалевского получают дальнейшее

развитие в статье М.О.Косвена. Он вскрывает в данном обычае пережитки матриархата. М.О.Косвен указывает, что аталычество характеризуется противоречивыми чертами: с одной стороны взять ребенка на воспитание рассматривается как право, которого усиленно добиваются вплоть до похищения ребенка, а с другой стороны, оно часто рассматривается и как повинность феодально зависимых (41).

Аналогичная традиция сохранилась у скандинавцев и кельтов. Аталычество – обычай очень древний и эволюционировавший. Корни его нужно видеть в матриархате в период перехода последнего к патриархату. У негров Конго и у племен Меланезии дети и теперь возвращаются в клан матери. Пережитком этого является обычай ряда племен усыновления дядей по стороны матери своих племянников и племянниц. Позже такая передача ребенка роду матери становилась временной, до наступления его совершеннолетия. Такая традиция сохранялась у негров гереро и у племен Аляски. У кабардинцев аталычество осложнилось влиянием феодальных отношений: оно стало не только правом материнского рода, но и феодальной повинностью. В силу чего института адаталычества и стал таким противоречивым. В свете сказанного легче понять ряд других обычаев, как, например, запрещение отцу брать своего ребенка на руки, называть его по имени и т.д. Все это пережитки материнства, когда отец не должен был проявлять своих отношений к ребенку. Как отмечали М.М. Ковалевский, В.Ф.Миллер и Г.А. Кокиев, в дальнейшем аталычество приобрело феодальные черты, указывая, что "сословные отношения осложняются со временем, благодаря широкому развитию между горскими татарами так называемого молочного родства" (42).

Отдавая своих детей на вскармливание и воспитание каракашам и чагарам, горские князья принимали в то же время обязательство по отношению к той семье, из которой вышла кормилица. Эти обязательства не погашались во времени возвращения в родительский дом княжеского сына и получения воспитателем подарков. Молодой князь считал своей обязанностью наделить семью своих молочных братьев землей в пожизненное владение, взамен чего последние принимали обязательства производить в его пользу ежегодные платежи, которые от самого их названия "эмчеками" стали называться "эмчекской податью" (слово "эмчек" происходит от глагола "эмчен" –

сосать). Молочное родство и вытекающие из него отношения нередко возникали и помимо отдачи ребенка на воспитание. У горцев Кавказа существовало и фиктивное молочное братство. Родовые уособицы обыкновенно оканчивались тем, что обидчик, согласившись на уплату "виры", усыновляется родом обиженного. Как указывает Н.Ф.Грабовский, кровомщение прекращалось и враждовавшие мирились в том случае, если сторона, за которой оставалась кровь, успевала украсть из семьи кровника мальчика, по воспитании и достижении юношеского возраста, он возвращался в свою семью, наделенный воспитателями разными подарками и в том числе лошадью и оружием. Такие воспитанники назывались по-кабардински " тлечежипкан - эмчек". Акт усыновления состоял в прикосновении губами к груди старейшей из женщин усыновляющего рода. После такого усыновления обидчик становился "эмчеком" враждебного ему рода и получал от старейшин участок земли под условием платежа той же эмчекской подати, которую несли настоящие "молочные братья". Затем эмчеком стала называться феодальная подать вообще(43). Эту точку зрения на сущность аталычества в советской литературе развил Г.А.Кокиев. Он подчеркивал материальную заинтересованность взять на воспитание сына именно влиятельного и состоятельного рода(44).

Из сказанного видно, что в аталычестве слиты черты разнородных формаций. Наряду с ярко выраженными феодальными чертами в аталычестве есть элементы выкупа кровничества, т.е. черты патриархального родового строя. Феодальная зависимость как таковая часто вытекала, как мы подробно покажем ниже, из кровной мести и ее выкупа. Более слабый род, не имевший возможности дать выкуп за кровь, становился феодально-зависимым от более сильного рода "обиженного" и должен был платить ему аталыческую, эмчекскую подать. Наряду с этим в аталычестве есть и сильные пережитки матриархата.

К аталычеству тесно примыкает куначество. Кунак значит, с одной стороны, патрон, а с другой, приятель. Кунаки должны были оказывать друг другу помощь, и особенно теплое гостеприимство. Не придти в трудную минуту на помощь аталыку или кунаку считалось большим позором. К.Ф. Сталь следующим образом характеризует куначество. "В прежние времена, когда междоусобные войны раздирали

маленькие черкесские княжества, каждый черкес, вступив в границы земель чужого владения, был считан как неприятель и иностранец, т.е. подвергался опасности быть убитым, ограбленным или проданным, как невольник куда-нибудь на восток. Чтобы не подвергаться этому, он должен был иметь в чужом обществе влиятельного кунака, т.е. покровителя, на которого, в случае надобности он мог бы положиться. И потому куначество было весьма важным обычаем между всеми горцами, а в особенности между черкесами. Покровитель (кунак) и прибегавший под его защиту черкес были тесно связаны между собою, и никто не мог обидеть клиента, не подвергаясь неизбежному мщению кунака" (45). Кунаки, как и аталыки, были полноправными временными членами семей. В настоящее время аталычество практически исчезло, а куначество до сих пор существует.

Большие родовые семьи, вроде древне-славянских задруг, распадалась на обычные семьи, состоящем из мужа, жены и детей. Имущество считается принадлежащим семье. При выделе сына, когда он женился, ему давалась часть имущества на обзаведение и средства на калым, если таковой платится. Дочерям при выдаче замуж давались необходимые домашние вещи. При разделе двора, в случае смерти родителей, или по другим причинам все выделенные сыновья получали поровну. Дочери же согласно шариату получали вдвое и даже втрое меньше. По старым адатам дочь ничего не получала. Наша юридическая пословица: "сестра при брате не вотчинница", беспощадно осуществлялась у кабардинцев. Дочери не являлись наследницами. Так, у армян женщины получали наследство после родителей только по декрету императора Юстиниана от 535 г. (46) Да и то данное правило не вполне вошло в жизнь. Согласно Судебнику Мхитара Гоша наследование имело место лишь по мужской линии. В другом памятнике древнего армянского права, "Судебнике Лембергских армян", указывается на равенство права наследования мужчин и женщин, но автор судебника не согласен с этим принципом. Считалось большим позором и делом нечестным, если после смерти отца сестра, даже если она была замужем и жила в бедности, просила отцовское наследство у братьев" (47).

У тех народов Северного Кавказа, на которых ислам мало повлиял, как например, у осетин, дочери вообще не наследовали ничего после родителей, кроме домашних вещей. У магометанских же горцев они получали больше других, а у черкес старший сын при разделе недвижимости не только не пользовался никакими преимуществами, но, наоборот, получал меньше младшего брата своего, которому, кроме участка земли, равного участкам других братьев, доставался еще дом с усадьбой; за это он обязан был содержать мать и сестер. Т.Н.Дмитриев указывал, будто "прямыми наследниками отцовского имущества являются самый младший и самый старший сын" (48). Это неверно: наследниками являлись все сыновья. Старший сын был вправе выбирать себе из отцовских вещей, что он захочет, но это шло в счет делимого имущества. Нетрудоспособных стариков должны были кормить не выделенные, живущие с ними дети.

До революции кроме наследования по закону кабардинцы знали наследование по завещанию. Было принято оставлять известные средства на общественно-полезные дела (починку мостов и дорого), на мечеть, на бедных. Большие средства назначались на устройство поминок. По верованиям народов Кавказа покойник продолжал жить на том счете так же, как он жил на земле. Он нуждался в еде и питье, следил затем, что происходило в его семье, помогал во время войны, мстил врагам. Поэтому с точки зрения адатов отношения не прерывались смертью. Существовали права и обязанности родственников по отношению к умершим. Поэтому надо было устраивать поминки. Считалось, что покойник ест вместе с гостями. Величайшим оскорблением считалось зарезать собаку за могиле покойника. Это значило накормить его псиной. Не оказывать должного почтения памяти умершего считалось опасным. Такое поведение могло навлечь с его стороны жесткое наказание. Подобные обычаи и верования кабардинцев не отличались от обычаев первобытных народов. И в русском языке сохранились пережитки родовых воззрений. Так, например, выражение "чере-чур" означает, что перейдены границы, установленные охраняемые прашуром, чуром. Покойников обыкновенно хоронили на границе владения, считая, что они охраняют эти границы.

Кроме полноправных членов семьи были также и неполноправные – внебрачные жены и дети. У осетин существовал институт младших жен, так называемых "нотульяс". Они могли братья из низших сословий. У тех горских народов, у которых была феодальный строй, как например, у кабардинцев, строго следили, чтобы никто не женился на девушках из низших классов. Выходить замуж за членов низших сословий также считалось нехорошо. Дети от княгини и не князя у кабардинцев назывались "тума". Они не имели княжеских прав. Внебрачные дети у осетин назывались "кавдосарды", что в буквальном переводе значит "рожденные на конюшне". У кабардинцев внебрачные дети должны были исполнять всю самую тяжелую работу, им доставались худшие куски пищи. Окружающие все время указывали им на их низкое происхождение.

Семья у кавказских горцев была моногамной. Тем не менее в ряде обычаев можно вскрыть пережитки так называемого группового коллективного брака, который предшествовал моногамному браку. К этому выводу приводит и изучение очень своеобразных отношений между женой и братьям мужа и отцом его, существующих до сих пор. Сноха не вправе оставаться с каждым из них наедине. Молодая кабардинка не имеет права называть по имени родителей мужа. Она не может в его присутствии разуться, или обнажить руку выше локтя. В первый год сноха даже не должна разговаривать со старшими родственниками мужа. Все эти запреты указывают на существовавшее когда-то право старших в роде на сожительство со всеми женщинами, взятыми в их род. Это обычаи охраняют против рецидива такого права. Этим же объясняется запрещение половых отношений между членами одного и того же рода, даже не состоявшими между собой в кровном родстве.

По магометанскому закону можно иметь до 4-х жен. Но редко кто имел даже двух жен. Обычно горец имел одну жену. В случае, если было несколько жен, каждая жена жила в отдельном доме. Кроме осетин у народов Кавказа не было, как у китайцев, юридически старшей, главной жены, которой остальные жены должны были подчиняться. В "Адатах", собранных Ф.И. Леонтовичем, мы читаем: "Женатый уже на одной жене может взять несколько других, но последние суть как бы служанки, и сыновья их при сыновьях первой

жены не имеют части в имении, а довольствуются только тем, что им дадут; поэтому такие второстепенные жены не бывают из хороших семейств" (49). Но, очевидно, записывающий здесь имел в виду намулусов и кавдосаров, а не настоящих жен. Номулусы – это конкубины "именные жены". Их дети, "кавдосарды", были крепостным. Вообще, у осетин с давних пор существовала моногамия. Осетины – преимущественно христиане. У магометанских же горцев все жены равны. Коран подчеркивает равноправие жен даже в отношениях чисто интимных: "Если кто имеет одну жену – читаем мы в шариате, – то из четырех ночей одну он должен провести возле нее, а прочими может располагать по своему смотрению; если же кто имеет четыре жены, то у каждой должен провести по одной ночи. Из этого времени изъимается впрочем время болезней и путешествий..., жене предоставляется освободить мужа от ночи, ей определенной, и в таком случае он может идти куда пожелает; равномерно дозволяется одной жене предоставить особое согласие мужа. В определенную для одной жены ночь муж не имеет права идти прежде к другим женам, разве только к одним больным, что даже необходимо исполнить (50). Но, как указывает Н.Львов, между зажиточными туземцами существовал обычай женить своих сыновей, независимо от заключенного прежде брака с приличной их званию девушкой, на женщине низшего сословия. Хотя такие браки совершались по всем правилам шариата, который обязывали мужа к исполнению супружеского долга по отношению ко всем своим женам одинаково, но отцы старались внушить сыновьям о неприличности их сожития с такими женщинами. Браки с ними обыкновенно совершались без огласки и не сопровождались никакими торжествами. Эти жены, "карахараб", "кхобу хораб", ("бесталанные", "беспомощные") находились в положении осетинских номульусов, а их дети не причислялись к семье, в которой они родились (51). Тем не менее такой порядок существовал только в Дагестане. Нечто похоже мы встречаем у караногайцев. Как указывал Г.Ананьев, "вообще большим уважением мужа пользуется старшая жена, она работает мало, принимает гостей и распоряжается дома. Муж, пожелав сделать что-нибудь, часто советуется с нею, а при выдаче дочери замуж спрашивают согласия жены... Младшие жены все время работают: то кизяки собирают, то шьют, то полости валят, коров доят, масло бьют

и исполняют другие работы" (52). Юридически младшие жены были равны со старшей женой. Преимущество последней вытекали только из ее старшинства, которое строго почиталось горцами, а отнюдь не из того, что младшие жены были не полноправные, как номульюсы у осетин. Дети от разных жен имели одинаковые права. Но, конечно, дети от любимой жены находились в лучшем положении.

Муж легко мог развестись с каждой из своих жен без всяких поводов. Но при этом он терял калым и кебин и должен был возвратить ее родным все, что она принесла с собою в дом. Женщина могла оставить мужа лишь в случае импотенции его в течении года. Если муж отрицал свою импотентность, он по кабардинским обычаям обязан был доказать способность к сожитию в присутствии родителей жены. Поводом к разводу у всех черкесов служило удостоверенное соседями и родителями жены жестокое обращение с нею мужа. В случае же, если женщина оставляла мужа без достаточных оснований, ее родные должны были возвратить последнему калым, который он за нее дал. В случае смерти мужа на его вдове женился его ближайший родственник. В случае же, если жена изменила мужу, то она подвергалась наказаниям (53). Тут мы переходим к санкциям внутрисемейных (внутриродственных) отношений.

Внутриродовые (ивнутрисемейные) правила поведения должны были иметь санкции. Таковой была власть старших, которые могли наказывать нарушителей внутрисемейного мира. Правда, горец не имел той *patriae potestatis* – той отцовской власти, которая была у римского домовладыки. Интересы его жены во многих отношениях охранялись ее когнатами. По отношению же к своим детям, горцы имели почти неограниченную власть. У приморских черкес отец мог изгнать непокорного сына без выдела ему имущества. В случае же, если этот последний продолжал вести себя недостойно, то он мог даже просить приятелей, или нанять кого-либо, чтобы убить сына. По обычаям кумыков, если отец убивал сына или дочь, то никто не вправе был мстить ему за это (54). Такое право было предоставлено отцу даже Уложением грузинского царя Вахтанга: "Только бог судья между отцом и сыном" (55). Ингуши мотивировали освобождение от ответственности за убийство родителями детей, что "никто не является врагом себе". И, действительно, к убийству внутри семьи и

рода прибегали крайне редко, так как этому противодействовало родственное чувство и экономические соображения – роду было крайне невыгодно лишиться рабочих рук и защитника на случай войны. Но, как справедливо указывает М.М. Ковалевский, это отнюдь не означало, будто отец совершал одобряемые адатом действия, если он убивал своего ребенка. Он оставался безнаказанным не потому, что его поступок считался правильным, а потому, что некому было мстить за поступок. Если же было кому, то мстили. Так, братья от другой матери объявляли канлы (кровную месть) братьям кого-либо из первых. Родные жены требовали уплаты за кровь, или объявляли канлы мужу, убившему ее. И это было не новым обычаем, как полагал А.М. Дирр (56), а вытекало из основного положения, что при экзогамии женщина никогда не выходит совсем из-под охраны своих когнатов. Так, например, у вайнахов Владикавказского округа муж, убивший жену, должен был заплатить родителям ее 85 коров, если у нее не было детей. Если же у нее были дети, то он должен был заплатить только 12 коров (очевидно, считалось, что на остальных коров имеют право ее дети) (57). Убийца жены терял всякое общественное уважение и не мог нигде показаться.

Еще больше, чем детоубийцы, отвечают отцеубийцы. Им должны были мстить родственники убитого, если они их не простили и не усыновили вновь. Матереубийца платил за кровь не только отцу, но и когнатам своей матери. В Кайтаго – Табасаранском округе дом убийцы сжигался и его братья вправе были преследовать его как вообще преследуют убийцу, который становился абреком. Матереубийцу же родные его братья не должны были преследовать и он платил пониженный выкуп по сравнению с убийцами посторонних людей. Кроме выкупных денег родители детоубийцы должны были уплатить штраф на общественные нужды. Правило о штрафе, являлось, конечно, сравнительно новым. Оно сложилось, когда наряду с кровными союзами начали возникать союзы территориальные. При феодализме помещики были заинтересованы в том, чтобы не убивали их работников, крестьян и воинов. Но не только князья и начальники считали нужным карать за убийство одного из членов семьи другого, но и общество не относилось к этому равнодушно. Часто убийцу своего близкого родственника изгоняли из аулов. Он становился абреком. Сванеты и

балкарцы надевали на шею отцеубийцы цепь из камней ("каа"), что отчасти напоминало побиение камнями, о котором говорится в библии.

Таким образом, мы видим, что нормы о наказании за убийство членами одной и той же семьи или одного и того же рода друг друга в разных местах далеко не одинаковы. Эта неодинаковость вытекает не только из различия убеждений разных народов Кавказа, но и из неодинакового понимания их записывающихся. Обыкновенно строго установлены были только основные положения адатов. Детали же крайне изменчивы и неопределимы. Это хорошо отметили сами собиратели обычаев. Так, например, в Своде адатов горцев Северного Кавказа мы читаем: " У племен, обитающих на северной покатости Кавказского хребта нельзя отыскать определительность права, строгости в постановлениях и точности в условиях жизни общественной" (58). Однако всюду у горцев считалось, что члены одного и того же рода, даже глава семьи, не вправе посягать без основания на своих родственников. Отцовской власти в смысле как обычно понимается римская *partria potestas*, у горцев не существовало, а власть над женой была ограничена благодаря экзогамии родственниками жены. Но, с другой стороны, мы видим, что члены одного и того же рода имеют право наказывать даже смертью своих родичей, которые совершили преступление.

Кроме убийства строго каралось прелюбодеяние. Так, например, в некоторых наместках Аварского округа существовало правило, что если кто-либо застанет свою жену, мать, дочь, сестру, племянницу, внучку или тетку *in fragranti*, он должен был убить не только виновницу, но и ее партнера, причем никакой платы за кровь он никому не должен был вносить. Если же он убивал или ранил мужчину, а родственницу оставлял невредимой, то должен был поклясться вместе с 25-ью ближайшими родственниками, что застал соблазнителя при совершении полового акта. Если соблазнитель скрывался невредимым, то между им и обманутым мужем возникало состояние кровной мести. Если же он ее простил, а соблазнителя убивал, то между ним и родом убитого опять-таки возникало состояние кровной вражды. В некоторых местах, как например, в верхнем Кайтане, соблазнитель мог жениться на своей любовнице и примириться с ее прежним мужем, уплатив ему калым. Но обманутый муж вправе был не

отдать жену, а убить ее. А.М. Дирр сообщает, что ему в 1904 г. рассказывали, как в Дагестане одна "изменница" была задушена между двумя досками. Согласно магометанскому закону за соблазнение девицы полагалось 100 ударов, а за соблазнение замужней женщины побиение камнями(59). Такое более строгое наказание за соблазнение замужней основывалось на взгляде, что этим нарушаются священные права мужа. И в русском дореволюционном Уголовном Уложении мы встречаемся с более строгими наказаниям за половые преступления против замужних женщин. Например, изнасилование замужних по нашему дореволюционному праву каралось строже, чем изнасилование девицы. У горцев же вообще девушки издавна пользовались меньшей охраной, чем замужние, что мы наблюдали в аулах Каменомостном (Кабарда) и Тебердинском (Карачай). Они могли ходить по воду, танцевать на вечеринках с мужчинами, однако не имели права сидеть или стоять с ними. Замужним же запрещалось показываться без крайней необходимости за пределами двора. Магометанская пословица: "Для мужчины весь мир - дом его. Для женщины ее дом -весь мир ее". Первое время после свадьбы молодая жена должна была жить не в доме мужа, а скрываться где-либо. Первый год после брака замужняя женщина не могла ни к кому ходить в гости. Через год она могла начать ходить в гости к своим близким родственникам(60).

Похищение невест и укрывание их - является пережитком первоначального положения, когда при экзогамии крали невест и должны были скрывать их. Вся тяжелая работа лежит на женщинах, хотя постепенно и мужчины из бывших джигитов и воинов становились земледельцами и ремесленниками. Но и теперь еще можно видеть, что горец едет верхом, а жена его лошадь ведет под уздцы. Горцы, у которых нет сыновей, а одни дочери, говорят, что вообще у них нет детей. У осетин правда взгляд на дочерей более благожелательный. У дигорцев существует пословица: лучше дочь, чем ничего. Однако не надо преуменьшать значение женщины в домашнем быту. Л.Н. Толстой в "Хаджи-Мурате" совершенно правильно показал, как грозный джигит иногда может бояться своей жены. Горец редко бывал дома, заходить на кухню для узденя считалось позором; в воспитание детей отцы не должны были вмешиваться. Поэтому, если вместо родной матери была мачеха, а по кабардинской пословице: "Сердце мачехи холодней

горного снега", то им было плохо. При внешней поработанности женщина все же играла значительную роль в внутренней их жизни(61). Кавказская женщина распоряжалась всеми продуктами, она имела свою отдельную от мужа собственность. По осетинским ордау конный не мог обогнать женщину, должен был спешиться и провести коня под уздцы. Если женщина проходила мимо, все мужчины должны были встать; нельзя было драться в ее присутствии.

При дальнейшем развитии классового общества права женщины становились все более и более ограниченными. Магометанская пословица гласит, что "жена это - верблюд, данный Аллахом, чтобы муж перешел пустыню жизни". Женщина у горцев обязана была сохранять безусловную верность мужу, который отнюдь не должен был платить ей тем же. Измена мужа не считалась проступком перед его женой. Она рассматривалась, как проступок только перед мужем и вообще родственниками той женщины, с которой он изменял. Его же жена (или жены) не вправе были предъявлять ему каких-либо претензий за измену, но сама жена должна была сохранять абсолютную верность своему владыке - мужу. Это относилось и к черкешенкам(62), о которых существовало неправильное мнение о свободе у них половых отношений. У ряда горских племен, как например, у ингушей, изменнице муж отрезал (откусывал) нос, затем прогонял ее и требовал от ее родных возратить калым и уплатить штраф, в общем в 48 коров. Подобный же обычай отрезать нос существовал у многих племен Кавказа, но постепенно он изживался. Ф.И. Леонтович отмечал, что в последние годы совершение кровной мести по отношению к соблазнителю стала все более и более заменяться выкупом и, кроме того, старшина аула налагал штраф на виновника(63). Гораздо более мягкие наказания за измену полагались у приморских черкес, где вообще, как подчеркивают многие исследователи, были более свободные половые отношения; у шапсугов, абадзехов и бжедуггов обманутый муж мог продать жену соблазнителю, или кому-либо другому, или прогнать ее, не возвращая калыма. Вообще у приморских черкес нравы были мягче, чем у других горцев, даже у соплеменных им кабардинцев.

Подводя итоги сказанному относительно внутриродственных адатов, мы видим, что их нарушение каралось внутриродовой или

территориально-общинной властью. Но сама эта власть была связана адатами. Затем, по мере того, как родовой строй переплетался с феодализмом и по мере проникновения сперва ислама, а затем русского права, власть главы рода (семьи) стала ограничиваться князем, обществом, духовенством и, наконец, русским законодательством. Но до недавних пор она была очень сильна и с нею приходилось сильно считаться.

МЕЖДУРОДОВЫЕ АДАТЫ. Родовой строй возник гораздо раньше, чем образовалось государство. При отсутствии субординационного властноправного порядка, каждый мог получить защиту только от своих родственников. Поэтому вырабатывалось правило, что весь род должен защищать каждого своего достойного члена и, с другой стороны, каждый член должен был жертвовать все для блага всего рода, как такового. Родовой союз считался в одно и то же время и кровным, и хозяйственным и религиозно-нравственным союзом. Каждый род имел своих богов, своих умерших предков, которым поклонялись, память которых чтили. Каждый общественный союз должен был иметь символ своего единства. Таким символом являлось знамя, герб, портрет вождя и т.п. Символом родового единства у горцев служила обыкновенно цепь от котла. Выбросить цепь котла являлось величайшим оскорблением рода. Даже у народов с более развитым общественным строем семейный родовой очаг играл огромную роль и пользовался большим почетом. Так, карабахские армяне предпочитали венчание на семейном очагом венчанию в церкви вплоть до начала XX в. "В Кабарде есть немало супругов, обвенчанных над тундиром, и они говорят с убеждением, что "тундир выше церкви, так как он кормит, согревает и очищает их" (64).

За всякий серьезный вред, нанесенный членом одного рода члену другого, между этими родами велась война, причем каждый член обиженного рода считал своей священной обязанностью мстить члену род обидчика. "Юридические последствия всякого правонарушения на первобытных стадиях есть кровная вражда и цель древнейшего судопроизводства есть только заключение мировой между враждующими сторонами. Последним принадлежит безусловно право частной войны, и судопроизводство сводится к установлению известного соглашения,

которому свободно подчиняются, заранее признав для себя обязательным решение суда, а для приведения его в исполнение они представляют ручательства. Ни обязательной подсудности, ни исполнительной власти здесь не существует, ибо первоначально всякий союз мира есть суверенная единица, а с другими союзами мира в крайнем случае он вступает лишь в соглашение" (65).

Так возникла кровная месть, которая известна была всем народам, когда у них родовой строй, а родовой строй был у всех народов. В песнях Эдды и Нибелунгах, в Рипуарской и Салической правдах, в Ряде земского права чехов мы читаем о родовой мести. Но не только арийцы, а и семиты и монголы знали родовую месть. У арабов она называлась "эр", у евреев "гоэль". Древние греки пели о том, что как Ахиллес, мстя за смерть Патрокла, захватывает 12 троянских юношей и приносит в жертву своему убитому другу. В "Одиссее" и "Иллиаде" мы встречаем описание того, как отец мстит за сына, сын за отца, брат за брата как эта родовая месть заменяется выкупом. "Даже тот, чьего брата убили, чье умертвили дитя, искупительный дар принимает. Выкуп большой заплатив, остается убийца в народе". Подобно тому как на Кавказе убийца отправляется в изгнание ("канлы"), в гомеровской Греции он также изгонялся из пределов своего постоянного места жительства. У дагестанцев, осетин и ингушей она сохранялась до недавних пор. У черкес и горских татар исчезла.

Одной из самых трудных задач советского суда являлась борьба против родовой, кровной мести. Первоначально суды рассматривали убийства из кровной мести, как преступление, совершенное из низменных побуждений и очень строго за него карали. Тем не менее это вызывало усиление кровной вражды, которая распространялась на всех свидетелей, дававших показание против подсудимого, а порой и против судей и обвинителей. В настоящее время за убийство из кровной мести не назначают слишком строгих мер наказания. Убийц часто приговаривают к условному лишению свободы, но обязательно высылают из пределов его родины. Это очень целесообразная мера, лишаящая возможности продолжать мщение. Как отмечал К.Дигуров, "одно время в автономных республиках и областях было сильное течение в сторону резкого усиления репрессий по бытовым

преступлениям. Так, например, при разработке законопроекта по бытовым преступлениям представителями Дагестана и Чечни внесено было предложение применять высшую меру социальной защиты к убийцам на почве кровной мести. Но Наркомюст не согласился с этим, так как он справедливо полагал, что бытовые преступления в конечном счете вызываются невежеством и некультурностью. Правительство РСФСР нашло наиболее целесообразным применять к ним пониженную репрессию, вплоть до условных осуждений. Эта точка зрения целиком усвоенная национальными судами, легла в основу в настоящее время уголовной политики по бытовым преступлениям, причем местами эту политику проводили очень вдумчиво" (66). Следует учитывать, что еще недавно у горцев убийство из кровной мести являлось не преступлением, а подвигом, выполнением религиозного долга перед убитым. До прихода русских месть совершалась отнюдь не тайком. У горцев, например у осетин, еще совсем недавно тот, кто не желал мстить, терял общественное уважение. Его кормили собаками. Поэтому у горца возникала тяжелая дилемма: нарушить или государственный закон, или священный народный обычай. В XIX в. у горцев вместо кровной мести применялась высылка виновного из родного селения временно или на определенный срок. (67)

В настоящее время лучшим способом борьбы против родовой мести считалось разъяснение ее нелепости и замена ее выкупом и извинениями. Из мер административных и судебных лучше всего применять показательные суды и высылку всех соучастников. В 1927 г. ЦИК Чечни создал специальную примирительную комиссию. Она ездила по селениям Чечни, беседовала с людьми, являвшимися кровниками и добивалась того, чтобы они братски пожимали друг другу руки при стечении всего народа в знак забвения прошлого. Согласно адату виновная сторона устраивала примирительное угощение, на которое приглашала семью потерпевшего. За один год комиссия рассмотрела 80 таких дел кровников из селений Шалинского и Урус-Мартановского округов. С тех пор подобных конфликтов в этих селениях не было. Во время закладки гидроэлектрической станции в Гизельдоне между заместителем председателя Северо-Кавказского Крайисполкома том.Мамсуровым и его кровниками произошло любопытное примирение. Мамсуров был приглашен за стол, за которым уже сидел

член "вражеского" ему рода. Горцы поднесли своему "большому земляку" хлеб-соль. Однако гость сидел за столом не веселый, мрачный. Его кровнику тоже было не по себе. В разгаре радостной беседы по случаю великого строительства, кровник подымает рог с пивом и говорит, обращаясь к Мамсурову: "Я вижу, как печаль грызет твое сердце! Мне тоже стыдно, дорогой наш гость! забудем же об этом глупом деле, начатом не нами. Ahadu (довольно) радостно подхватили все собравшиеся..." Примирение состоялось.

Однако вернемся к описанию кровной мести в междуродовых отношениях. Человек, совершивший убийство, немедленно вместе со своими родственниками по отцовской линии скрывался в доме князя. Последний, согласно адата, должен был взять их под свою защиту и покровительство. Собрав своих узденей и эмчеков (аталыков) он стремился предотвратить ответное кровомщение. В дом князя и к потерпевшим приходили односельчане и знакомые с выражением соболезнования и пожеланиями "да ниспошлет бог свой мир". Родственницы убийцы держали в доме князя "яс" - оплакивали убитого и проклинали и поносили своего родственника убийцу. Сам же князь, выждав окончание дней "яс" по убитому, посылал для переговоров о примирении туда своего кади и двух "тамаза" (почетных стариков), которые предлагали выселить убийцу далеко за пределы родного аула (канлы). Посланные ходили несколько раз к родственникам убитого и вели переговоры об "алыме", т.е. выкупе за убийство. Алым с дыма, т.е. с родни, кушающей из одного котла, был установлен в один баран. С дальних родственников алым брался в меньшем размере. Четвероюродный брат платил 60 коп., а более дальние родственники по 20 коп. Когда выкуп был собран, род убитого получал извещение, что "идем с алымом". Родственники убийцы с почетными стариками, кадием и князем во главе шли на "яс", или "тазият" (сидение мужчин). Перед этим у родственников убитого снимали все оружие, обучь и папахы и они шли на тазият, засучив шаровары выше колен. Когда эта процессия становилась недалеко от родственников убийцы, то кади с алымом подходили к ней, оставив своих спутников на почтительном расстоянии. Его сопровождали князь и почетные сельчане. После обычного са-лам (приветствия), он произносил молитву (дуа) и проповедь и прошение о мирной жизни, затем он

подходил к старейшему в роде убитого и поднося ему алым, говорил: "Этот алым дает такой-то князь". Беря алым родственники убитого становились лицом к родственникам убийцы. После этого считалось, что примирение состоялось. Горцы расходились со словами "да ниспошлет бог свой мир". Убийцу высылали из аула и он должен был остерегаться мести со стороны родственников убитого, или проделав только что описанную процедуру просить прощения для себя. Если родственник убитого убивал родственника убийцы, давшего алым, то он становился кровником самого князя. Такого канлы князя никто не принимал и не давал ему приюта у себя, он находился под бойкотом.

Убийца мог примириться и самостоятельно, но для этого требовалось несколько лет. Он должен был уплатить алым и всячески высказывать свое сожаление. Если же убийцу прощали сразу же после убийства, то похороны, поминки и памятник на могиле убитого делались на счет убийцы(68).

Мы видим, что выкуп кровной мести впоследствии стал производиться в присутствии и под контролем государственной власти (князя), став обычно-правовой нормой в подлинном смысле этого слова. Затем к выкупу в пользу потерпевшего рода присоединялся и выкуп в пользу князя. Данные юридические нормы народов Северного Кавказа сходны с теми, о которых мы знаем по Русской Правде ("вира" и "головщина").

Испытывая влияние русских, процесс отмирания кровной мести на Кавказе пошел не совсем тем путем, как в других странах. Обыкновенно это происходило следующим образом: неупорядоченная расправа с обидчиком заменялась упорядоченным государственным поединком, т.е. "полем". Такое "поле" было у всех восточных народов. Арабский писатель X в. Ибн-Даст оставил нам следующее описание такого "поля": "Окончательное решение дела представляется оружием... На борьбу родственники тяжущихся приходят вооруженными и выстраиваются. Тогда соперники вступают в бой, и одолевший противника считается выигравшим спор". Со временем кровная месть переродилась в поединок, т.е. месть под надзором государства была заменена местью со стороны самого государства, уголовным наказанием. Известно, что у славян был следующий обычай: если желала девушка или вдова, то ответчик должен стать был по пояс в

яме с мечом и большим щитом и обороняться в таком неудобном положении. Государство само определило способы кровомщения и делало его осуществимым даже для женщины. Постепенно из кровомщения под руководством государства выработалось государственное уголовное наказание.

При образовании государственности еще долгое время сохранялись пережитки родовой организации и кровной мести. Так, по законам Драконта в Асринах родственники убитого должны были выступать на суде в качестве обвинителей против убийц. Обвинение на суде рассматривалось как способ осуществления кровной мести. Со временем на Кавказе месть из до судебной становилась судебной и после судебной. Причем на первых стадиях развития процессуального права осуществление приговора возлагалось на самого пострадавшего и на его сородичей.

В процессе превращения кровной мести в право обвинителя перед судом, как органом государственной власти, можно проследить следующие ступени: 1) кровная месть всех членов рода убитого направлена против всех сородичей убийцы, 2) кровная месть ограничивается ближайшими родственниками убитого и его ближайших родственников, 3) замена кровной мести выкупом и символическим мщением (приставлением меча к груди убийцы), 4) трансформация кровной мести в обязанность быть обвинителем в суде. Первая стадия имела место в эпоху матриархата и патриархального родового строя. Вторая – в период распада родов на задруги. Третья – на стадии далеко зашедшего разложения первобытно-общинного строя и последняя – в период становления уже ясно сформировавшегося государства с сильными пережитками в обществе родового быта.

Поскольку выкуп кровной мести был настолько велик, что было не под силу семье виновного и всему его роду его выплатить, некоторые роды связывались друг с другом присягой ("тхар-огг"), согласно которой они обязывались совместно участвовать в таких платежах. Род, член которого совершил преступление, должен был платить больше, чем союзный род. При совершении кровомщения "не было ничего, рыцарского, откровенного. Кровоместник обыкновенно убивал из засады, сжигал хлеб и сено враждебного ему рода, или задруги,

поджигали ночью сакли, крали детей. Все это делалось скрытно, воровски, избегая опасности" (69).

На Кавказе ввиду того, что горцы были подчинены чужому государству, которое уже знало систему подробно разработанных уголовных наказаний, кровная месть была что называется загнана в подполье. Она стала чем-то тайным, преследуемым законом. Из нее родилось не уголовное наказание, а уголовное преступление. Тем не менее кровная месть была не только уголовной репрессией рода, но и способом защиты гражданских прав. С исторической точки зрения между гражданским и уголовным правонарушением нельзя проводить резкой грани. Одно и то же деление в одну эпоху влекло гражданско-правовую, а в другую – уголовно-правовую ответственность. Особенно убеждает в этом сравнительно-исторические изучения права и, в частности, анализ кровной мести, на что указывал еще Ф.Боас (70).

Ранее в своей статье "Изучение обычного права кавказских горцев" мы подробно останавливались на различных теориях кровной мести – теории эквивалента, защищаемой очень многими (А.И. Дирром в западноевропейской литературе и Е.В.Пашуканисом в русской) (71), теории устрашения, родового террора, теории инстинкта мести, защищаемой Штейнметцом и другими исследователями (72). Представители первой из этих точек зрения подчеркивают, что при кровной мести принимали во внимание не злую волю обидчика, и не степень его общественной опасности, а тот имущественный вред, который он нанес своим действием. Еще Н.Ф. Грабовский указывал, что все обычаи ингушей направлены на получение потерпевшим материального вознаграждения. А.И. Дирр отмечал, что горцы при совершении кровной мести стремились получить эквивалент потерь, нанесенных враждебным родом, или причинить ему равнозначный ущерб. В доказательство этого автор привел много примеров причин возникновения кровной мести. Так, если из-под ноги коровы, принадлежащей одному роду упал камень и разбил голову члену другого рода, шедшего под горой, на которой паслась корова, или кто-либо разбился, упав с лошади, испугавшейся собаки, принадлежащей члену другого рода. Е.В. Пашуканис утверждал, что подобные примеры ясно показывают, что дело было не столько в возмездии за злое дело, сколько в получении эквивалента и отсюда

он делал вывод, что будто уголовное право возникло при меновом хозяйстве, когда выработалось понятие эквивалента. Древнебиблейское правило – око за око, зуб за зуб, хорошо выражает этот принцип эквивалента. На первый взгляд эта точка зрения может показаться убедительной, тем более, что к приведенным примерам можно добавить еще нескольких сообщенных мне аспирантом Северо-Кавказского Горского института Эльбрусов Исламовичем Хадарцевым. Так, на военно-осетинской дороге рабочие сбрасывали с горы срубленные деревья. Одним из этих бревен был убит проходивший горец. Бросавшие бревна не могли считаться виновниками в его смерти, так как они прокричали, как полагается по обычаю, три раза предупреждение. Поэтому было решено, что ответственным должен считаться хозяин бревен, хотя он даже не был на месте происшествия. Между тем старики-осетины в Алагирском ущелье уверяли меня, что за случайное убийство по их обычаям полагается не кровная месть, а только некоторое участие в возмещении вреда. По их словам, за случайное убийство нельзя убивать, а надо взять только деньги или скот, и в количестве меньше, чем за кровь (73).

Эти данные не подтверждают теорию эквивалента и не дают основания впадать в вульгарный экономизм. Дело в том, что кровная месть вызывалась многими причинами и постепенно претерпевала значительные изменения. Несомненно, в кровной мести были чисто инстинктивное, рефлекторное проявление чувства мщения, было в нем и стремление запугать членов другого рода, чтобы им не повадно было совершать преступления по отношению к данному роду; был в ней и чисто религиозно-мистический, чуждый нам элемент. Психологию первобытных людей нельзя объяснять с точки зрения нашей психологии. Поступки их нельзя логизировать. Как совершенно правильно указывал М.М. Ковалевский, кровная месть являлась исполнением религиозной обязанности, долгом по отношению к мертвому. Кавказец мстил убийце, так как этого требовала тень убитого.

Как отмечал Р.Иеринг, "дух древнейшего права – есть дух мщения, удовлетворения за каждую случившуюся несправедливость. Не только за умышленную или велемием совершенную, но и за неумышленную или неведением совершенную несправедливость. Суровое

чувство права видит в каждом оспаривании или задержке права личное оскорбление, преступление и требует соответственно этому не только простого признания, или восстановления права, но кроме того, личного удовлетворения, наказания противника. Кара следует в древнейшем праве за всеми нарушениями права, все равно, объективны ли они только, т.е. таковы, что при них на противника не падает субъективно никакого упрека и вполне отсутствует сознание или намерение нарушить чужое право, как например, при добросовестном обладателе чужой вещи, который проигрывает процесс виндикации, или же они в то же время заключают в себе субъективную несправедливость. Неоспоримо, что наказание во всех этих случаях отправляет в то же время функцию вознаграждения убытков" (74).

По мнению первобытного человека, всякая смерть была чем-то в корне неправильным, неестественным, несправедливым действием какой-то злой силы и потому всегда надо было найти виновного и отомстить за нее. По справедливому указанию В.Г.Тан-Вогораза, «первобытный человек не понимает, не признает естественной смерти. Смерть – это убийство. Убийство совершает враг, зримый или незримый, видимым оружием из камня или железа или невидимым колдовством» (75). Кому-то необходимо было мстить. Поэтому если нельзя было виновными признать рабочих, сбросивших бревно, то надо было мстить хозяину бревна, иначе смерть останется не отмщенной и покойник сам начнет мстить, но уже своим родичам, не отомстившим за его смерть. Убитый мучается на том свете в аду, пока не отомстят его убийце за кровь. Если кто-либо умер от болезни, то надо искать, кто наколдовал эту болезнь. Тейлор указывает, что австралийцы не признавали естественной смерти и искали с помощью колдуна ее виновника среди живых. Рано или поздно они "находили" таких "виновников" и мстили им. Такова одна из главных причин злобной ненависти между племенами, которая поддерживала дикарей в непрерывных опасениях и беспокойстве (76). У горцев Северного Кавказа это, конечно, значительно ослаблено. Ко времени завоевания их русскими остались только пережитки таких воззрений на смерть как на следствие чьей-то злой воли. Если никак нельзя найти виновника среди людей, то виновником является нечистая сила – шайтан. Когда горец был тяжело болен, то ему не давали спать,

чтобы тайный враг не смог подкрасться к нему сонному и не похитил бы его душу. Перед саклей тяжело больного махали шашками в надежде зарубить шайтана.

Надо было всегда защищаться и мстить. Таков был девиз горца. Но когда? кому? как мстить? Существовали сложные правила совершения мести. Чтобы месть была не произвольной, следовало строго установить на кого, кем и когда она должны быть направлена. Причем здесь опять-таки была не важна субъективная, а объективная вина. Но на кого падала такая формальная ответственность, кого надо было избрать в качестве искупительной жертвы?

В своем интересном дневнике даргинец Хаджи-мурат Амиров рассказал, как он был осужден на так называемом диван-хане, джамаате, за якобы совершенное им убийство и ему объявили канлы. Позже обнаружилась его невиновность и он обратился к суду со следующим заключением: "К кадию и джа-маату божие благословение и его милости. В 1283 г. гиджры (по магометанскому счету) был убит около моего дома житель нашего славного аула. Меня обвинили в убийстве, хотя моя вина не была доказана, но сорок родственников убитого принесли присягу на Коране, что никто иной, как я убил его. Я был объявлен убийцей (дужван) и присужден к 15 годам канлы. Кроме того я принужден был отдать родственникам убитого (да успокоит Аллах его душу) трехлетнего быка и заплатить штраф. Но в прошлом году житель нашего аула показал, что я не был убийцей. Поэтому я прошу высокий Джамагат разрешить мне возвратиться домой. Да сохранит Аллах вас в благоденствии и счастии. Аминь" (77). Кадии поставил это прошение на обсуждение. "Мы должны соблюсти адат, - сказал один из судей, - наш адат не позволяет нам удовлетворять подобные просьбы. Кого поставлено на основании присяги на коране считать убийцей и канлы, тот потом не может быть оправдан, что бы не произошло. Иначе поступить было бы святотатством; это значило бы, что клятва не является бесспорным доказательством". Поэтому суд постановил: "Кто однажды признан канлы на основании клятвы 40 родственников, тот должен считаться убийцей, до истечения срока изгнания, хотя бы затем и было установлено, что он не убийца (78). Как указывал А.И. Дирр, вопрос был не в том, кто являлся виновным,

а в том, кто должен был отвечать. В родовом строе отвечали отнюдь не те, а часто и совсем не те, кто проявлял злую волю.

Понятие вины у горцев первоначально заменялось понятием объективной ответственности. Отвечали члены рода убийцы, хотя бы они что называется ни сном, ни духом не были повинны. До последнего времени у осетин, как указывали мне старики в Касарском ущелье, искали не виновника, а лучшего, самого уважаемого члена враждебного рода. Поэтому, если убийца – презренный человек, то он мог чувствовать себя в безопасности. У осетин нельзя было прекратить родовое преследование путем изгнания из своей среды убийцы. У осетин не существовало понятия индивидуальной вины. Виноват был всегда род и отвечал он, хотя бы сам презирал того, кто навлек преследование против данной фамилии. У кабардинцев дело обстояло немного иначе. Они мстили преимущественно виновнику. Тем не менее ни у одного горского племени идея мести не покоилась на идее личной ответственности и наказания именно виновника. Этим объясняется и правило, что женщине нельзя было мстить, а за ее поступки отвечали ее родственники-мужчины. Если же убийца не был известен, то за преступление отвечал тот, кого по формальным основаниям можно было считать убийцей. Чтобы месть не была слепой, обычай установил – кто, где и когда должен считаться ответственным. Согласно адат Даргинского округа подозревать в убийстве можно не большее число человек, чем ран на убитом. Нельзя высказывать за одну рану подозрение на нескольких человек, и потому, если подозреваемый оправдался, то нельзя было обвинять никого больше, хотя бы и открылись обстоятельства, уличающие кого-либо другого (79). В некоторых округах, как например, в Гунибском, можно было подозревать трех человек. Если двое из них оправдывались, то виновным считался третий. Когда кровная месть стала заменяться уплатой алыма, то была установлена целая шкала такс.

Как отмечал А. Пост, "мало по малу развивающийся выкуп кровной мести и лишение мира ведет к замечательному явлению, а именно, к системе композиций, которая всюду на земном шаре соответствует переходу от господства союзов мира к государственности. Всякое преступление может быть выкуплено уплатой определенной пени. Так,

у реджангов на Суматре все наказания могут быть выкуплены деньгами. У мангышских трухменов все тяжбы прекращались наложением денежных пени, или вознаграждением скотом; ни телесных наказаний, ни смертных казней там не существовало. Калмыцкий Хан-Галдан весь основан на системе композиций; в сущности он заключает лишь пени" (80).

За мужчину полагалось платить больше, чем за женщину, за представителя высших сословий - больше, чем за представителя низших сословий. Между размером уплаты за обиду (выкупом кровной мести), размером калыма и размером выкупа в случае пленения было строгое соответствие. Чем знатнее был род, тем дороже надо было платить за обиду, нанесенную его члену, тем больших размеров достигал калым за невесту из этого рода и тем дороже брали за выкуп за освобождение племенного члена этого рода. При этом имела в виду не только материальная выгода, но и престиж рода. Известен случай, когда осетины селения Тиб потребовали от сородичей крупного дигорского феодала Гетагоза Туганова 36 коров за освобождение его из плена, однако Туганов крайне обиделся, что за него просят такой маленький выкуп. "Во что бы вы оценили голову моего кавдасара?" - с негодованием спрашивал он. "Мой кавдасар и то дороже оценивается, а я ведь алдар", и когда по его требованию выкупная плата с него была увеличена до 54 быков, он остался доволен.

По Русской правде за кровь бояр платится 80 гривен, за смердов 40 гривен. Но в Московской Руси, где служебное положение ставилось часто значительно выше сословной принадлежности бывали случаи, когда за "бесчестие раба, находившегося на службе, взыскивался больший штраф, чем за бесчестие свободного крестьянина и даже чем за бесчестие черного городского человека. Так согласно Царского судебника за бесчестие крестьянина полагался один рубль штрафа, столько же как за бесчестие черного городского человека, или боярского человека младшего (т.е. холопа последнего разряда), между тем за бесчестие боярского доброго человека (холопа высшего разряда), назначался штраф в пять рублей (81). Любопытна такса в собрании законов грузинского царя Вахтанга: статья 26 - "на удовлетворение за кровь по убиении первейшего князя определяется

15300 руб., столько же за кровь епископа, а митрополита пятой частью менее того", статья 27 - "за кровь среднего князя, который обыкновенно ниже первого - 7680 руб. Столько же за кровь епископа и за родственников первого князя..., статья 323 - "за кровь крестьянина - 120 руб.» (82).

Однако возвратимся к народам Северного Кавказа. Большую роль у кабардинцев при определении размера выкупа играло то, кто являлся убийцей - мужчина или женщина, уздень или простой горец. Интересно, что разные члены рода, к которому принадлежал преступник, должны были отвечать не одинаково. Горцы начали различать степень вины и ответственности. За некоторые наиболее оскорбительные преступления считалось позором требовать выкуп, за них надо было мстить.

Материальная компенсация всегда сопровождалась моральной компенсацией - извинениями и унижениями. Обряд извинений был очень сложен и в разных местах далеко не одинаков. Обычно виновник шел на могилу убитого или во двор его с приношениями. К его груди приставлялось ружье или кинжал и спрашивали: не так ли властен над ним теперь родственники убитого, как был он властен над ним, когда совершал преступление. У некоторых народов, и отчасти у кабардинцев, выкуп мог носить и чисто символическое значение. Так, родственники убитого давали родственникам потерпевшего на время лучшую лошадь, которую они дарили затем князю, а последний, в свою очередь, возвращал ее собственнику. Тем не менее в большинстве случаев выплата была реальной. Порядок ее совершения описан рядом авторов.

Канлы должен был до прощения не стричь волос и не бриться. Если преступницей была женщина, то вместо нее можно было мстить ее мужу, или отцу, или брату. За поранения и имущественные преступления мщение производилось менее настойчиво, выкупная такса была ниже, извинения не так унижительны. Расходы на лечение возлагались на виновника. Существовала особая такса за повреждение каждого члена.

Первоначально выкуп, несомненно, возник не из идеи получения эквивалента за причиненное зло, не из мысли о возмещении убытков, а из желания мстить. Не имея возможности направить свою месть

против личности преступника, мститель захватывал его имущество. Еще в договоре Ольги с греками мы читаем: "Аще ли убежит сотворивший убийство, до еще не будет домовит, да часть его, сиречь иже его будет по закону, да возьмет". Но первоначально захват имущества отнюдь не заменял расправу над личностью обидчика: и после захвата имущества истец, нашедший убийцу, вправе был сделать его своим рабом или убить. "Установление размера головничества, - пишет М.М. Ковалевский, вовсе не предшествовало, как думают некоторые историки, решению вопроса, очевидно, столь же неразрешимого для древнего человека, как и для современного. Лишение жизни, или чести, как самый тяжкий вид обид, вызывало неограниченность мщения, т.е. убийство виновного, а если оно по обстоятельствам было невозможно - совершенное его разграбление, т.е. захват мстителем всего "барамта" - имущества обидчика" (83).

Мы не будем здесь приводить разные таксы за различные преступления и причинения вреда, установленные в разных местах Кавказа, так как они чрезвычайно разнообразны. Кроме платы со стороны главного виновника, обычно полагалась, во-первых, плата от родственников, называвшаяся у осетин "бонгалом" (подарком), и, во-вторых, мирное угощение. Даже в Грузии, где давно установилась государственная власть, наряду с уголовными наказаниями была частная месть и выкуп ее. Судьями, кроме феодалов и царских чиновников, были по ряду дел посредники "шуини" или "очени". Здесь мы также видим, что со временем обычаи первобытно-общинного строя становились санкционированными государством юридическими нормами, кровная месть стала сочетаться с уголовным наказанием, налагаемым по суду и сама становилась уголовным наказанием, совершаемым по приговору суду.

Кроме убийства и поранения кровную месть часто вызывало похищение девушек. Как известно, женщина была первым объектом торговли, который знало человечество. Но прежде, чем покупать женщин, их крали. И в настоящее время этот обычай покупать женщин имеет место как пережиток прежних умыканий из других кланов. В XIX и в начале XX вв. такое похищение являлось часто просто инсценировкой. В настоящее время похищение девушек имеет место тогда, когда девушка или ее родители не желают, чтобы ее мужем

стал похититель. Бывают похищения и с целью изнасилования. Похищение с целью женитьбы с согласия невесты, хотя и преследовалось тем родом, к которому она принадлежала, но не рассматривалось как нечто порицаемое с нравственной точки зрения. Если похищенную девушку похитители приводили к князю, или узденю, то не принять их считалось позором. Как указывают М. Алибеков и Т.Б. Бейбулатов, "если в то время, когда девушка была введена в дом князя, или узденя, наступавшие на этот дом родственники похищенной врывались в него и хозяин давал возможность увести обратно девушку, не убив никого из этих родственников похищенной, или не был сам убит, то он лишался всякого уважения. Если хозяин убивал кого – либо из ворвавшихся родственников похищенной, то он не выходил в канлы и почета не оказывал стороне убитого. Когда по требованию хозяина наступающие на двор останавливались, то в комнату, где находилась похищенная девушка, входили двое-трое томаза и расспрашивали девушку. Если девушка заявляла, что ее привели насильно, то ее выдавали обратно родным; если же она заявляет, что хочет замуж за похитителя, то ее родственники должны были удалиться" (84). Если родственники насильно увозили девушку, желавшую выйти замуж и находившуюся под охраной узденя в его доме, то они становились на известный срок канлы жениху и домохозяину. Если похитители скрывали девушку и не выдавали ее родным, хотя она к ним хотела возвратиться, то они становились канлы. В случае похищения чужой невесты, похититель становился к жениху в положение, аналогичное тому, как в случае убийства родственника. Интересное видоизменение обычая похищения невесты описывает А. Вияснивский. "Очень примечательно, что в такой области, как брак, женщина имеет много прав. У нее спрашивают согласие выйти замуж и редко бывает, чтобы девушку принуждали стать женой нелюбимого человека. Даже в тех случаях, когда ее похищают, на ней не женятся без ее согласия" (85).

Способ похищения был достаточно оригинален. Обычно невесту крали тогда, когда ее родители не соглашались выдать ее замуж. В таких случаях претендент улучал момент, когда никого нет поблизости, подходил к девушке и брал ее за руку. Это символизировало полную власть его над ней. Девушка должна была

идти за ним, куда не прикажет. Мы пытались выяснить, почему она обязана это делать и получали буквально следующий ответ: "Ну, как же она не пойдет? Ей же стыдно не подчиниться". В семье похитителя девушка жила и присматривалась к его хозяйству, решала, выходить ли ей замуж за похитителя или нет. Когда она наконец решалась, она заявляла свою волю отцу жениха. Если же она была не согласна, никто силой не вправе был заставить ее сделать это и она возвращалась домой. Если же она была согласна, то жених шел к ее родителям, нес им подарки и выпивку, после чего начинал сватовство. Мы лично не могли проверить только что описанных обычаев и думаем, что изложение их не вполне точно. Нам представляется, что подобное похищение возможно лишь, если имеется предварительное согласие невесты и ее родителей. Похититель стремился, как можно скорее вступить с похищенной в половую связь. Думаем мы также, чтобы родственники похищенной пытались отбить ее у похитителей. Тем не менее в настоящее время обычай символического похищения при согласии похищенной и ее родных имеет место.

Перейдем теперь к случаям похищения скота - "барамте". В случае кражи скота, или другого имущества потерпевший объявлял, что уплатит известную сумму тому, кто укажет вора. Указывающий, "айгак", обыкновенно получал за это плату. Но он опасался, что вор и его родственники будут мстить ему и потому старался скрыть свой донос. Воры должны были возвратить похищенное, а, кроме того, уплатить расходы айгаку и штраф. У народов, где существовала княжеская власть, князья могли сажать воров в подвалы и держать их там до тех пор, пока преступники не уплачивали всего следуемого с них.

Если кровная месть являлась родовым самосудом, направленным против личности членов рода обидчика, то барамта, или баранта, представляла собою родовой самосуд, направленный против имущества членов враждебного рода. Сам обиженный или любой член его рода имел право обратиться к насильственному захвату имущества не только самого обидчика, но и любого из членов его рода. На Западном Кавказе предметами такого захвата обыкновенно являлись стада баранов, почему этот институт и получил название барамты.

Вторым название является "ишкиль". Л.В. Комаров указывал , что "брать баранту следует с тем, кто не отделился от тохума ответчика"(86). Затем по мере изживания родовых представлений барантование ограничивалось только имуществом самого обидчика. Э.Тавернье отмечал, что барамта была очень распространена и в Грузии, хотя Вахтанг принимал меры к ее искоренению. В Хевсуретии, Пшавии и Тушетии первое что делает хозяин украденной скотины – он захватывал все, что попадется под руку из имущества вора. Как указывал М.М. Ковалевский, "всякому, кто знаком с содержанием древнейших законодательных памятников, самоуправный захват, практикуемый с целью удовлетворения гражданской претензии, порожденной имущественным преступлением, или простым неплатежом долга, представляется чем-то вполне знакомым"(87).

Так как у горцев личная и имущественная ответственность, равно как и сами преступления против личности и имущества сливались часто друг с другом, то и барамта сливалась с кровной мстью. Так, не отдача долга являлась обидой и вызывала кровную мсть, которая могла быть заменена денежным обязательством, обеспечиваемым барамтой. Подобно тому, как одно кровомщение часто вызывало другое, так же точно и один самоуправный захват чужого имущества вызывал другой и барамта могла вестись бесконечно, переходя подобно кровомщению в войну между родами. В силу того, что осуществить барамту могли, как и кровную мсть, главным образом, сильные и влиятельные роды, барамта превращалась часто средство эксплуатации более сильным и богатым родом рода менее сильного и более бедного. По мнению ответчика, каждый раз, когда размер захваченного имущества превышал сумму долга, должник, считая себя в свою очередь обиженным, имел право захватить имущество и того, кто захватил его имущество. Для того, чтобы избежать непрекращающейся цепи самоуправств, обращались к суду посредников. Таким образом, самоуправство превращается в досудебное предварительное исполнение решения суда. Позже оно стало осуществляться на основании решения судей, превращалось в исполнение судебного решения, производимое самим кредитором. Наряду с этим барамта являлась и предшественницей залогового права. Имущество должника захватывалось с целью обеспечения

исполнения обязательства. Таким образом, барамта являлась предшественницей целого ряда юридических институтов и первоначально была тесно связана с кровной мстью и международной борьбой. В значительной мере она являлась средством формирования классовой дифференциации, поскольку сильные роды на ее помощь обогащались за счет слабых, разоряли и эксплуатировали их.

Термин барамта, или баранта имел несколько значений: 1) скота, 2) преступления в смысле грабежа в обычном смысле слова, т.е. отнятия чужой вещи с целью ее присвоения, 3) военного захвата, угона или взятия в плен людей и скота, 4) наказания в виде захвата (конфискации) чужого имущества, 5) ареста (до суда) чужого имущества в обеспечение прав кредитора, а также обеспечения прав обиженного, обворованного и вообще потерпевшего материальный ущерб от неправильных действий ответчика, 6) меры обеспечения судебного приговора, 7) права сородичей убитого до осуществления кровомщения захватывать имущество убийцы и его сородичей, 8) права князя отбирать имущество у подвластных ему людей – узденей и чагар в свою пользу. Эти очень различные значения в то же время были тесно связаны с друг другом и вытекали из одного основания – захвата чужого имущества, как правило, скота.

На разном понимании слова "барамта" отразилось развитие общественных отношений от чисто родоплеменных до феодальных. Так, например, барамта в смысле права сородичей убитого до исполнения кровомщения захватывать, барамтовать имущество убийцы и его сородичей несомненно являлась пережитком чисто родовых обычаев. Барамта в смысле права князя отбирать имущество у подвластных ему узденей и чагар являлась феодальной нормой. Здесь мы имеем то же, что и с обычаем уплаты калыма, и выкупом кровной мести, и обычаями так называемой взаимопомощи. Напомним, что калым возник, как выкуп кровной мести за похищение невесты, затем он превратился в компенсацию роду, вырастившему невесту, за расходы на ее выращивание, поскольку этот род лишался рабочей силы ими вскормленной. После чего калым начал превращаться в приданное, но даваемое не отцом, а женихом. Так, и взаимопомощь из чисто родового обычая со временем превратилась в орудие эксплуатации богатой верхушкой своих бедных родственников путем созыва их

собира́ть урожай с больших полей зажиточных горцев, а также помогать строить большие дома богачей. Будучи родовым институтом выкуп кровной мести постепенно превращался в орудие закабаления слабых и не влиятельных противников, с которых брались настолько большие для них суммы, что они лишались всякой хозяйственной самостоятельности. О барамте подробно говорится в сборнике Кайтахских адатов, где под барамтой понималось право истца, не получившего удовлетворения от ответчика, нападать на его родственника или односельчанина и украсть или силой отнять, принадлежащие им вещи, не возвращая их, пока ответчик не удовлетворит иска. Так же и в "Своде адатов Северного Кавказа" сообщается, что еще в середине XIX в. существовал обычай барамты: "случается, что обидчиком может быть лицо, имеющее силу и вес в обществе, которого и судьи не в состоянии принудить к исполнению приговоров; в таком случае обиженный удаляется в другую деревню или общество и с помощью своих родственников, или кунаков что-нибудь ворует у обидевшего его" (88). Как подчеркивает Ф.И. Леонтович, "обычай барамты является естественным результатом указанного нами "международного" положения у горцев вопроса об обязательности адатов, именно лишь между "своими", исполнявшими присяжный маслагат – обязательство жить в согласии, не нарушать прав членов своей общины и племени. Чуть только обидчик добровольно не удовлетворял обиженного, он нарушал тем самым союзный маслагат, становился вне защиты родового адата, – в отношении к нему последний терял силу и уступал свое место самоуправству (барамте). Такое же самоуправство в отношении к "своим" дозволялось и в других аналогичных случаях: "Когда два горца ссорятся между собою, если обидчик не пожелает судиться с обиженным (т.е. будет уклоняться от суда), то последний крадет у первого и, представив украденную вещь в суд, заставляет своего противника судиться с ним" (89) (90).

В только что изложенном смысле слова "барамта" во многом напоминает древне-римский *legis actio per capionem*: захват чужого имущества в обеспечение осуществления ответчиком прав истца, так сказать принудительный залог. Но под словом барамта у горцев

понимался и захват чужого имущества, как правило, скота, с целью его присвоить.

У тех народов, у которых еще не было зачатков государственной власти, уличные воры, не уплатившие потерпевшему того, что с них было присуждено, становились канлы потерпевшего. Из-за похищения скота одним аулом у другого, или одним родом у другого, возникали между ними часто целые сражения. Несомненно, что в древности вора наказывали или лично (убивали, обращали в рабство, изгоняли), или имущественно подвергали тому, что в древнерусском праве называлось "потоком и разграблением". В древнеиндусских законах Ману говорится об изгнании воров и о конфискации их имущества. Затем конфискация заменялась штрафом, который по размерам приближался к конфискации. В сборнике осетинских адатов говорится о штрафе в 3,7 и даже в 20 раз превышающем стоимость похищенного, причем чем ниже стоимость украденного, тем больше число раз взыскивается она с похитителя. По адатам кавказских горцев в статье 8 мы читаем, что за кражу лошади, быка или коровы вор должен был уплатить троекратную стоимость похищенного, за барана – семикратную (91). При определении стоимости украденного принималось во внимание у кого похищено. Кража крупного рогатого скота у "белой кости", алдаров, каралась штрафом в семеро раз, мелкого скота – в 20 раз и более превышающем стоимость похищенного. Господствующий класс гораздо строже охранял неприкосновенность своей собственности, чем неприкосновенность собственности низших классов. В этом отношении он поступал также, как и при охране личности.

Несмотря на то, что выкуп за убийства женщины был ниже, чем за убийство мужчины, за другие преступления против женщины наказания были более строгие. Так, в статьях 158, 162 Собрания адат Даргинского округа написано: "За нанесение мужчины побоев, хотя бы и остались знаки, а также за нанесение раны, не требующей лечения, виновный никакому взысканию не подвергался. За нанесение побоев женщине, если не она первая начала драку, взыскивается в ее пользу один бычок. Если женщина была беременна и последствием побоев был выкидыш, то сверх того, дело разбирается по шариату". Более строгая охрана женщины вытекало, конечно, отнюдь не из большого к ней уважения, как это имело место при установлении более строгой

охраны алдар (у осетин), уорков (у кабардинцев) и др. привилегированных сословий, а потому что женщина была слабее. Если били мужчину, то это была его вина. В таких случаях горцы говорили: "Почему он не дал сдачи". По мнению горцев, мужчине было позорно быть побитым, женщину было позорно бить. Если женщина была беременна, то при нанесении побоев женщине мог погибнуть и ее ребенок. Между тем женщины охранялись адатом только от побоев посторонних мужчин, отнюдь не от мужа, или отца. Тем не менее по шариату муж и отец были ответственны, если в результате побоев женщина получала увечье или наступали преждевременные роды.

В некоторых местностях Кавказа, как например, в шамхальстве Тарковском и ханстве Махтуленском были разработаны уголовные кодексы (92), в которых подробно указывались наказания за умышленное или неосторожное убийство, за неправоудие, за разврат и противоестественные пороки, лжеприсягу, за убийство родственников, за изгнание плода и т.д. В основе этого уголовного кодекса лежала идея психологической личной вины и вменения. Тем не менее сами наказания оставались прежними, характерными для первобытно-общинном строя, а именно: кровная месть, изгнание, выкуп. Нормы родового периода постепенно становились правом в строгом смысле слова, приобретали классовый характер, санкционировала государственная власть. Женщины, совершившие половые преступления, изгнание плода и т.д. подвергались публичному позору. Так, в 58-й статье адатов Тарковского шамхальства мы читаем: "Если не замужняя женщина будет обличена в уничтожении плода, происшедшего от незаконного брака, то лицо ее, а также лицо обременевшего обмазывают черной краской, сажают обоих на осла лицом назад и возят по улицам селения, а мальчишки бросают в них грязью и камешками. После этого виновные изгоняются из селения".

Таковы основные преступления, предусмотренные адатами. Имущественные правонарушения, а именно: неисполнение договоров, мошенничество, присвоение вверенного рассматривались как обида. Они вызывали ссоры, ранения, убийства. Позже, когда начала зарождаться государственная власть, и были созданы суды, подобные споры стали там и рассматриваться. В догосударственном родовом

строе имущественные споры между членами одного и того же рода рассматривали старшины рода. Споры между родами решались с помощью вооруженных столкновений или посредством медиаторов. Территориальные, аульные и окружные суды обыкновенно, кроме возмещения вреда потерпевшему и штрафа в его пользу, присуждали неправого ответчика уплатить штраф в пользу князя или общины.

В организации суда горцев Северного Кавказа мы видим сочетание пережитков непосредственного народовправства с классовым государственным судом. У горцев были общественные договоры, так называемые маслагаты, суд кади, суд представителей общества и княжеский суд. А.В.Комаров и Н. Дубровин приводят различные описания подобных судов (93). Можно привести и выдержку из рукописного сборника адатов Шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского (94), где можно было наблюдать сосуществование государственного, церковного и народного судьи: в зависимости от важности дела споры могли разрешаться или шамхалом, или ханом, или кадием, или сельскими картанами. То же самое М.Н.Покровский установил для Древней Руси (95).

В XIX в. у горцев Северного Кавказа существовал суд князей, дворян и мулл. У народов, где уже сложился феодальный строй, например, у кабардинцев, спорящие часто обращались к княжескому суду. Феодалы очень дорожили этим правом судить. Оно усиливало их власть и влияние. Защита князьями адата и нелюбовь их к шариатскому суду являлась до некоторой степени проявлением на Кавказе борьбы между светской и духовными властями. При этом князья нередко судили по своему усмотрению, не считаясь строго ни с шариатом, ни с адатом. По спорам, которые должны были решаться на основании религиозного закона, обращались к духовному шариатскому суду мулл и кади. В противоположность этому последнему и князья, и народные судьи не были строго связаны юридическими нормами, а могли сами творить новое право, сообразно конкретным индивидуальным особенностям данного случая. За редким исключением, нормы адатского права в глубокой древности не были записаны, а передавались из уст в уста. Основные из них были известны всем и строго соблюдались. Всякое нарушение их рассматривалось как величайшая несправедливость.

Российская администрация неоднократно пыталась изменить адаты и ввести свою систему судопроизводства. Первоначально это вызывало решительный отпор со стороны горцев. Иногда дело доходило до восстаний, как например, в Дагестане в 1843 г., когда резко проявилось недовольство деятельностью русских судов. Пришлось адатские суды восстановить. Со временем их полномочия были даже расширены. Как известно, в этот период Шамиль объявил газават и отменил популярные среди населения адатские суды, заменяя их шариатскими. Для того, чтобы привлечь к себе горцев русское правительство постановило создать в каждом округе суды, которые бы разбирали дела по большинству голосов, публично и устно. Никаких писаний в этих судах не допускалось, кроме занесения в особый журнал содержания сущности дела и решения его. Эти суды состояли из кади, разбиравшего дела, согласно шариата, и депутатов, выбираемых по преимуществу высшими сословиями горцев. Хотя суды и назывались народными, но по существу, это были, конечно, классовые суды дворянства и духовенства. Председателем каждого такого окружного суда был Начальник округа. Его голос имел огромное значение и таким образом, часто под видом горского национального суда, русское правительство устраивало свой правительственный суд. Кроме этих окружных судов, были созданы также в При-Сулакском наибстве и Мехтулинском ханстве изустные суды. Так называемый Дагестанский народный суд состоял из трех кади и семи заседателей, которые выбирались из знатных и влиятельных местных людей. Этому суду подлежали наиболее важные дела, в том числе и апелляционное производство. Рассмотрение менее значительных вопросов, как например, ссор, драк без нанесения ран, повреждений, краж имущество и т.п. подлежали ведению аульных судов, которые выбирались из наиболее влиятельных местных людей. Окружной начальник должен был следить, чтобы решения этих судов не противоречили основам общественного строя Российской империи.

Мы видим, что независимость указанных судов была довольно относительной. Доказательства на этих судах приводились следующие: 1) свидетели, которые являлись бы без принуждения и были совершеннолетними и в здравом уме, 2) вещественные доказательства (пятна на платье, оружие и т.д.), 3) клятвы не менее двух

свидетелей о том, что жалоба основательна (96). При этом клянущиеся должны быть жителями данной местности. Чем ближе живут свидетели к месту жительства жалобщика (истца), тем больше значения придавалось их словам. По общему правилу женщины не могли быть свидетельницами. В тех случаях, когда их привлекали в качестве таковых, их показания должны были подтверждаться братьями или мужьями. Кроме малолетних (до 7 лет) в качестве свидетелей не допускались слабоумные и сумасшедшие, а также и родственники жалобщиков, которые были материально заинтересованы в исходе процесса, лица, судящиеся с обвиняемым (или ответчиком), должники ответчиков (обвиняемых), лица состоявшие в кровной вражде с обвиняемым (ответчиком). Показание умирающего рассматривалось, как бесспорное доказательство, хотя бы оно было дано без присяги. Горцы полагали, что перед смертью ни один человек не будет врать. Если же возникали какие-либо сомнения в правильности показания умирающего, так как он бредил, например, то обвиняемый должен был принести очистительную присягу. Они должны были подтверждаться свидетелями. На основании простого подозрения принималось обвинение в убийстве, ранении, воровстве, скотокрадстве, поджоге и других наиболее крупных преступлений. Жалобщик должен был подтвердить свое обвинение клятвой. Никакие обвинения, если они не являлись очевидными, не принимались против кади и других лиц, изучивших религиозные книги. Одним из самых важных доказательств служила клятва жалобщика и его соприсяжников. В качестве этих последних выступали родственники и так называемые лучшие, наиболее уважаемые люди аула. Подобные же обычаи были и в древней Руси, где существовали также соприсяжники "послухи", приходившие на спор вместе с обиженным. Их задача заключалась в том, чтобы подтвердить присягой ("ротой" – название, ясно показывающее боевое происхождение) правильность притязаний, а в случае необходимости и поддержки их физической силой. Эти "послухи" в ряде памятников именуются "пособниками", "соприслужниками", что ясно показывает их связь с родовым строем. Очистительная присяга приносилась обвиняемым (ответчиком) и его соприсяжниками, которые выбирались из его родственников. Если хотя бы один из привлеченных отказывался удостоверить виновность подсудимого, то последний

считался бы оправданным, при условии, что его виновность не была очевидной. Число соприсяжников для каждого рода дел было установлено адатом. Оно колебалось от 1 до 60. Соприсяжники, "тусевы", это не свидетели, дающие под присягой показания, а поручители из того рода, к которому принадлежит главный присягающий. Институт соприсяжников тесно связан с родовым строем. Для европейцев непонятно, почему горцы придавали клятвам такое большое значение, - больше даже, чем всякого рода другим доказательствам. Если принять во внимание тогдашнюю религиозность горцев, если учесть, что они были глубоко убеждены, что за лжеприсягу им придется принести на том свете более жестокое наказание, чем всякая земная кара, то станет ясным значение присяги, как бесспорного доказательства. Если обвиняемый и его тусевы ложно поклялись в своей невинности, то они по глубокому убеждению всех первобытных народов, этим не только не освободились от наказания за преступление, но возлагали на себя более жестокую кару. Клятвoprеступников можно было и не наказывать, так как они считались уже наказанными сами фактором лжеприсяги.

Уличенные в ложной присяге теряли всякое общественное уважение. Вспомним, что и в старом русском праве последними людьми, достойными всяческого презрения, были наряду с явными прелюбодеяниями и "тайно портящими межевые знаки", клятвoprеступниками. Число лиц, на которых можно было выказать подозрение в совершении ими преступления было строго ограничено. Так, например, в Темир-Хан Шуринском округе в воровстве можно было подозревать не более трех человек; в некоторых местностях Малокабардинского округа можно было обвинять в убийстве или грабеже до семи человек. Подозреваемые должны были принести очистительную присягу. В некоторых округах, например, в Мало-Кабардинском округе, лица, не сумевшие очиститься присягой считались виновными хотя бы впоследствии действительный виновник и был обнаружен. Это являлось пережитком формальных, незыблемых доказательств, которые долго сохранялись и в Западной Европе. На значение присяги, как бесспорного доказательства, которому придавалось даже большее значение, чем очевидным уликам и свидетельским показаниями, указывал М.М.Ковалевский.

У магометанских народов Кавказа, в том числе и кабардинцев, клятва была двоякого рода – именем бога по шариату над Кораном "Валлаги, биллаги, таллаги" и так называемая "хатунталлах" или "кебин-таллах", имевшая значение поручительства в верности произносимых слов: в случае лжеприсяги виновный должен был развестись с женой. Если у человека, произносящего присягу, имелось несколько жен, он должен был указать, с какой именно из них он разведется в случае, если присяга окажется ложной. Эта вторая присяга, кебином, т.е. браком, являлась как бы неустойкой, так как развод являлся не только принудительным оставлением жены, но и расстройством всего хозяйства, а для того, чтобы вновь жениться надо было заплатить калым, который обычно трудно собрать не богатому горцу. Введение такой неустойки указывало на ослабление религиозного настроения.

Добавочная присяга существовала в округах, мало затронутых мюридизмом. От присяги освобождались кади, карт (судьи, хаджи), т.е. лица, побывавшие в Мекке, и все лица, занимающие общественные посты. В последнее время к присяге прибегали тогда, когда никаких других доказательств нельзя было привести. Но первоначально дело обстояло совершенно иначе. Как справедливо указывал М.М. Ковалевский, в эпоху первоначального покорения русскими кавказских горцев им одинаково были чужды, как письменные документы, так и свидетельские показания, а главным доказательством являлись обвинительные и очистительные присяги. Все эти новые виды доказательств были введены, главным образом, под влиянием русских. Как подчеркивал М.М. Ковалевский, в народных горских судах главную роль играл русский писарь, который вел протокол на русском языке и несомненно влиял на решение. К подобному же заключению пришел и другой исследователь осетинского права В.Пфаф: "Показания свидетелей имеют в осетинском судопроизводстве, весьма маловажное значение (97) .

Существование в древнем кабардинском праве ограниченного числа судебных доказательств объяснялось бытовыми условиями – отсутствием письменности, обращением к суду только по желанию жалобщика с представлением доказательств отсутствия предварительного следствия. Родовой быт и родовая круговая порука,

наряду с родовыми возмездием очень мешали прибегать к свидетельским показаниям. Вполне понимая, что за всякие заявления против подсудимого, или ответчика будет мстить весь его род, горец часто не решался объявить на суде то, что он знал. Всякий, кто жил в аулах, знает, с какой неохотой горцы идут свидетельствовать в суд. Легко соглашались быть свидетелями главным образом, враги обвиняемого (или ответчика). Магометанское право относится также не особенно сочувственно к свидетелям обвинения. В "Хидая" устанавливается обязанность выступать свидетелем только не по делам, влекущим телесное наказание. "В случаях, влекущих телесное наказание, свидетели вправе дать показание, или уклониться от него по своему усмотрению, причем рекомендуется по возможности, воздерживаться от показаний. Пророк сказал: "Кто скрывает пороки брата своего мусульманина, над преступлением, на того в обоих мирах Аллах накинёт покров". Только в имущественных спорах свидетель обязан говорить правду, но и тут рекомендуется делать это так, чтобы обеспечив собственника от имущественного ущерба, не давать основания к применению наказания"(98). В виду этого к показаниям свидетелей необходимо было относиться с большой осторожностью. Даже истинный свидетель очевидец - часто выступает на суде со своими показаниями, только за плату. При этом он из свидетеля в нашем смысле слова превращается в обвинителя, или истца. Он активно выступает за плату, а не показывает только суду то, что последний хочет от него узнать. Но быть таким свидетелем обвинения до сих пор считается унижительным. "Комдзог" - это свидетель обвинения. Его задача была раскрыть личность виновного, указать последовательно на все обстоятельства, при которых было совершено правонарушение - задача, очевидно, опасная при том самоуправстве, какое еще недавно характеризовало собой быт осетин. Поэтому, народное право обеспечивало комдзога известной страховой премией в его пользу с потерпевшего. Размер этой премии определялся каждый раз путем частного уговора. С другой стороны, комдзог нес своего рода ответственность: в случае, если ему не удавалось открыть виновного, он сам становился на место ответчика и удовлетворял потерпевшего, как виновная сторона(99).

У кабардинцев в древние времена наряду с клятвой были и такие судебные испытания, как ордалии. Они заключались в том, что обвиняемого подвергали какой-либо определенной опасности, например, заставляли переплывать бурный поток, или перепрыгнуть через костер. Если обвиняемый благополучно проходил это испытание, значит бог был против его наказания. Чтобы понять употребление подобного доказательства необходимо отрешиться от современного рационалистического подхода. В отличие от теперешнего суда, который, разбирая дело, стремится на основании известного ему установить неизвестное производит операцию, подобную решению математического уравнения, древний суд был колдовством, гаданием, во время которого ожидалось вмешательство божества. В качестве судебного доказательства ордалии встречаются у самых разных племен у жителей Караибской островов, и на западном берегу Африки, и в Японии, и в Тибете, и в Перу, и в Аравии. До конца средних веков ордалии применялись в Византии и других странах Европы. Были они и на Кавказе. К ним в первую очередь, должен быть отнесен случай, описанный А.Гакстгаузенем, заключавшийся в следующем: "Родственники обиженного требуют, чтобы убийца стал под их выстрел. Бросают жребий, кто из рода обиженного должен будет выстрелить в обидчика. От внимания жребия не устраняются и мальчики и это делается для того, чтобы выбор не был ограничен одними хорошими стрелками. Суд определяет также время и место встречи, равно как расстояние, на котором должны стоять стороны. Дело решается одним выстрелом – все равно будет ли виновный убит, ранен, или останется невредимым(100). В настоящее время у горцев Северного Кавказа ордалии не применяются, но их следы остались в клятвах и пословицах. Так, по-осетински присягать называется "артахарын" ("огонь"). В.Ф.Миллер приводил пословицу: "виновного даже вода не несет". Для доказательства своей правоты осетины говорят: "пройду через огонь". Эти выражения, подобно русским "я готов за тебя в огонь и в воду", являются несомненными пережитками ордалий, сохранившихся в языке. Данное испытание огнем сохранилось и более ясной форме. Дж.Шанаев описывал любопытный случай. "При кражах движимости по преимуществу легких, женских вещей – подозреваемому назначалось потерпевшим присяга – перепрыгнуть

через зажженную волчью жилу"(101). Конечно, перепрыгнуть через дымящуюся волчью жилу не трудно, но данный обычай, безусловно, являлся пережитком гораздо более страшных испытаний огнем, которые практиковались ранее разными народами, в том числе и народами Северного Кавказа. М.М. Ковалевский приводил примеры жестких испытаний огнем, которые практиковались ранее разными народами, в том числе и народами Северного Кавказа. М.М. Ковалевский приводил примеры жестких испытаний огнем, которым индусы, и персы, и славяне, и германцы подвергали подозреваемых(102).

В 1215 г. Латеранским собором ордалии были запрещены в Европе. Тем не менее и позже они там долго применялись. Известно, что в Грузии они еще были в XVIIв.(103). Современному человеку совершенно непонятно каким образом в течение столетий люди не могли по опыту убедиться, что действие огня, воды и других физических элементов определяются законами природы, изменять которые никто не может. Ведь всякий опускавший руку в кипяток обжигал ее, всякий опущенный в воду на продолжительное время захлебывался. Между тем, во-первых, целый ряд ордалий был таков, что испытуемый мог в силу своей ловкости, и здоровья выдержать их – переплыть через поток, не умереть от яда. Во-вторых, многое зависело от тех, кто проводил эти испытания. Они могли незаметно для окружающих помочь тем, кто подвергался испытаниям. Как отмечал Гримм, к тяжким испытаниям обращались тогда, когда виновность подозреваемого была почти очевидна(104). Вместо того, чтобы приступить непосредственно к казни преступника, его подвергали испытанию, которое его умертвляло. Иначе говоря, тяжкие ордалии были не столько установлением виновности подозреваемого, сколько наказанием обвиняемого, причем полагали, что бог мог освободить его от казни, если считал ее неправильной. В XIX в. этот пережиток сохранился у европейцев в виде убеждения, что если, повешенный оборвется, его нельзя вторично вешать.

Со времени установления российской власти на Кавказе ордалии и сложные присяги постепенно исчезли. Сохранились только две вышеуказанных присяги – обвинительная на Коране и дополнительная обычно-правовая. Постепенно присяга заменялась другими видами доказательств. Так, "при разборе по адату доказательства всегда

представлял истец" (105). Доказательствами считались собственное признание и показание свидетелей. Число свидетелей зависело от важности разбираемого дела. Как было указано выше, письменные документы не считались доказательствами, они получали силу только тогда, когда подписавшие документы свидетели подтверждали присягою действительность их. В делах, влекущих за собой кровомщение, как например, по убийствам и прелюбодеяниям, требовалось четыре свидетеля. Во всех прочих делах считалось достаточным два свидетеля. При одном свидетеле требовалась присяга истца. Тогда доказательство считалось равносильным показанию двух свидетелей. Свидетелем мог быть всякий, достигший 15-летнего возраста, мусульманин, "который в полном разуме и к разбираемому делу не причастен". Не допускались к свидетельству: лица женского пола, близкие родственники, люди, опороченные общественной молвой и питающие к противнику явную вражду. Действительность родства и вражды должна была быть доказана свидетелями, число коих определялось по усмотрению дивана (суда). При сомнительности свидетеля требовалось, чтобы один из ближайших его родственников, по выбору противника, принял присягу в том, что свидетель показывал истину. Первоначально это совершалось перед родовыми старейшинами, а затем перед особыми судьями. Если дело было особенной важности, то число присягателей могло быть увеличено, по усмотрению дивана, до 6-ти.

Если выбранный родственник, без уважительной причины не соглашался принять присягу, то это считалось доказательством неблагонадежности свидетеля, который в таком случае к свидетельству не допускался. Уважительной причиной отказа от принятия присяги могло быть только, что лицо, от которого требуют присягу, при свидетелях дало обет ни по каким делам не принимать присяги. По правилам шариата, приводимому к присяге должны были даны вопросы, относившиеся к религии, и если он не отвечал удовлетворительно, то он к присяге, а, следовательно, к свидетельству не допускался. Этого правила, однако, строго не придерживались.

Каждый свидетель допрашивался отдельно и подробно, в присутствии тяжущихся обо всех обстоятельствах, могущих повести к

открытию истины. Если в показаниях двух свидетелей оказывалось разноречие, что их свидетельство не принималось. Если же из трех свидетелей два показывали одинаково, а в показании третьего было разноречие, то принимались только два первые. В случае устранения одного или всех свидетелей, истцу не воспрещалось представить новых свидетелей. Показание свидетеля принималось за доказательство, если он лично присутствовал при совершении дела, по которому его спрашивали, или узнал об обстоятельствах дела из уст самого ответчика. Показание же по слухам от других ни в каком случае за доказательство не принималось. Свои показания свидетели подтверждали присягой, от которой освобождались только при согласии ответчика. Если кто-нибудь обвинял другого в совершении какого-либо преступления или проступка, то от него требовались доказательства. Если же истец не имел доказательства, то ответчик должен был очистить себя от возводимого на него обвинения присягою.

Таким же образом ответчик очищал себя присягою, если истец заявлял на него подозрение в совершении какого-либо преступления. Очищение производилось следующим образом: ответчик, подтверждая свое невинность присягою, представлял несколько человек родственников, или, за неимением их, посторонних лиц, которые присягали в том, что ответчик по данному делу невинен. Число присягателей, из коих, если они родственники, одна половина выбиралась истцом, другая ответчиком, а, если они посторонние люди, то одним ответчиком, бывало различно, смотря по важности обвинения. При убийствах и других преступлениях, влекущих за собой кровомщение, требовалось сорок присягателей. Такое же число присягателей требовалось при краже из дома, где находится семейство хозяина, на мельнице, из саманника, из ямы, в которую ссыпали хлеб, из мечети и при воровстве плуга с поля, или при сожжении плуга. При воровстве лошади или буйвола, цена коих редко превышало 100 рублей, требовалось 10 присягателей. При воровстве быка или коровы, оцениваемых прежде обыкновенно от 10 до 30 рублей, требовалось 5 присягателей. При воровстве барана, или другой мелкой скотины требовалось по одному присягателю на каждую

голову. Соразмерно этим ценам назначалось число присягателей при воровстве другого какого-либо имущества.

Вначале к присяге приводились присягатели, выбранные истцом, который вызывал каждого по одиночке. Если первые два-три присягателя отказывались признать ответчика виновным, то ответчик таковым не становился, даже если остальные присягатели хотели принять присягу, подтверждающую виновность ответчика. И наоборот, если они принимали присягу, а некоторые из последующих присягателей отказывались делать это, то дело все равно решалось в пользу ответчика. Если ответчик и истец состояли между собою в родстве, и присягатели могли быть родственниками, в таком случае они были вправе отказаться совсем от присяги и ответчику предоставлялось выбрать присягателей из посторонних людей.

Когда целому селению предлагалось очистить себя присягою, то от каждого дома приводили к присяге по одному совершеннолетнему жителю, который должен был поклясться, что его семейства невинно в том деле, которое рассматривалось.

Если ответчик по какому-либо делу очистит себя присягою, то истец не мог по этому же делу требовать очищения от другого лица. Тем не менее это не лишало его права, когда он собирал надлежащие доказательства, возобновить свой иск против прежнего ответчика при условии, что со его стороны присягателей было вдвое больше, чем у истца, которые выбирались из ближайших родственников: одна половина ответчиком, а другая – свидетелями(106). В спорных делах ответчик, если он не хотел очистить себя присягою, имел право предложить истцу и его родственникам присягнуть самими, в том, что жалоба истца справедлива. В "кровных" делах и в делах, связанных с воровством, этот адат не допускался. В таких делах применялась присяга выбранных истцом и ответчиком лиц. Дело решалось в пользу той или другой стороны, смотря по тому, сколько человек приняло присягу и в каком порядке они ее выполняли. Если же на предложение ответчика, истец отказывался от выполнения присяги, то он лишался права требовать очищения от ответчика и должен был представить свои доказательства(107).

До сих пор мы говорили о доказательствах. Теперь перейдем к описанию судопроизводства, как такового. Как указывал В.Пфаф, до

введения русских судов у осетин дело происходило следующим образом: "После предъявления истцом его жалобы следовали возражения со стороны обвинителя (истца). Затем поднимался обыкновенно шум. В спор тяжущихся вмешивались их родственники, которые были обыкновенно на суде. Судьи старались водворить некоторый порядок и выслушать все доводы. Затем, когда они составляют мнение о существе вопроса, они приступают к постановке условного приговора и определении штрафа, если виновная сторона не приведет достаточных доказательств в свое оправдание. Если при этом судьи не придут к единогласию, то они выбирают судью для разрешения спора между ними, так сказать судью второй ступени. Этот судья и должен определить, как размер пени, так и то, на кого – истца или ответчика падет бремя доказывания. Если по его мнению, виновен истец, то ответчик может доказать свою правоту очистительной присягой своей и своих родственников. Если же виновен, по мнению суда ответчик, то жалобщик может таким путем доказывать свою правоту(108).

От этого суда, являющегося непосредственно пережитком народоправства, значительно разнятся магометанские суды кадиев. Как во всяком теократическом учении в исламе право совершенно не отличалось от нравственности, а нравственность – от религии. Поэтому мусульманский судья являлся как бы блюстителем строгих правил веры и благочестия. А в "Хидая" подчеркивалось, что кадий должен был быть человеком честным, неопороченным, "обладающим полной способностью различения, самостоятельным, хорошо осведомленным в вере и в законодательстве и известным своей праведной жизнью"(109). Менее строгая школа Абуханифы, распространенная на Кавказе, считала эти требования не безусловными, а только желательными. "Если человек неправедный назначен будет кадием, то это законно, хотя советовать этого нельзя". Некоторые ставят условием, чтобы кадий был муштаид (ученый магометанской науки), однако по более авторитетному мнению такое лицо заслуживает предпочтения, но условие это не есть необходимое(110). И, действительно, не так-то легко было найти в горах ученого исламиста. Не всегда можно было найти и просто бескорыстного судью. По горской поговорке, ночь черна как совесть

кадия. Трудно было найти судью, удовлетворяющего всем требованиям шариата. Каждый должен стараться соблюдать равный этикет со всем тяжущимися, независимо от их положения в обществе и богатства. Кади должен отправлять свои обязанности или в мечети, или в ином публичном месте. Если кади судит у себя в доме, то вход к нему в это время должен быть открыт. Иначе говоря, элементарное требование правосудия – публичность, было усвоено судом кадия. Как указывал Н.Н. Фиолетов, "самая обстановка процесса, изображаемая в источниках, отличается простотой и в то же время в красочной форме отображает на себе черты восточно-патриархального быта и соответствующих ему отношений, напоминая в этом смысле характеристику суда в источниках древне-европейского права". Как в гражданском, так и в уголовном процессе судопроизводство носило явно выраженный состязательный характер. Здесь мы имеем несомненное единство процесса. Кади только оценивал представленные ему доказательства. Сам он не собирал улики, не возбуждал дела. Уголовное производство кадия соответствовало римскому "аккумуляционному процессу". Из этого принципа вытекала необходимость присутствия на суде обеих сторон, обвинителя и обвиняемого, что затрудняло истцу защищать свои права, поскольку ответчик мог уклоняться от явки в суд. В виду этого жизнь выработала некоторые искусственные приемы, дающие формальную возможность рассмотреть дело и в отсутствие ответчика.

После выслушивания требований истца кадий как истый мировой судья должен был стараться примирить его с ответчиком, проповедуя "схульх" и напоминая, что, по словам Корана, "мировое соглашение" ценится Пророком выше поста и милостыни". Тяжесть доказывания правоты иска лежала на истце. Доказательства были формальными. В магометанском праве они были подробно разработаны. В виду того, что не всегда легко было разобраться в различных источниках магометанского права и в различных их толкованиях, в сложных делах было принято обращаться к авторитету ученых правоведов, "муфтиев", которые приготавливали для клиентов справки, из относящихся к делу постановлений магометанского права и толкований его. Эти справки назывались "риворяты". После установления фактической стороны дела и выслушав мнение риворят, кадий

предлагал их на усмотрение состоящих при нем «аглямов», выносил свое решение. Часто эти "риворяты" имели решающее значение. Стороны сами оплачивали труды составителей риворята, то поэтому преимущество оказывалось у той стороны, которая могла затратить больше денег на оплату труда поставителей риворятов. Оплата кадиев производилась заинтересованными сторонами, на основании установившихся обычаев.

Судебный процесс, соответствующий догосударственной стадии общественного развития, уже не удовлетворял тех горцев, у которых была шамхальская, султанская и княжеская власть и были зачатки публичного расследования, вследствие чего классический суд кадиев претерпел некоторое изменение. Уже в комментариях мусульманского права можно найти отступление от начал частно-обвинительного процесса в уголовных делах. Так, например, считалось, что доказанные кражи или грабежи не могли оставаться безнаказанными, кроме случаев добровольного возвращения воров украденного. Мировая сделка по этим делам не допускалась. Различались два вида уголовной репрессии – наказание в собственном смысле "хад", мера которого была определена шариатом, и "таазир" – наказание, не предусмотренное шариатом, которое было своего рода исправительным воздействием. Слово "таазир" и означало запрещение или наставление. Данное наказание полагалось за проступки против добрых нравов. В комментариях магометанского права проводилось различие между преступлениями против чести и интересов частных лиц, "хак-куль-абд", и проступками против закона, хотя бы интересы частных лиц и не пострадали, "хак алла" (например, пьянство, неисполнение обрядов). Независимо от наличия или отсутствия жалобы, при подобных нарушениях мог налагаться таазир. Каждый почтенный магометанин мог быть обвинителем. Здесь мы наблюдаем нечто подобное тому, что происходило в древнем римском праве, где первоначальная форма процесса (*accusatio*), построенного на частном обвинении, в дальнейшем заменялось публичным преследованием. Это публичное преследование родилось из так называемого *actio popularis* – права каждого гражданина возбуждать обвинение по преступлениям, нарушающим общественный интерес и так же, как в древне-римском праве это *actio popularis* в магометанском праве

затем переходило к определенным должностным лицам. В целом, этот процесс в магометанском праве вообще и в горском праве, в частности, был очень далек от завершения.

Первоначально приговор был ничем иным, как мировым соглашением. Стороны присягою обеспечивали его исполнение. Одним из способов заставить стороны подчиниться приговору было предварительное, досудебное отбирание у них оружия, которое возвращалось проигравшей стороне только после того, как она подчинялась решению суда. Считалось позорным возвращаться домой без оружия. Таким образом, отобрание оружия имело двоякое значение – предупредить столкновение во время судебного разбирательства и заставить подчиниться судебному решению. Был и второй способ принудить подчиниться решению суда: поручительство. Еще до принятия судом постановления назначаемые сторонами поручители принимали на себя обязанность заставить тяжущихся строго соблюдать решение суда. В случае неисполнения взятой на себя обязанности, поручителю грозило бесчестие: он становился вне гражданского общества.

Позже, когда российская администрация учредила в Кабарде так называемые народные (адатские) горские суды, решения и приговоры стали выполняться властью. Ранее, когда судебные решения были как бы примирительными соглашениями, недовольная сторона могла передать дело суду новых посредников, которых она считала более знающими и беспристрастными. Среди горцев нередко были случаи личного мщения посредникам за установленный им приговор.

Согласно кабардинским адатам существовали следующие наказания виновного. 1) Изгнание виновного из пределов его местожительства, причем пострадавший, или его родственники имели право убить обидчика, если его встретят, или помириться с ним на известных условиях. Эта угроза быть убитым распространялась не только на виновника, но и на его родственников, которые считались солидарно-ответственными вместе с главным виновником. 2) Изгнание виновного на определенное время, причем потерпевший не имел права убивать виновного. После истечения указанного времени преступник прежде всего должен был примириться с родом обиженного и затем мог возвратиться домой. 3) Имущественное вознаграждение потерпевшему – за бесчестие, ранение и воровство. 4) Денежный штраф в пользу судей

и на аульные нужды (починку мостов, дорог и т.д.). Последнее наказание являлось дополнительным при всех трех ранее перечисленных.

При родовом строе обязанность кровной мести возлагалась на членов обиженного рода. Но за некоторые преступления, как например, сожжение моста, бегство женщины от мужа, убийство кровника после того, как с ним состоялось примирение, виновные считались врагами всего общества. Они становились абреками, т.е. тем, что у древних славян называлась изгоями. Они были вынуждены скрываться в горах и всякий, кроме членов того дома, куда они являлись в качестве гостей, мог их убить. Такие лица не получали защиту даже от своего рода. Родственники должны были убивать тех, кто вел явно непотребный образ жизни, например, педеристов, скотоложцев и т.д. Считалось, что они позорили весь род. Если его собственный род не убивал такого человека, то над ним и его родом насмехались.

Таким образом, у горцев мы видим сложную систему отношений, сформировавшуюся в результате наслоения разных влияний и вызванную разными хозяйственно-бытовыми потребностями. 1) Внутрисемейную, или вернее внутриродовую организацию со своими нормами и санкциями. 2) Междуродовые отношения и междуродовые нормы, санкцией которых являлась кровная месть. 3) Общемагометанское шариатское право, которое основывалось на идее единства всех правоверных. По шариату рассматривались такие дела, как купля-продажа земли, дома, брачные дела, дела о наследстве, прелюбодеяние. По адату разбирались убийства, похищение, воровство. Адатские судьи были в каждом селении и они использовали такие виды наказания как выселение из родины, штрафы. 4) Новое частное и публичное право, которое поддерживалось царской Россией в целях осуществления руссификаторской политики и борьбы против многих пережитков родового строя и шариата, организовавшей особые горские суды.

Мы видим, что адаты, бывшие первоначально обычаями, сложившимися в первобытно-общинном строе, которые были санкционированы силой общественного мнения сородичей и силой рода по отношению к другим родовым союзам. Позже, по мере того как роды распадалась на патронимии и задруги и стали сословными

корпорациями, горские адаты превратились в юридические нормы, защищающие интересы привилегированных классов. Превращение родовых норм в юридические есть одно из проявлений превращения родового общества в классовое и теснейшим образом связано с постепенным образованием органов государственной власти. В этнографической и историко-правовой литературе вообще и в кавказоведческой, в частности, много раз указывалось на то, что из обычаев почитания старейшин складывались нормы, регулирующие взаимоотношения между управляющими и управляемыми, как из трудовой заимки отдельными семьями, не находившимися до тех пор в пользовании участков, возникло семейное землевладение. Гораздо меньше разработан вопрос о том, как из междуродовых норм возникали юридические положения.

Примечания

1. Ладыженский А.М. О методах изучения обычного права кавказских горцев // Бюллетень Северо-Кавказского Бюро Краеведения, 1927, Кн. 1-6; Его же. Обычное семейное право черкесов // Новый Восток. 1928. Кн.22; Его же. К вопросу об изучении обычного права, Северный Кавказ // Бюллетень Бюро Краеведения, 1936, N3.
2. Комаров Л.В. Адаты и судопроизводство по ним. // ССКГ. 1868, Вып.1. С.10.
3. Adolf Dirr. Aus dem Gewohnheitsrecht der Kaukasischen Bergvolker\ Zeitschrift fur Vergleichen de Rechtswissenschaft, 1925, Bd.41.
4. Еще в конце XVIII в. горцы были полукочевыми. Хотя они и жили в аулах, но эти аулы постоянно переносились с места на место, как это указывал J.G. Georgi, Beschereidung aller nationen, S.P.B. 1776.
5. Б. Торнау в своем "Мусульманское право", Спб, 1866 пишет: "Право наследства составляет в мусульманском законоведении особенно важный отдел. Законоведы обработали право это в такой подробности, что некоторые из них считают учение о правах наследства особою наукою - Ильм-уль-Фероиз". При этом он ссылается на Хемил Ибне Исхака (перевод Перрона, т.6, С.332) - Пророк сказал: "Изучайте раздел наследства, - в этом заключается половина знания

права". Даже кочующие тухмены, не знающие еще индивидуальной собственности, при разрешении своих наследственных споров руководствуются шариатом. См. Фарфоровский С.В. Народные юридические обычаи туркмен Ставропольской губернии // Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии. Ставрополь, 1910, Вып.2

6. Согласно примеч. к статье 1256 Устава Уголовного судопроизводства" ведению горских словесных судов Терской области подлежат дела между горцами 1) о нанесении ран, увечья и смерти в ссоре или драке, начавшихся без всякого намерения совершить убийство или причинить увечье и рану, 2) о нарушении пределов необходимой личной обороны, 3) о краже со взломом и краже при оружии, если цена похищенного не превышает 300 руб., и, если кража совершение в первый, или во второй раз и 4) о похищении женщин.

7. Сведения о кавказских горцах Владикавказского округа и об адатах или суде их по обычаям 1844 г. Этот суд очень похож на суд других народов, например, ирландцев, бриттов, галлов, находившихся на той же ступени развития.

8. Старики осетины рассказывали мне в Мамисоне, что до завоевания Кавказа русскими обиженная сторона выбирала на одного судью больше, чем обидчик. У черкес суд называется хоссом, у кабардинцев и кумыков - мехтемой, у балкарцев и карачаевцев - пешта, у дигорцев - нагиш, у осетин - тархон, у чеченцев - тюрком.

9. "Кавказский горец с хвастливостью рассказывает о своих хищничествах за пределами своего общества, он никогда не упоминает про свои воровские дела, совершаемые им в пределах оногo, а тем более того аула, в котором он живет, потому что воровство между одноаульцами и единомышленниками непозволительно" (Лентович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного или Восточного Кавказа. Вып.2. "Адаты осетин, чеченцев и кумыков" Одесса, 1883, С.262, 226)

10. Адаты Даргинских обществ//ССКГ, 1873, Вып.7.

11. Алибеков М., Бейбулатов Т.Б. Адаты кумыков //Дагестанский сборник. Махачкала, 1927, Т.3. С.75.

12. Гроссе Э. Форма семьи и форма хозяйства. М., 1898.

13. Толстов С.П. Проблема родового общества//Советская этнография, 1931, N3-4, С.101.

14. Никитский А.И. Очерках внутренней истории Пскова. М., 1935.
15. Ванетти З. Индивидуализм и коллективизм в родовом быту осетин (общественный строй Осетии) //Известия осетинского Института краеведения, Орджоникидзе, 1926, Вып.2, С. 387-438.
16. Но старший отнюдь не является каким-то самодержцем, подобно древнеримскому *parti familiae*, как ошибочно утверждал директор Тифлисской гимназии А.Лилов (Лилов А. Очерк быта кавказских горцев // СМОПК, 1892. Вып. 14, С.5.
17. Так, например, Н.А.Рожков совершенно неправильно считает, будто отличительным признаком патриархального рода является неограниченная власть главы родового союза над членами рода.
18. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890, Т.2. С.153.
19. Зелинский С.П. Народно-юридические обычаи у армян Закавказского края. //Известия Кавказского отдела Русского Географического общества, СПб, 1899, Т.12, Вып.3. С.173.
20. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. М., 1886, Т.1, С.146.
21. Торосьян Х.А. Армянский Судебник Мхитара Гоша. М., 1941, Т.2, С.107,416. (рукопись).
22. Там же. С.215
23. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских...Вып.2. С.113.
24. Якубовский А. Очерки истории улуса Джучи в период сложения и расцвета его " Золотой Орды". М., 1937, С.91.
25. Дьячков-Тарасов А. Заметки о Карачае и карачаевцах // СМОПК. 1894, Вып.20.
26. Это подтверждается тем, что у кабардинцев и дагестанцев калым не платится, если взамен выдаваемой замуж женщины семья получает от жениха и его родных другую.
27. Танаевский В. Покупка жены //журнал "Вятская жизнь", 1923, N 5-6.
28. Зибер Н.И. Собрание сочинений. Т.2. "Право и политическая экономия". СПб, 1900, С.214.
29. Гершельман Э. Обычный уклад семейных отношении у Алтай-кижи // Революция и горец., 1929, N 4, С. 135.

30. Петухов А. Н. Юридический критерий наказуемости "кальма" //Еженедельник Советской юстиции. М., 1928, N32.
31. Шигаев И. Дополнение УК РСФСР главой X – о преступлениях, составляющих пережитки родового быта // Еженедельник советской юстиции. М., 1928, N 15.
32. Петухов А. Н. Юридический...
33. Иванюков И., М.М.Ковалевский. В Сванетии // Вестник Европы, СПб, 1886, Т.5, Кн.9.
34. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских... Вып.1. Адаты черкес бывшей Черноморской линии. Адаты черкес Кубанской области. Адаты горцев Терской области. Одесса, 1882.
35. Умар Алиев. Кара-Халк. Очерк исторического развития горцев Северного Кавказа. Ростов на Дону, 1927.
36. Пост А.Г. Зачатки государственных и правовых отношений. Очерки по всеобщей сравнительной истории права. М., 1901, С.217
37. Макалатия С.И. Из старого народного быта// Советская этнография, 1938, С.98.
38. Дарест де-ла-Шаван Р. Исследования по истории права. М., 1901, С.189-190.
39. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890, Т.1, С.11-17.
40. Косвен М.О. Аталычество.// Советская этнография, 1935, N 2, С.42-68.
41. Ковалевский М.М., Миллер В.Ф. В Горских обществах Кабарды //Вестник Европы, СПб., 1884, Т.2.Кн.3-4, С. 571.
42. Грабовский Н.Ф. Очерк суда... С.32.
43. Кокиев Г.А. К вопросу об аталычестве .// Революция и горец, 1919, N3.
44. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа. // Кавказский сборник. Тифлис, Т.21, 1900.
45. Дарест Р. Исследования.. С. 109.
46. Торосьян Х.А. Армянский Судебник...Ч.2, С.288.
47. Дмитриев Т.Н. Переход через Рокский и Мамисонский перевалы.// ССКГ, 1894, Т.20.
48. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских... В.2. С.31.
49. Торнау Б. Мусульманское... С. 148-149.

50. Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени.// ССКГ, 1870, Вып. 3, С.21.
51. Ананьев Г. Караногайцы, их быт и образ жизни.// СОМПК. 1894, Т.20.
52. Записи этих обычаев сделали для нас учитель аула Кабардино-балкарской автономной СССР Талиб Кашежев и учитель аула Тахтамукай Адыгейской автономной области Паранук Керим.
53. Ковалевский М.М. Закон...С.212.
54. Он же. Современный....Т.1, с.191.
55. Adolf Dirr. Aus dem Gewohnheitsrecht der Kaukasischen Bergvolker\\ Zeitschrift fur Vergleichen de Rechtswissenschaft, 1925, Bd.41.
56. Леонтович Ф.И., Адаты кавказских... Вып.2. с.115.
57. Леонтович Ф.И. там же. с.231.
58. Торнау В. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб., 1850, С. 465.
59. Ермоленко М. Выход молодой женщины кабардинки по воду в первый раз после замужества //Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии. Ставрополь, 1913, Вып.5, С. 5.
60. см. подробнее ст. Ладыженский А.М. Обычное семейное право черкес.// Новый Восток, 1928, кн.22.
61. см.подробнее ст. Ладыженского А.М. Обычное семейное право черкес...
62. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских... Вып..2,С.274-275.
63. Зелинский С.П. Народно-юридические... С.69.
64. Пост А.Г.. Зачатки... С.217.
65. Дигуров К. Национальнополитика в области судебного строительства //Еженедельник советской юстиции. М., 1928, №6.
66. Адаты Даргинских обществ, С.11.
67. Алибеков М., Бейбулатов Т.Б. Адаты кумыков// Дагестанский сборник. Махачкала. 1927, Т.3. С.75.
68. Сталь К.Ф. Этнографический... С.166.
69. Боас Ф. Ум первобытного человека. М., 1926.
70. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизма. М., 1924, с.147-148.

71. Steinmetz. Reise durch die Hochlander. Ein Vorstoss in die Nordala Alpen, S.35, ff.
72. Авторские материалы экспедиции, 1928, информаторы - Бабу Зангиев и Кайтуко Бесолов.
73. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб, 1975. С.109 -110.
74. Тан-Богораз В.Г. К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений //Этнография, 1930, N1-2, с.46.
75. Тейлор Э. Антропология (введение к изучению неловка и цивилизации). СПб, 1908,0.410-411.
76. Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана.// ССКГ, 1873, Вып.7, С. 38.
77. Там же.
78. Адаты Даргинских... С.85.
79. Пост А.Г. Зачатки... С.168-169.
80. Русская Правда. Ред В.Д.Греков. М.-Л., 1940, С.26.
81. Сборник законов грузинского царя Вахтанга. ред. Френкель и Бокрадзе Д.З. Тифлис. 1887. То же самое.// Юридическое обозрение Кавказа, 1886.
82. Ковалевский М.М. Современный...М.,1886, Т.2,с.60-61.
83. Алибеков М., Бейбулатов Т.Б. Адаты...
84. Вияснівський А. Про хевсуров.//Східній світ. кн.3., С.157.
85. Комаров Л.В. Адаты...С.86.
86. Ковалевский М.М. Закон.Т.1, С.70.
87. Лентович Ф.И. Адаты кавказских... Вып.1.С.134.
88. Леонтович Ф.И. Там же. 1852,С.18-19.
89. Сборник адатов Шамхальства Тарковского и ханства Махтулинского. Рукопись хранится в Горском институте (фонд абадзехского князя Ширвашидзе) .
90. В таком именно смысле понимает термин "барамта" и статья 200 в главе X Уголовного Кодекса РСФСР, гласящая: "самовольное взятие скота или другого имущества (барамта) без присвоения его, исключительно с целью принудить потерпевшего или его родичей дать удовлетворение за нанесенную обиду, или вознаградить за причиненный имущественный ущерб карается исправительно-трудовыми работами на срок до шести месяцев или штрафом до пятисот рублей.

То же действие при наличии вооруженности – лишение свободы на срок до одного года. То же действие, совершенное группой сородичей, в отношении организаторов, подстрекателей и руководителей – лишение свободы на срок до трех лет. Для остальных участников – лишение свободы на срок до одного года".

91. В связи с вышесказанным становится понятной возникшая в 1920-х гг. ситуация, когда в "Еженедельнике Советской юстиции" было напечатано разъяснение Пленума Верховного суда, что кража скота в скотоводческом хозяйстве должна рассматриваться, как простая кража, то со стороны работников с мест посыпались возражения. Они указывали, что население не будет удовлетворено этим и начнутся самосуды.

92. Комаров Л.В. Адаты...

93. Сборник адатов Шамхальства...

94. Покровский М.Н. Очерки истории русской культуры. Пг, 1923, Ч.1-2.

95. Комаров Л.В. Адаты...

96. Пфаф В. Народное право у осетин.// ССК. 1871. Т.1, С.213, 218,219.

97. Хидая. Комментарии мусульманского права. ред. Н.И.Гродеков. Т.1- 4. Ташкент, 1893.

98. Шанаев Дж. Присяга по обычному праву к осетин.// ССКГ. 1873, Т.7, С.20.

99. Гакстгаузен А. Закавказский край, путевые впечатления и воспоминания. СПб, 1857, 4.1-2. 0.110;

100. Шанаев Дж.Присяга... Вып.7, 0.20.

101. Ковалевский М.М. Закон... Т.2, С.95.

102. Сборник законов грузинского.... С.5.

103. Grimm. Rechtsalterthumer. С.910

104. Адаты Южно-Дагестанских обществ // ССКГ, 1875, Вып.8.

105. Алборов Ч. Присяга ингушей.// Сборник сведений о Терской области, Владикавказ, 1878, Т.1. С.280-283.

106. Грабовский Н.Ф. Очерк суда..

107. Пфаф В. Народное...С.214.

108. Хидая....

109. Хидая... Т2, Кн.ХХ, С.373-374.

ГЛАВА II

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ, ВОЗНИКНОВЕНИЕ КЛАССОВ И ЗАРОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФОРМ У КАВКАЗСКИХ ГОРЦЕВ

До сих пор исследователи так называемой "социальной эмбриологии" и юридической археологии" кавказских горцев занимались главным образом пережитками догосударственных форм общественной жизни, родового строя, кровной мести, матриархата и т.д. Но быт и нравы народов, населяющих пространство между Каспийским и Черным морями, могут послужить ценным материалом и для выяснения вопроса о том, каким образом первобытно - общинный строй заменялся государственным, как складывался феодализм, как создавалась отличная от общественной и противопоставляемая ей княжеская власть. Изучая адаты означенных народов, мы можем выяснить каким образом происходило классовое расслоение и возникали привилегированные сословия.

Как будто специально для юриста и этнографа подобран материал на Северном Кавказе, чтобы проследить все главные ступени, все основные виды зарождения государственной власти, о которых говорит учение о развитии общественных формаций. Переходя от осетин к чеченцам, от чеченцев к кумыкам, от кумыков к адыгам, мы как бы поднимаемся по этим ступеням от родовой организации до государственной. К моменту завоевания Россией осетин, мы видим, что у них родовой строй не содержал никаких общественных признаков зарождения в нем государственности. Только в среде некоторых осетинских обществ, как например, Дигорского и Тагаурского, образовалось высшее "благородное" сословие алдаров и баделят, которые, однако, не получили еще никаких существенных преимуществ перед остальным населением. Как указывает Г.А. Кокиев, "осетинские феодалы в разных районах были известны под разными названиями. В Тапандигорском и Уаллагском районах назывались "баделятами", в Стурдигорском - "таргасат", в Донифарском и Лестгорском - "гагаут" и, наконец, в Куртатинском и Тагаурском - "тагиат" или "алдар" (1). О фамилиях феодалов восточно-осетинских районов - Алагирского,

Куртатинского и Тагаурского, для ранней эпохи осетинской истории нет определенных сведений. Отчасти объясняется это тем, что в восточных районах Осетии феодализм не достиг той зрелости, какой он в эту пору уже достиг в западной Осетии. По статистическим данным XIX в. баделят было всего 29 дворов, или 109 душ мужского пола, паргасат – 26 дворов и гагаут – 9 дворов. Зависимые сословия делились: 1) на хекесов – крестьян, переселившихся из Алагирского ущелья. Они пользовались личной независимостью, но за аренду земли должны были платить баделятам натурой и работой. При переходе от одного земледельца к другому они оставляли все строения собственнику земли. Хекесы могли иметь рабов. 2) на адамикатов или уездонцов, которых также было очень немного. Они давали при выходе замуж дочери земледельца одного быка истцу невесты, а в праздники они обязаны были дать феодалу определенное количество араки (самогона). В случае, если адамикат резал свой скот, то часть мяса отдавалась феодалу. Адмикаты несли также и некоторые личные обязанности: сопровождали феодалов во время поездок, причем ехали обязательно с левой стороны, убирали коней феодала и его гостей и т.д. Адамикат также мог свободно переходить от одного землевладельца к другому и иметь своих рабов. Следующую ступень социальной лестницы занимали кумаияги, или кавдосарды, рожденные от купленных феодалами женщин, обычно дети своих баделят. Продавать их баделят не имел права. Наоборот, они сами могли иметь рабов. Словом, это были холопы баделята, находившиеся у него не в собственности, а в пожизненном владении. Последнюю категорию составляли гурдзиаки (пленные грузины) и кесоги (пленные черкесы), являющиеся рабами. В других же обществах, как в Алагирском, Мамисонском и Южно – осетинском можно было наблюдать даже первобытный демократизм и только зачатки сословного деления.

Относительно зарождения сословий в Осетии мы имеем очень интересные данные, представленные Коста Хетагуровым, который подробно описывает, как происходил распад и дифференциация первобытно-общинного строя в родной ему Нарской котловине и как выдвинулся род его предка Хетага(2). Прежде всего автор подчеркивал, что в Нарской долине классовое образование проходило в совершенно изолированном от остального мира виде и поэтому не было

осложнено посторонним влияниями. Поэтому, как мы указывали выше, происходившие в кавказских ущельях социальные процессы изучать особенно любопытно. До проведения в 1850-х г. Военно-осетинской дороги, указывал К. Хетагуров, верховья Алагарского ущелья и Нарекая котловина, замкнутая высочайшими снеговыми вершинами гор Адай-Хох, Зикара, Тепла и их отрогами, оставалась совершенно изолированной от остального мира. Жители Нарской котловины имели полную возможность избежать общения с соседями и вследствие этого в продолжении длинного ряда поколений сохранять свою независимость извне, а с нею и свою самобытность во всей неприкосновенности. Котловина была населена несколькими родами. Каждый аул состоял из членов одного какого-либо из них. По мере разрастания и распада родового союза от него отделялись новые фамилии, селившиеся по близости от главного аула данного клана.

Процесс распада (разукрупнения) родовых объединений на Кавказе очень интересно сравнить с аналогичным процессом в Черногории, где долго сохранялись пережитки родового строя. Ф. Демелич дает картину дробления родов очень сходную с той, которую мы наблюдали на Кавказе. Родовой союз распадался на "великие кучи" – разукрупненные родовые объединения. Число членов такой домашней общины достигает 70-человек. Имущество принадлежало всем членам, оно считалось общей родовой собственностью "баштиной", "дединой" всей "великой кучи", и не могло быть продано без общего согласия. Такая составная семья, являющаяся маленьким родом, в свою очередь распадалась на более мелкие домашние общины. Этот распад совершался постепенно. Выделенные братья помнили свою родовую связь и после раздела продолжали сообща владеть той долей родового имущества, которая оставалась неподеленной. Такие разделившиеся задруги составляли "братства". Число "братственников" достигало 700-800 человек. Во главе подобного братства стоял "воевода". Братство на праве общей собственности имело выгон для скота, общее кладбище, церковь, мельницу. Жениться на "братственнице" было нельзя. Каждое братство сохраняло память об общем родоначальнике и называлось по его имени. Например, потомки ковача назывались Ковачивичами. По мере своего разрастания эти братства делились на новые получающие добавочные прозвища по имени своих

родоначальников – Янковичей, Милутиновичей и т.д. и потому к фамилии Ковачивичей прибавлялось добавочная Янковичей. Таким образом, мы видим, что процесс дробления родов был очень сложным и постепенным. Нельзя думать, что роды просто распались на отдельные семьи и классовая дифференциация происходила между этими семьями. Она происходила между разукрупненными родами, "великими кучами" и "братствами" (3).

Но возвратимся к осетинам. "Родственная близость жителей разных селений, – отмечал К.Хетагуров, в громадном большинстве совершенно соответствует взаимному расположению и близости их к старейшему родовому поселению". Это последнее отличалось своими башнями. Постройки в 3-4 этажа, а тем более башни в 6-7 ярусов принадлежали многочисленному и богатому роду. Хозяева таких замков, естественно, пользовались наибольшим влиянием и почетом. Переходя от поколения к поколению, это предпочтение сильного и богатого слабому и бедному, конечно, должно было здесь создать ту рознь, которую многие приписывали чужеземному происхождению. Селение Нар с окружающими его родственными отселками многие столетия служило законодательным центром и охраной народных традиций не только для Нарской котловины, но и для многих примыкающих к ней южных и северных ущелий. Таким образом, род Хетагов, образовавший это селение стал зачатком государственной власти. Другой стороной этого расслоения общества первоначально путем дифференциации родов, а затем отдельных патронимии и задруг, крупных составных семей, на которые распадался род было образование сословий. При этом зародыши сословий были следующие. 1) "Стыр" или "тыхджын мыггаг" ("большой, сильный род"). Первоначально слово "стыр" обозначало чисто фактическое положение, а затем оно получало признание в сознании населения. 2) В феодально зависимом положении от "тыхджын мыггаг" находились "фарсаги" ("находящийся сбоку, живущий около, действующий заодно"). Фарсагами были задруги и кланы, поселившиеся под защитой стыров, по спросу у них, на их земле... Это были то, что в древнем Риме назывались "клиенты". 3) Далее идут крепостные кавдасары. 4) И наконец, рабы – алхад, садляг, т.е. "купленный, черный мужчина".

К.Хетагуров дал подробную характеристику этих сословий.

"Стыр". Члены такой фамилии будучи более обеспечены материально, одевались чище и богаче, располагали лучшим вооружением, пользовались в народе почетом. К ним обращались за советом, их приглашали судить и примирять враждующих. Поручительство их было надежно, покровительство прочно, ссориться с ними было опасно. Лучшие нивы, леса, луга и пастбища принадлежали им. Поселения их были неприступны, башни "литые" – из тесанного камня, на известковом цементе. В набегах за перевалами главную и руководящую силу составляли они. При дележе добычи львиная доля доставалась им. Кровь их ценилась выше иной, калым за их девушек достигал высшего предела.

"Фарсаги". Наоборот, роды фарсагов были малочисленнее и беднее. Общее число фарсагов составляло громадное большинство населения. Поселения их не имели боевого расположения. Как по количеству, так и по качеству их земельная собственность далеко уступала владениям сильных. Тем не менее эти слабые роды были "подпоркой" сильных. "Чем больше было, – указывал К.Хетагуров, у сильного рода покровительствуемых фарсагов и чем установившиеся между ними отношения были теснее, тем все они были лучше обеспечены от произвола и насилия других сильных фамилий, а также посягательств на их независимость и имущество их из-за перевалов...". Таким образом, К.Хетагуров, указал, что знать произошла из междуродовой борьбы. Первыми органами, из которых развивались органы государственной власти, явились родовые органы этих сильных родов. Итак, в Осетии мы видим зарождение сословий. В действительности, у осетин было не государство, а как указывал В.Д.Греков, так называемая военная демократия, представляющая собой переходную ступень от родового строя к государственному (4). Эти военные, по преимуществу организации представляли собою переходное явление от родового общественного устройства к государственному и названы Ф. Энгельсом "военной демократией". Военной – потому, что эта организация существовала для целей войны, демократией – потому, что это вооруженный народ, управлявшийся своим народным собранием, советом вождей и высшим военным начальником, не знавший еще власти, отделенной от народа и

тем более ему противопоставляемой. Военная демократия развивалась из родовых отношений, но эта уже была не родовая организация.

В данной монографии мы постараемся предварительно наметить основные черты зарождения и развития государственных форм на Северном Кавказе. Мы ограничимся основными проблемами, выясним главные тенденции, строго руководствуясь имеющимся материалом. Государство возникает только при создании антагонистических классов. Зарождение социальной и, в частности, государственной власти надо отличать от зарождения власти вообще. Власть – явление более старое не только чем государство, но и чем человечество. Как указывал А.Золотарев, "первобытное общество многочисленными историческими нитями связано со стадной общественностью животных. Если бы животные, предки человека, не выработали на протяжении многих миллионов лет эволюционного развития известные рефлексy стадного общежития, не могло бы возникнуть человеческое общество" (5) .

У кавказских народов мы встречаем предводителей в борьбе с другими племенами, которые получали власть в силу своих личных качеств во время борьбы против царской России. Ни физической силой, ни волей к власти при пассивности других нельзя объяснить происхождение государственной власти, как таковой. Личные качества властвующих и психология подчиненных могли иметь значение только для захвата власти тем или иным лицом, т.е. для того, что в древности у нас называли "добывание стола". Самое же создание государства, самое образование "стола" надо обосновывать не из личных свойств тех или иных правителей, а из классового расслоения общества, из необходимости высшим классам защищать свои привилегии перед низшим. А.В.Фадеев отмечал, что «уже в родовой коммуне был налицо зародыш будущего неравенства, выраставшего на основе разрыва между трудом и собственностью» (6) .

З.Ванети подчеркивал, что "истинный источник первоначального происхождения знатных родов лежит в экономическом и физическом преобладании рода, дающем возможность поставить в известную экономическую зависимость от себя особенно слабые физически и экономически элементы, которые и дают происхождение "черным" родам". Даже в XX в. башня, оплот физической силы рода, владеющего

тем или иным земельным участком, считалась горцами основанием для утверждения своих прав на этот участок. Так, ингушские фамилии Эгиевых, Таргимхоевых и Хемхоевых в своем прошении наместнику на Кавказе приводили в доказательство принадлежности им опрежеденных земель тот факт, что на их предками на этих участках были построены 15 башен под названием "Ко-Кале", т.е. "трехбашенные" (7). Низшие роды, как хорошо показал З.Ванети, происходили в Осетии от так называемых "чужеродцев", т.е. от людей, которые пришли, когда земли уже были захвачены. Положение этих последних по отношению к благородным родам, главным образом, обуславливалось той экономической зависимостью, в которой чужеродец и его потомки находились от принявшего их рода, обладавшего известным земельным достатком. Земли, которые занимали сословные общества Осетии оказались захваченными несколькими основными знатными родами, которые образовали высшее сословие алдаров. С разрешения этих родов здесь стали жить и другие пришлые люди. Поселяясь на земле алдаров и получив ее в наследственное пользование, эти люди, фарсалаги, становились в зависимое от алдаров положение, что выражалось в обязанности нести известные повинности и ежегодно уплачивать натуральные сборы. То, что зависимые сословия образовались из людей, селившихся на земле, ранее занятой более сильными родами, или влиятельными лицами, можно вывести из данных, приводимых С.А.Авалиани (8). Он указывал, что "сами чагары Андреевского участка показали, что их предки прибыли в Кумыкскую плоскость из разных мест Кабарды, Тавлии, Ногайских степей, некоторые добровольно, другие выбегали по причине каких-либо неудовольствий. Аксаевские чагары утверждали, что откуда и куда первоначально пришли их предки они не знают, что им известно, по преданиям, что предки их принадлежали к сословию вольных людей, а не холопов. Чагары князей Каплановских прибавили, что предки их прибыли из разных мест и племен, и если они называются каплановскими, то только потому, что живут на их земле. Таким образом, сословие чагаров образовалось в давнее время из разных выходцев на Кумыкскую плоскость, искавших покровительства сильных и влиятельных людей, которые и поселили этих выходцев на свои земли; они же представили этим выходцам на определенных

условиях свои земли и поселенцы таким образом попали добровольно в некоторое зависимое положение; впоследствии к этим поселенцам присоединились семейства холопов. За пользование землями "чагары" платили ясак или отбывали условленные повинности". В.П. Христианович описывал как род Цуров, выселившись из Джайрыха, занял пастбища Вешнячоч, основав общину Озьмии; как позднее пришедший род Архиевых, основавших Фуртауг, до самой Октябрьской революции мог пользоваться сенокосными участками только с разрешения Цуровых, уплачивая сеном за право косьбы(9).

На различное социально-экономическое значение отдельных ингушских родов указывал Е.И.Крупное:" В XIV-XVII вв. в обстановке участвовавших родоплеменных столкновений происходит обособление более мощных родовых групп и дробление их на множество фамилий - "неков"(10). Так, например, род Гу, хотя и добровольно переселился на территорию рода Салгиевых, тем не менее считался "леем", т.е. крепостным последних. Упоминанием о богатых и бедных родах пестрят предания этого времени. Очень рано выделилась мощная племенная группа родов на Галгаче (Галгаи), занимавшая центральное место в Горной Ингушетии, богатое отличными пастбищами и пахотными участками. Владея входом в ущелье, галгаи брали дань со всех проезжающих и прогоняющих скот через их земли. Постепенно в силу социально-экономической значимости галгаев их имя было перенесено на другие (привилегированные) группы родов. За убийство галгая платили большее количество скота, чем, например, за убийство фяппинца(11).

Описанный процесс, когда высшие сословия часто образовывались из сильных родов, поставивших в зависимость от себя роды менее зажиточные и мощные в военном отношении можно видеть и в истории античного общества. В Риме различались *gentes maiores*- высшие, более знатные роды *gentes minores* - меньшие, экономически и физически менее мощные роды. Патриции входили в *gentes maiores*, а плебеи - в *gentes minores*. По воззрению патрициев плебеи вообще не имели родов. Несомненно, у плебеев родовой строй разложился раньше, чем у патрициев. Поэтому можно сказать, что высшие сословия образовались не столько в результате разложения родового строя, сколько в результате его сохранения: высшими сословиями

стали те группы населения, у которых родовой строй сохранился и которые поэтому смогли подчинить себе разрозненное население, людей не сплоченных в родовые организации. Это же можно наблюдать и в Греции. Низший слой древнегреческого населения, феты, были людьми, не получавшими, согласно указанию Гомера, защиты со стороны родовых союзов. Поэтому они превращались в людей зависимых, полусвободных.

По мнению Е.И.Крупнова, у ингушей роды были зачатками классов, а междуродовые нормы поведения (обычай) – зачатками правовых норм, т.е. неодинаковые размеры выкупа за кровь в отношении членов разных родов – сословий. Междуродовые нормы ингушей очень напоминают статьи "Русской правды" или законы грузинского царя Вахтанга VI. Сказанное в полной мере относится и к Осетии, где подчиненные сословия возникли из зависимых родов, а право – из родовых норм. Любопытно, что самое слово "фарсаг-лаги" по осетински значит "пришлый", точнее даже сторонний "вопрошающий" человек. Фарсаглаг – это тот, который пришел уже после того, как земля была занята. З.Ванети указывал, что в описанных обществах имелись элементы, из которых образовывался феодальный строй: алдары – верховное феодальное сословие, фарсаглаги – на положении приблизительно вассалов.

Само название высших сословий у кавказских горцев, а именно: "алдар" у осетин, "тлехотлеш" ("сильнородец") у кабардинцев, "варгал" ("подходящий, удачливый") у сванов, указывали на происхождение сословий из междуродовой борьбы. Грузинские феодалы, "азнауры", именовались так от слова "ази" – род. Как указывает В.И.Сергеевич, древнейшее значение слова князь происходит от названия начальника (старшины) рода. Князь был главой сильного и богатого родового союза, подчинившегося себе другие родовые союзы. Так же точно понятие "kuning" (король) произошло от слова kunī – род. Kuning был первоначально старейшиной наиболее влиятельного родового союза. У грузин царь также назывался "мамосохлиси", т.е. родовой старейшина. Таким родовым старейшиной первоначально являлся и древнегреческий базилей. Армянское название феодалов-военноначальников "нахарк" доказывало их происхождение из родового

строю. Н.Адонц считал, что при Аршакидах в Армении было 1200 родовых объединений или "комархий", которые постепенно превратились в 120 "стратегий" или префектур. Такие стратегии простирались до Каспия и Грузии, к ним относились и кавказские родовые союзы(12). А.Г. Сукиасян утверждал, что при нахарарском строе в Киликии каждое княжество являлось собственностью княжеского "туна", рода, во главе которого стоял "танутер" или "нахарар". "Танутер" и "тер", как отмечали М.Джавахов и Я.Н. Манандян, относились еще к родовым институтам. "Нахапет" по парфянски означал глава рода. Вышеприведенные примеры показывают, что сословно - классовая дифференциация в значительной степени произошла из междуродовой борьбы, из дифференциации между родами, а органы государственной власти произошли из органов родовой власти. В древности право занимать царские и другие высшие должности являлось родовым правом. В древней Армении, как указывал Я.А.Манадьян, "власть азарапетов или "тысячников", на которых была возложена обязанность управления делами крестьян шинакананов и заведование государственными податями, принадлежала роду Гнуниев. Начальство над царской гвардии и охрана царя составляли право рода Хорхуриниев, а заведование сокровищами, укреплениями и поместьями Аршакидов и надзор за царским гаремом составляли привилегию нахарарского рода Мардпетов"(13).

То, что органы государственной власти выросли из органов родовой власти, что родовые и междуродовые обычаи являются зачатками правовых норм, а сами роды зачатками классов может быть подтверждено фактами из общественного развития разных народов. Так, государство туркмен, было достаточно развитым и сложно дифференцированным рабовладельческим обществом, облеченным в традиционно родоплеменные одежды. За исключением рабов, в собственном смысле слова, все остальные классовые группы, своеобразные касты, оформлялись в виде "родовых подразделений" и ознакомление с туркменскими генеалогиями сразу же заставляют видеть в них документ классовой идеологии, основной задачей которой является фиксировать и осветить "родовой" традицией неравенство родов, возникшие классовые деления. Отдельные роды и племена, происшедшие от родов-клиентов, противопоставлялись в этих

генеалогиях родам и племенам, происшедшим от героев-эпонимов, мифических ханов и беков: Огуз-хана, Сауз-казана (14). Генеалогические древнеевропейские легенды также фиксировали неравенство родов, превратившихся в своеобразные касты, особенно левиты, точная копия туркменских "эвляд", наряду с которыми выступали "рабские" роды, соответствующие родам "кули" и "лесы" у туркмен и дагестанцев. Собственно говоря, основной задачей всех громоздких библейских генеалогий и является фиксация этого неравенства. Любопытно, что у туркмен каждый род занимает место у шатра хана или у скинии соответственно своему положению на ступенях родовой иерархии (15). Анализ социально-экономического уклада городских общин VII-VIII вв. центральной Аравии (Мекка, Медина) приводит к выводу, что для арабского общества того времени весьма характерно родовое неравенство, сильно развитые отношения родовой клиентелы. Городские общины выступали как совокупность неравноправных родов (16). Там кассовая борьба между привилегированными родам и алхиф была очень похожа на борьбу патрициев и плебеев в Риме в период Тарквиниев и ранней республики.

То же неравенство родов можно наблюдать в Центральной и восточной Африке, у туарегов, галлов, самали, масаях и у некоторых народов южной Африки. У туарегов мы имеем резко выраженное родовое неравенство, выделение особо привилегированных родов, у шаггаренг – неполноправных, полуарабских родов – париев. Здесь мы видим широкое развитие родовой клиентелы, в частности зависимость земледельческих групп от богатых скотоводческих родов. Сходную картину мы находим у галла и самали. Родо – племенные деления фактически являлись делениями кастовыми. Как подчеркивал С.П. Толстое, "особого внимания заслуживает общество масаев, анализ которого проливает свет на генезис той своеобразной формы раннерабовладельческих отношений, которую мы знаем из истории спартанского общества. Мы здесь имеем своеобразную форму коллективного рабства, общинных рабов, подобных илотам Спарты в лице так называемых "вандороббо" и других племен-париев, подчиненных масайским общинам и выполняющих для них сельскохозяйственные и ремесленные работы. Деление свободных на

возрастные классы эльморан и эльморуа (юношей-воинов), живущих военными коллективами, внутри которых господствуют отношения промискуитета, и взрослых женатых мужчин, живущих парными семьями, военно-республиканских строй, – все это говорит за то, что здесь мы имеем наиболее раннюю стадию в формировании классового общества, еще со всех сторон покрытого первобытноком-мунистической оболочкой, превращающейся уже, однако, в свою собственную противоположность становясь орудием классового господства и сохраняясь лишь в рамках господствующей касты" (17).

Род и феодализм сосуществуют не отдельно один от другого. Они органически слиты в одно целое. Род перестал быть родом в собственном смысле, он превратился лишь в форму развития феодального общества, скрывая внутри себя глубоко развитые антагонистические отношения. Сам термин "бай", разновидности которого являлись "бей", "бек", был тесно связан с родоплеменными традициями, восходя к имени родовых вождей и судей. Таким образом, как справедливо указывал С.П.Толстов, "даже в названии мы имеем отражение этого процесса превращения родоплеменных отношений в свою противоположность" (18). Как отмечал Н.Г.Адонц, термины родовых властей и родоначальников с новым содержанием оставались и при нахарарском (феодальном) строе. У армян при родовых отношениях комархи носили имена "малхаз", "аспет", "мамак" и "тер". Те армянские племена, которые жили по соседству с ассирийцами, главу роду называли "малхазом" (19). Жившие по соседству с иранцами, имели "аспета", т.е. главу рода. Обитавшие ближе к грузинам употребляли термин "мамак", т.е. отец и, наконец, "тер" – слово фригийского происхождения означает муж, господин".

Как подчеркивал А.И.Неусыхин (20), у многих народов, начиная с древних германцев и кончая горцами Северного Кавказа род издавна являлся не только кровно – родственным союзом, но и единицей военного подразделения племени. "Баи" или "беи" были членами богатых кланов и задруг. Самое слово бай или бей по татарски означало богатый. Менее богатые попадают в личную зависимость от бая. Как указывал М.М. Ковалевский, "причина такого перевеса заключается в том, что человек, не имеющий скота, или не имеющий

где его пасти, не находит другого средства пропитания, как поступить в распоряжение человека, владеющего тем и другим(21).

Имущественное расслоение общества наметилось с переходом от охотничьего к пастушескому образу жизни. После замены кочевого образа жизни оседлым эта дифференциация усиливалось. Имущественно преобладающие люди неизбежно стремились охранять свои привилегии. Междуродовая сословная дифференциация отнюдь не была обязательно связана с землевладением. Так, в Абхазии у князей и бояр, "тавадов"и "амиста", у вольных людей, "онхае", у крепостных, "ах-уию", у "ахашалов" были свои неприкосновенные земли. Зависимость сословий анхае и ахуйю была чисто личная и основывалась у первых двух сословий на покровительстве, а у низшего на ссуде деньгами, скотом и на покупке рабов.

Процесс распада родов на патрионии и задруги, одни из которых становились привилегированными по отношению к другим. Процесс имущественной дифференциации между родами, т.е. трансформации рода в зачаток класса - оба эти процесса шли параллельно и, по существу говоря, они являлись двумя сторонами одного и того же процесса классообразования. Это хорошо можно проследить на образовании фратрий в древней Греции. " Принимая во внимание, что фратрии обычно носили патрионимические родовые названия, - отмечал Е.Кагаров, что они представляли собою вначале территориальные единицы, нужно предположить, что фратрия состояла из членов мелких, захудалых родов, группировавшихся вокруг местопребывания экономически мощного рода, становившегося во главе фратрии и дававшего ей свое имя. Также и составные семьи - задруги (разукрупненные роды) группировались вокруг сильных и богатых семей и родов, от которых они были в зависимости"(22).

Как правильно указывал А.Д.Удальцов, "мы не имеем никакого права подходить к пониманию "большой семьи", одного из элементов (позднего) родового строя с точки зрения позднейшего образования, каковым была малая индивидуальная семья, являющаяся продуктом разложения "большой семьи", не имеем права конструировать институт с точки зрения элемента его последующего разложения. В сущности, самый термин с этой точки зрения приходится признать весьма неудачным. Думается более удачным должны мы были бы признать

наименование объекта нашего внимания домашней родовой коммуной. Когда мы употребляем термин "большая семья", мы невольно исходным моментом для представления себе такой семьи делаем все же семью индивидуальную, более позднюю по времени ее возникновения. Большая семья это как будто расширенная, разросшаяся и не разделившаяся малая семья. Между тем такое представление в корне ошибочно. "Большая семья, "задруга" – это разукрупненный род (23).

Имущественно преобладающие роды устанавливали свою организованную власть, которая постепенно, по мере замены объединения исключительно по принципу кровного родства (тохум) объединением по территориальному признаку, становилась государственной. Этот процесс чаще происходил после перехода от кочевого образа жизни к оседлому. Территориальные группировки первоначально возникали из родовых.

До недавних пор пережитки родового строя сохранялись у всех народов Северного Кавказа, даже у тех, у которых уже сложилась государственная власть. Даже пахотные участки, принадлежавшие отдельным семьям, и находившиеся в наследственном владении отдельных крестьянских дворов, у горцев все-таки не считались окончательно ушедшими из рук рода, как такового. С.В.Мачабели указывал, что усадебные места и приложенные к ним участки ("кариас-туш") остаются за каждым двором без жребия. Все же остальные земли переделаются периодически между всеми. Выгоны, летние пастбища, дороги и неудобные места находятся в общем пользовании всех домохозяев, входящих в состав одного и того же рода, даже если они живут в разных селениях. Сверх того, каждый домохозяин вправе по снятии урожая пасти скот на всех землях, принадлежащих членам его рода (24). М.М.Ковалевский отмечал, что еще недавно землевладение в Пшавии представляло любопытное сочетание племенной, родовой и нераздельно-семейной собственности. Леса стояли в общем владении всего пшавского народа. Пастбища были разделены между родами, пахотные же земли оставались помимо всяких переделов, в наследственном обладании нераздельных семей на началах старо-заимочного землевладения. Преобладающее значение скотоводства, вместе с редкостью населения, делало возможным безграничное господство этой захватной системы пользования. "Ахо"

или заимка, предполагающая корчевание леса, возникла помимо всякого разрешения с чьей бы то ни было стороны (25). Подобные формы землевладения можно было наблюдать в Кабарде и Дагестане, где различались следующие виды землевладения: 1) общественное, 2) мюльки, земли, расчищенные из-под леса и являющиеся собственностью тех, кто эту расчистку произвел, 3) ятаги, или кутаны бекские. Остатки родовых прав видны, например, из того, что в случае, если какая-либо семья продавала участок, находящийся в ее владении, родичам-членам другой семьи принадлежало преимущественное право его купить. Это напоминает существовавшее в древней Греции право родственников принимать участие при совершении договоров купли-продажи в качестве поручителей. По Гортинской правде отец, хотя и мог распоряжаться после смерти жены ее имуществом, но не вправе был закладывать и отчуждать его без согласия взрослых детей.

Сохранился пережиток родовой собственности и в порядке наследования земли. Осетинское право, также как и первобытное право других индоевропейских народов (индусов, греков, германцев) не знало завещания. Имущество переходило по мужской линии. Если нисходящих родственников не было, то наследовали боковые. Но за пределы рода имущество выйти не могло. Существовали и пережитки родового землевладения. Так, после уборки урожая на участке, принадлежащем одной семье, вся родовая община была вправе пасти свой скот. Для запашки земель отдельные мелкие хозяйства членов одного и того же рода объединяли свой инвентарь и по очереди работали на каждого. Далее у всех горцев Северного Кавказа был распространен обычай помогать всем родом, или всем аулом друг другу при постройке дома, при спешной уборке хлеба и т.д. У карачаевцев этот обычай назывался "мамбат", у осетин - "циу". Наконец, даже индивидуальные сельхозработы часто подлежали регулированию общины. Например, начало сенокоса определялось общиной. У осетин летний праздник "atynaeg" определялся общиной. Там, где применялся севооборот, он устанавливался каждый год под решением общины. Также община регулировала пользование лесом, пастьбу скота и охрану животных.

Родовой союз в сознании кабардинцев был священен. Как метко указывал З.Ванети, "родовое сознание горца напоминает национальное

сознание у современных культурных народов. Семейная гордость и национальная гордость, чувство семейного родства и так называемое национальное чувство – явления аналогичные. Здесь также можно говорить о родовом шовинизме не в меньшей степени, чем о национальном шовинизме. Каждый считает своих родичей "своими", а посторонних – "чужими", собственно устанавливает разные отношения к тем и другим" (26). З.Ванети подчеркивал, что у осетин родовые формации, совершенно лишенные характера искусственной организации носили более архаический характер, чем греческие фратрии, римские курии и ирокезские фратрии, составляющие уже переход к государству. Но объединение по принципу кровного родства сталкивалось с объединением по месту жительства. "Нередко обязательство и соседство, – указывал З.Ванети, сближает отдельные родственные роды и объединяет их под общим именем. Соседство часто сплачивает людей чуждых друг другу по крови. Зато ветви рода территориально оторванные друг от друга теряют связь и становятся самостоятельными родами". Но все же родовой союз до сих пор остается очень крепким у пастушеских народов вообще и кавказских горцев, в частности. Особенно его можно хорошо наблюдать у осетин, у которых еще не сложились более или менее заметные зачатки государственной власти и родовая организация была так сказать суверенна. По отношению к внешнему миру она представляла собою сплоченную организацию, выступавшую как одна сила, против всякого более или менее значительного посягательства на кого-либо из ее членов. Вечная борьба между родами за пастбища, за скот, за женщин очень способствовала сплочению родовой общины. В борьбе друг с другом выигрывали наиболее сильные и сплоченные роды. Мы видим, что даже у тех народов, которые еще не знали сословного деления принадлежность к сильному роду давала большое уважение и охрану прав. Н.Ф.Грабовский отмечал, что фамилия у ингушей, в смысле отдельного рода, хотя и не давала каких-либо особенных личных преимуществ, но играла в их среде значительную роль, особенно если фамилия была многочисленна. Всякий, менее сильный не рисковал становиться в неприязненные отношения с такими фамилиями и потому всякий член такой фамилии был наиболее гарантирован, как в отношении покушений на свою собственность, так и личность. Украсть

что-нибудь у члена сильной фамилии, убить или ранить его – значит нажить себе неминуемую гибель, или по меньшей мере, неприятность и беспокойство на очень продолжительное время, так как потерпевшие всегда стремились отомстить обидчику всеми своими совокупными силами.

Необходимость борьбы с другими родовыми союзами еще более сплачивала каждый союз. Роды вели друг с другом постоянную борьбу за землю и скот, как за основные орудия производства. На более поздних ступенях развития родового строя одни родовые союзы стали присваивать себе продукты труда других родовых союзов. Родовой строй постепенно переходил в классовое общество. Как указывал З. Ванети, "в отношении внешнего мира (других родов) родовая община представляет из себя сплоченную единицу, выступающую как одна сила, против всевозможных посягательств с какой-либо стороны на интересы ее и членов ее. Каждая родовая община имела родовую башню-крепость, где она укреплялась в моменты борьбы с другими родами(27).

Нам во время странствований по Кавказу неоднократно случалось видеть эти башни. Особенно много их в Кассарском ущелье и по дороге на Мамисон. Они в несколько этажей. В верхних запирали женщин, домашний скраб, в нижней – скот. У таких башен осетинские роды защищались в случае нападения. В.П.Христианович отмечал, что башня представляла собой необходимый атрибут ингушского тайпа (рода). Во время нападений в нижний этаж башни прятался скот, а в верхних этажах, снабженных бойницами и балкончиками, с которых можно было пускать стрелы отвесно вниз к подножию башни, прятались защитники и их семьи. Семьи, принадлежавшие к роду, не владевшему башней, чувствовали себя беззащитными. Удаляться от башни в сторону считалось рискованным. Старинная ингушская пословица гласит: "Холод тому, кто далеко от башни отходит тепло тому, кто у башни сидит", а осетинская: "И тень от своей башни греет". Совершенно неосновательно Г.А. Кокиев считал, будто осетинские башни строились рыцарями-феодалами. О феодализме в средневековом смысле слова у осетин не приходится говорить. Был только, так сказать, первобытный феодализм. Феодалы, если их можно так назвать, отношения были между родами и задругами(28).

Единство кровного союза выражалось у горцев также в родовом культе, который особенно ярко проявлялось у осетин. Б.К.Долгат отмечал, что " у осетин, чеченцев, и ингушей существуют патроны или боги-покровители, общие всему племени, или отдельному обществу из нескольких семей и, наконец, боги покровители отдельных аулов или отдельных родов. Они называются "эрдами" или "ердами", а у ингушей - "ццу" и "дяла" или "дэли", а также " ерда"(29) .

Вера в племенных, аульных и родовых богов являлась следствием того, что единовременно существовали общественные союзы, построенные и по территориальному принципу, и по принципу кровного родства. Осетины меньше других народов Северного Кавказа прониклись религией Магомета и потому у них особенно ярко проявлялись пережитки языческих верований, в том числе культ предков. Он существовал у адыгов и у карачаевцев. В Осетии же каждая родовая община имела свою святыню - "дзуар" (духа - покровителя). На месте, посвященном этому духу, община ежегодно справляла храмовой праздник и устраивала родовой пир (кувд). Члены рода, переселившиеся в другое место, присылали своих представителей праздновать родовой кувд у дзуара. Подобный родовой культ мы встречаем и у других горцев, где он не был вытеснен магометанством. Так, у картвельских племен у каждого рода был свой особый патрон. Молитва к нему могла быть услышана только в том случае, если был выходцем из их среды. Его образ "хати", или вернее место, где некогда был образ, поскольку сами образа давно исчезли, считался святыней только в их глазах. Молитва связывала только их совесть, они считались "рабами образа". Для чужеродца "хати" являлся враждебной силой, которую можно было победить с помощью своего собственного "хати", так называемый "образа" того рода, к которому принадлежит данное лицо. Поэтому бытовало представление, что "хати" бывали разной силы: одни сильнее, другой слабее, смотря по тому, принадлежали ли он сильнейшему или слабейшему роду. Между ними существовала возможность вражды, какая существовала между родами, возможность побед и поражений, наконец, возможность союзов, выражавшихся в присоединении культу родового патрона (30) .

Даже у горцев-магометан, например, у кабардинцев, сравнительно недавно усвоивших ислам, были пережитка родового культа. Так, Н. Дубровин отмечал, что "искреннее убеждение в существовании различных духов довело до того, что некоторые поколения суеверного черкесского народа имели своих гениев - покровителей. Натухайцы избрали своим гением - покровителем Хакусташа, считали его в то же время покровителем и домашних пахотных волов. Зажиточные семейства и до сих пор, из числа своих волов, посвящают одно из этих животных Хакусташу. Вол этот не употребляется ни в какую работу и носит название вола Хакусташа. Точно в таком же почете находится Тугуплоху у поколения нотахо, принадлежащего к натухажскому народу" (31).

Как правильно указывал Е.Кагаров, "родовая религия составляет неотъемлемую часть идеологии родового общества. Так, у удмуртов в дореволюционную эпоху существовали родовые священные рощи и хижины, в которых хранились родовые святилища, своего рода *sacra gentilicia*. Такие же культовые алтары (лезанги) являлись центральными родовой религии у навухов (32). У народов-скотоводов и земледельцев безусловно, был культ домашних животных. В местах родовых культов происходили собрания старейшин. Роды имели свои общинные собрания, *нихасы*, в которых все взрослые мужчины обсуждали дела. *Нихас* по-осетински означало "беседу" и то место, где эта беседа происходила. Такие "*нихасы*", так называемое прямое народоправство, хорошо известны истории общественных формации.

Все дела рассматривались на собраниях народа - *вечах*. Эти *вечи* разрешали вопросы о порядке пользования лесом и нивами, о пастьбе скота, об устройстве дорог и т.д. На них слагалось так называемое *маслагатное право*, т.е. право, установленное путем соглашений. По-осетински решения, принятые на этих собраниях, назывались "*бадзурин*", что значило соглашение. В этих собраниях можно видеть зачатки публичной власти и публичного права. Они, конечно, не были организованы, как отмечал В.Пфаф (33). 3. Ванети правильно указывал, что на них не бывает руководства и прений. "Никакой систематичности в работе *нихасе* не было. Это далеко не те собрания, на которых старшины дают обществу отчет о своих действиях и совещаются о дальнейшем направлении общественных дел.

Гораздо более организованы были собрания у древних греков, чем у современных горцев. Эти нихасы, или "джамааты", как они назывались у кабардинцев и других магометанских народов Кавказа, имели свои исполнительные органы, так сказать зачатки государственного аппарата. У Джаро-Белаканских вольных обществ при джамаате существовал постоянный исполнительный совет из главного "кевхи" - старшины, из главарей наиболее крупных и влиятельных родов (тохумов) и из кадия. Этот совет рассматривал наиболее важные дела и разбирал крупные тяжбы. Часто "оружие критики" заменялось на этих собраниях критикой оружием".

Органом примирения, сталкивающихся интересов и во внутри-родовом строе осетин был суд посредников, тархонов, который получил особенное распространение при разрешении международных столкновений. Имелись во внутриродовых отношениях и средства для репрессии в отношении провинившихся, иногда по внешности напоминающие государственные карательные учреждения. Так, например, лазы, живущие в Абхазии, рассказывали, что в старину у них родовой старейшина ("umsane") имел право арестовывать своих провинившихся сородичей: сажать их под замок или в особые ямы, отдаленные предшественницы тюрем. Вспомним, что еще в XIX в. в России долговая тюрьма называлась ямой.

Гораздо больше зачатков государственных субординационных форм можно видеть в международной территориальной общине. Как уже было указано выше, один факт совместного сожительства чуждых друг другу по крови родов создавал у них общие хозяйственные интересы. Поэтому были возможны столкновения между принципом кровного родства и принципом аульной солидарности. Это сочетание и соперничество между родовой и территориальной общинами можно было видеть и в горных районах Дагестана. Хотя там роды и составляли до недавних пор основу общественного быта, но их существование ни в какой степени не исключало группировки населения в большие слободские и хуторские селения. В таких многолюдных центрах, как Кухум, Герат, Аты, Кубачи, Кармовский аул на Малке жили члены разных тохумов. Это вызвало к жизни особую сельскую администрацию, сложившуюся по типу родовой. Подобно тому, как тохум и аул имел своего старейшину и свой общинный сбор, в котором могли

участвовать все совершеннолетние мужчины. Старейшина селения нередко выбирался исключительно из членов какого-либо рода, который считался наиболее могущественным, зажиточным или уважаемым. Это лишний раз подтверждало, что государственная власть и социальное неравенство зародилось из неравенства между родами. Так, например, в селении Хив, в Южной Табасарани, один род Сейдор обладал правом наследственного занятия должности старшины, точно так же как в селении Кандии – род Аксакалляр. В селениях, где жили несколько могущественных тохумов мы встречали по несколько старшин, например, в селениях Кайтага. Но среди них первенствующее значение принадлежало двум-трем, которые обыкновенно и председательствовали на народных сходках. Вече собиралось в окрестностях главного поселения, или же вблизи какой-нибудь прославленной мечети. Старшины назывались "кавхси" и "кадии".

Наряду со старшинами в Кабарде и в дагестанских обществах встречались еще второстепенные должностные лица "карты", "мангуши или "чауши", и "турганы". Наряду с административными функциями сельские старшины выполняли и судебные функции, но их юрисдикция ограничивалась разбором одних лишь мелких тяжб. Важные споры обыкновенно давались на разрешение специально избранным посредникам. В одном только Даргинском обществе были постоянные судьи – "шила-халатэ".

Древнейшему и могущественному аулу удавалось нередко подчинить себе соседние селения. В этих случаях старшина данного аула предводительствовал во время военных походов и разбирал наиболее важные споры жителей подчиненных селений. Между главным селением и его соседями устанавливались отношения подобные отношениями между Псковом и Новгородом и их "пригородами". Наиболее характерный пример таких отношений представляют те, которые существовали между Ахтами и рядом соседних с ними обществ Самурского округа. Ахтинцы вправе были требовать от подчиненных аулов так называемой "пахты", т.е. обязательного угощения ежегодно в течении суток. При выдаче своих дочерей замуж за жителей подчиненного селения, каждый житель Ахты получал особый платеж, так называемый "барху" (около трех рублей). В случае убийства ахтинца за его кровь взимался платеж

двое большое, чем за кровь жителя подчиненного селения. Во время войны Ахты должны были защищать свои "пригороды" (34).

Таким образом, мы видим, что родовая организация переплеталась с территориальной, на которую распространялись некоторые родовые порядки: происходило переkreщивание социальных кругов, когда один и тот же человек принадлежал к разным общественным объединениям, частью совпадающим друг с другом, частью друг другу враждебных. Так, бывало, когда междуродовая община вела спор с такой родовой общиной, родичи которой входили в состав первой. Обыкновенно хозяйственный интерес преодолевал чувство кровного родства и горец поддерживал территориальную общину против родовой. Со временем все более и более укреплялась именно территориальная власть, являющаяся дальнейшим шагом на пути к образованию государства. А. Лилов отмечал, что "идея рода не ограничивалась пределами рода, она влияла и на общественные отношения", в целом. Каждый аул состоял из двух-трех громадных семейств, защищавших интересы каждого своего члена против другого такого же семейства, на жизнь и на смерть. Из этого видно, что тот, у которого больше родства, пользовался и большим почетом. Далее, сгруппированный из нескольких таких семейств аул составлял своего рода одно семейство по отношению к другим аулам, каждый член которого готов был защищать своего односельца против односельца и идти из-за интереса своего односельца на смерть, если того требовали обстоятельства" (35).

Междуродовая территориальная община являлась более сложной формой, чем община, основанная на принципе кровного родства. В ней было больше почвы для столкновения противоречивых интересов, а, стало быть, больше оснований для создания государственной власти. Антагонизм между отдельными родами мог возникнуть при самом основании междуродовой общины. Как правильно указывал З. Ванети, "поселение разных, чуждых друг другу на одной и той же ограниченной площади не могло обойтись мирно и без столкновений. Более сильный, более зажиточный род выходил из этого столкновения победителем, подчинив себе остальные роды, и таким образом становился в привилегированное положение, делался знатным, благородным родом". Баделята и алдары – это не дворяне в нашем

смысле, не служивый класс, не бывшая княжеская дружина, как уорки у кабардинцев, а члены более зажиточных родов. Но борьба между членами отдельных родов внутри междуродовой общины рано или поздно кончалась миром. Образовалось более или менее сплоченное территориальное общество – аул, так как жители его имели общие интересы, противоположаемые интересам соседних обществ. В ауле преобладали наиболее многочисленны и богатые роды, которые из своей среды выделяли предводителей и военачальников. Как указывал В.А.Гурко – Кряжин в некоторых местах, например, в Хевсуретии можно было наблюдать, как патриархально-родовая власть старшего заменялась властью более удачливого и богатого. На пост старейшины выбирали не старшего в роде, а наиболее богатого, умного и сильного (36).

В некоторых районах "рджули", т.е. совет старейшин, представлял собой типично родовой институт, являвшийся советом стариков – патриархов. Например, в Хахабо каждая из четырех, живущих здесь фамилий имела несколько почетных стариков: Миндикарди – двух, Хосиаури – трех и т.п. Эти старики – главы семейств образовывали совет для разрешения всех важных дел. Данная форма самоуправления являлась господствующей от Хахабо до Архат и от Гудо до Борисахо. Тем не менее даже в этой форме принцип родового строя обнаружил ряд трещин. Прежде всего старики вовсе не являлись буквально патриархами, родоначальниками данного клана, в силу определенных родственных связей. Это были просто уважаемые за свой возраст, ум и опытность старики. В Ардсти мы наблюдали, как рджули перерождалась в своеобразный третейский трибунал: при конфликте каждая заинтересованная сторона выбирала по одному, по два, иногда по четыре судьи, которые и выносили решение. Чрезвычайно важно, что в качестве судьи можно было выбирать и молодого человека, лишь бы он обладал нужными для этого данными.

Таким образом, патриархально-родовой принцип постепенно заменялся принципом индивидуальной годности, вне отношения к родовым связям и вытекавшему отсюда общественному положению. Этот процесс образования индивидуальной власти нашел свое завершение в Шати и в Гуле. Здесь наряду с рджули, мы видим уже как бы эмбрионы постоянной, индивидуальной власти в виде старост, отличавшимися

материальным благосостоянием, т.е. были "шадзлебули", т.е. "богачами" (37). Таким образом, открылась возможность к созданию старшинской, а потом и княжеской власти. Первоначально междуродовые территориальные объединения строились аналогично родовым. Жители одного и того же аула считались как бы состоящими в родстве. Браки между ними не одобрялись. Междуродовые территориальные общества долго не соединялись между собою в какую-либо значительную территориальную единицу, что объяснялось тем, что между ними не было разделения труда и значительного торгового обмена. Жителей разных аулов друг с другом соединяли только родственные связи. Тем не менее перед лицом серьезной внешней опасности разрозненные аулы объединялись. В.Чудинов описывал, как в виду нашествия русских наиболее энергичные и отважные среди осетин сумели организовать разрозненные аулы и стать военными и политическими руководителями (38). В глубокой древности у далеких предков осетин, у аланов, была своя государственная власть. После переселения их в ущелья кавказских гор она погибла. Осетины вновь стали жить родовыми и территориальными (междуродовыми) союзами, в недрах которых произошла только сословно-классовая дифференциация. Если предположить, что у осетин некогда была государственная власть, то надо предположить, что с ними случилось тоже, что когда-то произошло с Этрусским населением Рэтш, которое в эпоху римлян достигло довольно высокой степени культуры, но затем было постепенно вытеснено из долин и гор германскими завоевателями и возвратилось к пастушеско-общинной жизни.

Гораздо яснее наметилось образование государственности у вайнахов, хотя и здесь она не сложилась окончательно. Вайнахи в этом отношении могут служить иллюстрацией образования публичной власти. Вопрос о происхождении вайнахов до сих пор неразрешен. Если у Куртатинских, Дигор-ских и Тагаурских осетин мы можем видеть зарождение власти, основанное на социально-классовом расслоении, то у вайнахов можно наблюдать создание княжеской власти и из потребности защищать свою землю и свою движимость. У них было нечто подобное древнерусскому призванию князей. Отметим, что у чеченцев государственную власть пытались установить путем завоевания народа, где еще не было резкой вполне сложившейся

сословно-классовой дифференциации. Поэтому, в отличие от древней Руси, власть здесь не привилась. В то же время, как в Осетии были так называемые "узденьгали", ("самостоятельные люди, владевшие землей"), "фарсаглаг" ("пришедшие люди, жившие на земле узданылагов"). Увайнахов никаких сословий не было. Как отмечал С.Бушуев, "все, что принадлежит чеченскому племени., составляет один общий класс людей вольных, без подразделения на дворян и князей". Обычно вайнахи себя называли "узденями", понимая это слово в этимологическом значении ("люди, зависящие от самих себя"). Из сказанного отнюдь не следует, будто у чеченцев и ингушей не было имущественной дифференциации и не существовало рабов. "Среди многочисленного населения Чечни, - отмечал С. Бушуев, в 1820-1840-х годах были "богатые", становившиеся зажиточной феодализирующейся верхушкой и бедные, мало обеспеченные землей и скотом" (39). Н.С. Иваненков отмечал, что " безземельный класс очень недоволен положением, занятым имущим классом" (40).

Наиболее далеко распад родовых связей в Чечне зашел в плоскостных районах. Уже в XVIII в. при поддержке русского правительства некоторые Надтеречные аулы (Старый Юрт, Новый Юрт, Брагуны) были превращены в феодальные владения выделившейся местной "аристократии". Н.Ф. Яковлев указывал, что у вайнахов процесс превращения родового общества в феодальное, начавшийся в горах, затем был прерван переселением вайнахов на плоскость. Распад родового строя пошел иным путем. "В горах некоторые ингушские роды, которые назывались "галгаями", начали захватывать власть над другими родами: заставляли их помогать в нападении на врагов, строить военные башни. Подчиненные им роды могли также иметь своих подчиненных и рабов. Рабами становились взятые во время нападений на соседние племена пленники, найденьши, или безродные беглецы. Они назывались по ингушки "леями" от осетинского слова "лаг" ("человек"). Теперешние ингуши по старой памяти также делят свои фамилии на пять сортов. К самому последнему относятся потомки леев, т.е. леев тех фамилий, которые, в свою очередь, были леями у более знатных фамилий. Безусловно, богатые и сильные роды стремились еще более усилиться, подчинить себе как можно больше других "фамилий". Обычай кровной мести был

также приспособлен к их интересам. Главные роды пользовались кровной мстью, чтобы сильнее укрепить свою власть над ответчиками(41). Выплаты за кровь для таких истцов были установлены в зависимости от почетности рода. Поскольку за кровь члена богатого и знатного рода выкуп был очень велик, он превращался в постоянную дань, в феодальную ренту.

Хотя у чеченцев сословия окончательно не сложились, классовая дифференциация общества уже появилась. С довольно отдаленных времен в Чечне и Ингушетии можно было наблюдать процесс распада родов на большие семьи различного имущественного достатка. Более зажиточные и многолюдные семьи занимали участки, очищали их от леса, наносили землю на скалы и обращали такие заимки в свою собственность. По-чеченски такие заимки назывались "дааалх", "даама хкой" (собственный загон) и "даалах пана" (собственный покос) (42). Как отмечал Е.Д.Максимов, "члены рода первоначально приобретали только право пользования заимкой, а не право частной собственности над нею, право частной собственности на разработанные лесные участки появилось гораздо позже, вытекая из права общины на участок земли, который предоставляется в вольное пользование, но сплошь покрыт пустыни, непроходимыми зарослями колючего кустарника. Заимка этого участка ограничена, сделавший ее получает только право продолжительного пользования расчищенной из-под кустарника землей, а не право владения ею, как полной собственностью" (43). Затем заимки превращались в собственность. А так как производили заимки более мощные роды, патронимии, задруги, имевшие большее количество рабочих рук и скота, то заимка стала одним из факторов имущественной дифференциации. "Слабые" фамилии закладывали "сильным" участки своей земли, получая займы хлеб, скот, одежду и т.д. Такие заложенные участки были на положении "керинона", т.е. заложенной собственности. Процент по займам достигал 60-ти в год, что объяснялось нуждой заимополучателей(44).

Таким образом, мы видим, в Чечне и в Ингушетии разложение родовых отношений шло двумя путями. С одной стороны, обогащение отдельных людей и появление имущественной дифференциации внутри родовых союзов, с другой стороны, появление процесса имущественной дифференциации между родами, который можно было во время

переселения ингушей на плоскость. Основная роль в этом процессе принадлежала роду Темиргоевых и его ближайшими сородичами родами Эти и Хасоевых. Эти три фамилии, согласно преданию, составили союз трех селений, переданное всему ингушскому народу. У чеченцев и ингушей уже наметилась классовая дифференциация. Она шла и путем расслоения родов на семьи различного имущественного достатка, и путем обогащения одних родовых объединений за счет других. Да и самые родовые объединения часто являлись не союзами кровного родства, а группировками по социальным признакам. Как указывал А.С.Вартапетов, "когда к вопросу о происхождении родов у названных народов мы подходим с исторической точки зрения, то для нас кровное родство, как обязательное условие для образования рода, теряет свое значение. Так, например, фамилия Шатоевская по преданию является древнейшим родовым образованием, создавшемся в результате объединения или скрещивания различных социальных элементов" (45). У.Лудаев отмечал, что "происхождение ингушских фамилий явилось в результате скрещивания выходцев из других стран: грузины, авары, хевсуры и другие селились среди чеченцев и образовали особые фамилии (46). Об этом же свидетельствуют и предания, записанные А.П. Ипполитовым (47). Ч. Ахриев писал о кистинах, как об обществе, в основании которого "согласно преданию первоначально лежала военная дружина и к которому впоследствии начали приходить посторонние жители и населять свободные места (48).

Таким образом, как полагали исследователи, до завоевания Россией у чеченцев и ингушей сохранялись пережитки родового быта. Тем не менее эти родовые организации не были столь примитивными. Были у ингушей и чеченцев зачатки государственной власти. Как указывает Ч.Ахриев, "военная обстановка, окружавшая ингушей, заставила их объединяться вокруг главных ущелий страны в союз типа племен, где руководитель племени и его дружина выступали в качестве господствующей силы, выполняя функцию защиты интересов и охраны населения. Руководитель дружины Джарахмат пользовался весьма значительными правами над остальным населением» (49). Но это были только зачатки государства и права. По вопросу о том, какой социальный строй был у чеченцев и ингушей

к моменту присоединения их в России, в литературе можно выделить три точки зрения. Одни исследователи утверждают, что "Ингушетия прошла через феодальные отношения" (50). Другие исследователи, напротив, писали о сохранении в этом регионе родового строя в полном форме (51). И, наконец, третьи указывали, что "социально-экономический строй ингушей не является примером чистоты патриархально-родовых отношений, налицо были все моменты начавшегося распада (52), который шел путем междуродовой дифференциации. Так, за убийство галгая платили большое количество скота, чем за убийство фяппиппа (53). Старшины некоторых ингушских племен "будучи набираемы из богатейших родов и по причине частого повторения выборов из тех же семейств обыкновенно присваивают себе права старшинские от отца к сыну наследственно переходящие" (54). Таким образом, здесь мы видим зарождение родоплеменной верхушки.

Как отмечал Е.А.Крупнов, "такие факты, как имущественное неравенство, накопление богатства в руках отдельных фамилий, рабство, установление соседними классовыми обществами более прочных отношений и связей, появление частной собственности на землю и скот, обособление старшин, власть которых уже передается по наследству, выделение вождей, пользовавшихся весьма значительными правами, говорят о том, что в XIX в. вайнахи находились накануне образования классового общества (55).

К XV в. у кабардинцев был уже вполне сложившийся феодальный строй с сильными пережитками родоплеменных отношений. Характерной особенностью феодальных отношений в Кабарде было соединение в одном лице прав собственника и государя, присущее всем горским князьям. Княжеские роды не только правили над всеми остальными, но являлись по отношению к ним верховными собственниками занятой ими земли. Кабардинский пши (князь) имел почти неограниченную власть над всем, как движимым, так и недвижимым имуществом своих подданных из зависимых сословий.

После присоединения Кабарды к России значение князей сильно упало. Н.Ф.Грабовский указывал, что "сила и значение князей каждый день утрачивает свое обаяние и с каждым днем народная масса становится самостоятельнее, в особенности же начинают жить независимо "беслан-ворки" и "ворки-шаотлехусы". Таких же князей,

которые бы образом жизни соответствовали прежнему понятию кабардинцев о княжеском достоинстве в фамилиях Кайтукиных, Бекмурзина и Мисостова нет никого; только в фамилии Атажукина есть еще представитель древнего типа кабардинских князей, измененный, впрочем влиянием своего времени" (56). К концу XIX в. пши (князья) потеряли уже всякое значение. Наибольшей властью кабардинские пши пользовались в XVI и XVII и в первой половине XVIII в., когда от них в вассальной зависимости находились не только кабардинские, но и осетинские и балкарские феодалы. Говоря о причинах господства кабардинских князей над соседними народами, нужно отметить, что пши владели путями из осетинских и балкарских ущелий к северо-кавказской равнине и русским обменным пунктам.

Следующим после пши феодальным привилегированным сословием были тлакотлеши. Подобно тому, как в варварских "правдах" принадлежность к высшему сословию выражалось прежде всего в высшем размере "виры" и "композиции", так же точно и в среде горцев убийство и всякое другое нарушение прав членов княжеского рода вело к уплате большей "виры" (в 3-4 раза). Это также точно, как и калым за девушку из княжеского рода значительно превышал калым за дочь не столь знатного феодала, не говоря уже о калыме за дочь за крестьянку (в 4-5 раза). При этом наблюдалось совпадение в размере калыма и размере виры. "Кровь убитого пши наполняет собою всю глубину ущелья, в мрачную бездну которого со страхом падает взор могильного ворона" - говорилось в старину. За кровь пши, убитого беслан-ворком, или ворком-шаутлхус, убийца и все поголовно предавались смерти, а женщины и дети поступали к наследникам убитого в пожизненное рабство. Все движимое и недвижимое имущество убийцы и его родственников, как умерших, так и отданных в рабство, наследниками убитого расхищалось.

В случае же убийства князя тлакотелем или джинуго эти последние присуждались к уплате за кровь, составлявшей весьма значительную сумму. Имущество пши, также как и его личность охранялось строгими карами. Если кто-либо украл у князя из дома лошадь и был в этом изобличен, то виновный с возвращением украденного платил князю особый штраф - восемь лошадей своих, одну холопку, или холопа, из лучших. Если украл лошадь из табуна, то

платил штраф восемь лошадей и по холопу или лучшей холопке за лошадь. Сам же князь мог безнаказанно брать не только ясак – по барану и ягненку с коша, но и пользоваться любой лошадей, если она ему была нужна. С добычи князю давали одного пленника, или его стоимость. За драку при князе ему должны были дать в виде штрафа холопку (унаутку). Когда князь женился, то уздени должны были давать ему помощь на уплату калыма. После смерти князя долги его считались погашенными и его наследники получали имущество не обремененное никакими обязательствами. Пши могли распоряжаться имуществом находившихся в вассальной зависимости от кабардинцев, карачаевцев, чеченцев, хулинцев и безенгиевцев как своей собственностью и часто брали себе все, что было лучшего, в начале XIX в., как отмечал Н.Ф. Грабовский, кабардинские князья еще имели право отбирать у своих подвластных баранов. Князь в случае нужды в лошадях, мог брать их сколько угодно из любого табуна, ездить на них и потом возвращать в табун. Он мог отобрать любую собаку. Если посланец князя клал камень перед чьим-либо домом, то никто не имел права ни войти, ни выйти из него. Если камень клался на поле, оно не могло быть вспахано (57).

С целью ослабить сопротивление кабардинцев Российское правительство разжигало между ними классовую борьбу. Оно принимало беглых холопов в Моздок. В 1779 г. правительство потребовало, чтобы "владельцы и уздени не притесняли подвластный им черный народ, излишней подати не требовали, а содержали точно на основании обычаев, учрежденных от предков и отцов их". Впоследствии российское правительство стало покровительствовать землевладельцам и при освобождении крепостных они уплачивали своим бывшим хозяевам выкуп за эмансипацию личности, чего в центральной России не было.

Каждый, находившийся в вассальной зависимости от пши, тлакотлеш и другие зависимые сословия, например, джинуго. Право иметь у себя в зависимости лиц, принадлежащих к привилегированному классу ворков, являлось одним из главных признаков принадлежности к сословиям тлакотлеш или джинуго. В случае недовольства своим пши, каждый тлакотлеш или джинуго имел право со всеми своими подвластными перейти в вассальную зависимость к другому пши. Они

имели подобно древне-русскими княжатам и боярам право отъезда. Браки тлакотлешей и дижинуго с женщинами низшего происхождения, хотя и запрещались адатами, но имели место. Потомство от таких браков не составляло, как у пши особого сословия (тума), а пользовалось одинаковыми правами с чистокровными тлакотлешами и дижинуго.

Через выборных представителей тлакотлеш и дижинуго принимали участие в решении важнейших государственных вопросов. Убийца тлакотлеша платил за кровь три семьи холопов по девять человек каждая. Из них две семьи шли наследникам, а третья - его князю (пши). Кровомстителем за тлакотлеша выступал пши. Виновные в оскорблении тлакотлеша выселялись из Кабарды. У тлакотлеша была своя свита. В кунацкой тлакотлеш занимал место даже выше, чем пши, если он был старше князя по возрасту. В брачные союзы тлакотлеш вступали только между собою или брали жен из домов тагаурских алдар, дигорских баделят и горских таубиев, т.е. из равных себе сословий осетин и балкарцев. На княжнах же и на княгинях никогда не женились. Рожденные от браков тлакотлешей с женщинами низших сословий не лишались подобно тумам прав своих отцов.

Более низшие сословия, беслан-ворки не обладали владетельными правами, а получали от пши земельный надел, или другой какой-нибудь ценный подарок. Они должны были жить в то же ауле, где и князь, сопутствовать им во всех его поездках. К беслан-воркам примыкали беслан-пшитль, княжьи слуги, которые не были "природными" кабардинцами, а были кровниками, ставшими под покровительство князя. Все эти "дворяне" получали от князя наделы земли. Они могли пополняться извне, не являясь замкнутыми сословиями, получали за службу вместо вознаграждения право обращать в свою личную пользу натуральные и денежные поступления с крестьян известного района. Постепенно они становились привилегированными сословиями. На первых порах это право было всецело связано со службой и прекращалось вместе с ней. Поскольку служба была не только пожизненной, но и наследственной, то и право на крестьянские повинности и сборы приобрело характер наследственного пользования.

Итак, в Кабарде был довольно развитый феодальный строй, но единой государственной власти там не было. Это был так сказать удельно-вечевой период истории кабардинского общества, когда княжеская власть упрочилась, но и вече еще не потеряло окончательно свое значение. Между кабардинскими князьями происходила ожесточенная борьба.

Те части Дагестана, которые были удалены от побережья, были расположены на главном Кавказском хребте и его высоких острогах. Жители этих мест не могли поддерживать связи с внешним миром. В этом районе земледелие было невозможно. Эта часть Дагестана характеризуется более примитивным первобытно-общинным строем, где господствовали родоплеменные отношения, развитие феодальных отношений здесь только намечалось. Напротив, те части Дагестана, которые были расположены на побережье, где пролегали торговые пути, где существовало как скотоводство, так и земледелие, характеризуются более развитым общественно-экономическим строем и наблюдались признаки развитого феодализма. На сравнительно небольшой территории Дагестана мы имеем возможность наблюдать различные стадии раннеклассового общества и возникновение феодализма. В Дагестане, где феодализм достиг наибольшего развития, можно наблюдать решительную борьбу с ним, приведшую к образованию совершенно своеобразного государственного объединения разноплеменных горцев, находящихся далеко на не одинаковых стадиях общественного развития – к образованию имамата. Народы Чечни и Дагестана объединились под лозунгом газавата, т.е. священной войны против "неверных" (не магометан), что было вызвано наступлением России. Борьбу за свою независимость горцы Восточного Кавказа вели под лозунгом исламизма. Адат везде заменялся шариатом. Происходила жестокая борьба с феодалами, которые в громадном своем большинстве находились в дружбе русскими завоевателями. Лозунг возвращения к социальному равенству, будто существовавшему в первоначальном исламе, играл у мюридов такую же роль, как лозунг возвращения к "евангельской бедности" у лоллардов, анабаптистов и других сект западно-европейского средневековья, отражающих антифеодальные тенденции. И позже аналогичную роль играли суфийско-дервишские

ордена, непосредственными преемниками которых были дагестанские мюриды, причислявшие себя к дервишскому ордену накшбендиев.

С начала 40-х гг. XIX в. третий имам Шамиль овладел значительной частью Дагестана и Чечни и подчинил себе территорию около 900 верст в окружности, с населением приблизительно в один миллион человек. Несмотря на крайне пестрый в социально-экономическом отношении состав этого населения Шамилю удалось слить все эти разнообразные вольные общества и племенные союзы в единую военную и гражданскую организацию. Как указывал Г.Кастильон, "Салатау не имеет больше князей, Авария-хана, и племена всего западного Дагестана объединены одним и тем же движением и повинуются только слову Шамиля" (58). Было создано своеобразное государство. Шамиль разделил всю подвластную ему территорию на 52 наибства, размеры которых изменялись в зависимости от успехов и неудач. Количество наибств менялось в зависимости от размера территории, которая была во владении Шамиля. В среднем оно равнялось двадцати. Так например, Г.Кастильон отмечал, что "Шамиль разделил страну на наибства - на левое крыло, охватившее все области северного склона Андийского хребта, и правое крыло, охватывающее области южного склона, подразделенные на 20 частей, порученных такому же числу наибов" (59). С.Бушуев указывал что "каждое наибство представляло собой военно-административную единицу. Во главе наибств стояли в большинстве случаев способные и выдающие горцы, хотя социальный состав их был крайне неоднороден. Подавляющее число наибов происходило из зажиточных и даже состоятельных узденей, также из беков и только один Уллубей из Ауха был из бедных узденей" (60). Обязанности каждого наиба состояли в том, чтобы управлять вверенной ему частью, строго и добросовестно наблюдать за неуклонным соблюдением шариата, уничтожать существовавшие между различными племенами раздоры, соглашать их на различные выгоды, уничтожать между ними враждебные столкновения и в особенности кровное мщение. Каждый наиб имел полноту власти в своем наибстве - не имел права только казнить кого-либо без разрешения Шамиля. За наибами следили специальные агенты имама мухтесибы, которые должны были доносить о всех непорядках. Для контроля над деятельностью

наибов созданы специальные должностные лица – мюдиры. Каждый мюдир управлял несколькими наибствами. Как указывал родственник Шамиля Адбурахман, "в большинстве своих дел наибы обращались к мидиру, и он решал это дела согласно поведения и законов имама" (61). Наибы имели право назначать и смещать муфтиев, т.е. апелляционных судей, и алимов – ученых, которые толковали шариат и разрешали споры на основании книг ислама. Каждому муфтию были подчинены несколько кадиев, т.е. судей, имевшихся в каждом ауле. О назначении должностных лиц объявлялось на джамаате, т.е. общем собрании (сходе) жителей данного селения, причем указывалось, что если данное должностное будет поступать не согласно шариату, то ему не следовало повиноваться. Кадии не только разрешали споры и "выправляли то, что надлежало выправить, но и обучали мулатимов, т.е. лиц, готовивших себя к религиозно-административной деятельности. По окончании обучения, муталим, если он хорошо знал магометанские книги, становился имамом. Алимы в державе Шамиля играли большую роль. Ни один документ мюридисткого движения не оставался без участия алимов.

Деятельность муфтиев, кадиев и наибов была регламентирована в "низаме", своеобразном своде законов, разработанном под руководством Шамиля. Столица государства Шамиля была первоначально в Ахульге, а после занятия этого аула русскими, переведена в Дарго – Ведено. Резиденция имама представляла собой своеобразный замок с многочисленными пристройками, расположенный в широкой долине. В замок вели только одни ворота. Крепость была окружена двумя рядами частокола. Охранялся замок и находившийся поблизости от него пороховой склад особой гвардией "муртозгаторами". Разные аулы спорили за честь дать бойцов для этой отборной части. Принимались в нее только воины, доказавшие свою храбрость и преданность мюридизму. Они должны были дать обязательство отказаться от семьи и жить только интересами защиты родины и религии. Никто из них не должен был быть и не был взят в плен живым. Эта гвардия Шамиля состояла приблизительно из 1000 человек. "Муртозигаторы" охраняли днем и ночью замок вождя и всюду его сопровождали. Они пользовались разными преимуществами и получали жалование около полутора рубля серебром в месяц, не считая доставшейся им отбитой

у неприятеля добычи. Дисциплина среди муртозигаторов отличалась особенной строгостью. Помимо жалования они получали от населения продовольствие и фураж. Никто кроме муртозигаторов не мог нести охрану замка имама. Эта охрана стояла у главной части замка, где находились кабинет и библиотека Шамиля. Над кабинетом была комната, в которой хранились «сокровища драгоценностей», т.е. казна мюридов. В это помещение мог заходить только сам имам со своим казначеем. В кабинете имама происходили совещания наибов, а в соседних помещениях имам производил суд и разбирал жалобы на наибов.

Резиденция Шамиля была связана с наибствами при помощи так называемой "летучей почты", которая шла в даже самые отдаленные аулы. Организована эта почта было следующим образом: по предъявлению бланка посланцу в каждом селении должны были дать свежего коня и проводника, продовольствие и ночлег. Курьеры в очень короткий срок преодолевали огромные расстояния. Хотя Шамиль пользовался неограниченным авторитетом, но его власть была отнюдь не деспотической. Как указывал Абдурахман, "все дела решались с общего совета из наибов и алимов. Голос имам не имел здесь решающего значения" (62). Имам излагал только сущность дела и высказывал свое мнение, а члены совета могли одобрить это мнение или оспорить его. Но имам нередко поступал вопреки мнения своих советников. Иначе говоря, главный совет имел права только совещательного учреждения при имаме. Совет собирался ежедневно, кроме пятниц. На каждый день недели были назначены дела определенных наибств. В субботу и воскресенье принимались просители и жалобщики.

Примечания

1. Кокиев Г.А. Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. // Исторические записки, 1938, N2. С.157.
2. Хетагуров Коста. Быт горных осетин. Сталинар, 1939.
3. Демелич Ф. Обычное право южных славян. М., 1878. (перевод В. Гецевича).
4. Греков Б.Д. Борьба Руси за создание своего государства. М., 1945. с.22.

5. Золотарев А. "Происхождение семьи, частной собственности и государства" Ф.Энгельса и современная наука // журнал "Историк-марксист. М., 1940, Кн.12, с.32.
6. Фадеев А.В. Краткий очерк истории Абхазии. 4.1. С древнейших времен до крестьянской реформы 1870 г. Сухуми, 1934, С.39.
7. Мартиросьян Г.С. Горная Ингушетия. Владикавказ, 1928;
Пчелин Е. Крепость Зильде Машиг// Советская этнография. 1934. кн.4.
8. Авалиани С.Л. Зависимые сословия на Северном Кавказе. Одесса, 1914, С.19.
9. Христианович В.П. Горная Ингушетия // Труды Северо-кавказской Ассоциации научно-исследовательских институтов. Ростов на Дону, 1928, Вып.2, С.74.
10. Крупнов Е.И. К истории Ингушетии.// Вестник древней истории. 1939, N22, С.88.
11. Ахриев Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ, 1875, Вып.8, С 89.
12. Сукиасян А.Г. Киликийское государство и судебник Смбата Спарапета (Гунстабля). М., 1949, С.136.
13. Манадьян Я.А. Краткий обзор истории древней Армении. 1943, С. 18.
14. Абуль-Гази-Бехадур-хан (перевод А.Туманского). Родословная туркмен. Ашхабад, 1897.
15. Там же. С.31-32
16. Толстов С.П. Очерки первоначально ислама// Советская этнография. 1932. N2
17. Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах// Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М., 1934, С.183.
18. Там же. 192.
19. Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя. СПб, 1908.
20. Неусыхин А.И. Общественный строй лангобардов в VI -VII вв.// Средние века. М.-Л. 1942, с.22.
21. Ковалевский М.М. Социология. М., 1910, Т.2, С.189

22. Кагаров Е.Г. Пережитки коммунизма в общественном строе древних греков и германцев. М.-Л., 1937, 4.1. С.26.
23. Удальцов А.Д. Родовой строй у древних германцев // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. Материалы Пленума Государственной Академии истории материальной культуры (20-22 июня 1933). М.-Л., 1934. Вып.103.С.31.
24. Мачабели С.В. Экономический быт Тионетского уезда Тифлисской губернии //Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1887, Т.5, С.386.
25. Ковалевский М.М. Закон и обычаи на Кавказе, м, 1890, Т.2, С.84
26. Ванети З. Индивидуализм и коллективизм в родовом быту осетин (общественный строй Осетии) // Известия осетинского Института краеведения, Орджоникидзе, 1926, Вып.2, С.408.
27. Там же.
28. Кокиев Г.А. Очерки по истории Осетии. Ч.1, 1926.
29. Долгат Б.К. Первобытная религия чеченцев. 1893, С.51.
30. Ковалевский М. Закон...Т.2, С.79.
31. Дубровин Н. Черкесы (Адыгэ). 1927. С.47.
32. Маркелов М.Т. Пережитки родового строя в современном быту удмуртов.// Советская этнография. 1931, N3-4.0.67.
33. Пфаф В. Народное право осетин. // ССК. 1871. Т.1, С.202.
34. Ковалевский М. Закон ..Т.2.. С.163-164.
35. Лилов А. Очерк быта кавказских горцев.// СМОПК. 1897 Вып.14, С.6.
36. Гурко-Кряжин В.А. Хевсуры// Новый Восток.1928.N20-21.
37. Там же С.291.
- 38.Чудинов В. Окончательное покорение Осетии// Кавказский сборник, Тифлис, 1889, Т.13. С.1.
39. Бушуев С. Дагестан и Чечня в период завоевания их царизмом.// Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940. Т.3, 4.1.,0.1801-1839.
40. Иваненков Н.С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области //Терский сборник, Вып.7, 1910,С.49.
41. Яковлев Н.Ф. Ингуши. М.-Л., 1926, 0.146.

42. Иваненков Н.С. Горные...С.71.
43. Максимов Е.Д. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Вып.3. Чеченцы. Владикавказ, 1894.
44. Леонтович Ф.И.Адаты кавказских горцев... Вып.2. С.183.
45. Вартапетов А.С. Проблемы родового строя ингушей и чеченцев.// Советская этнография, 1932. N4, С.65-67.
46. Лудаев У. Чеченское племя // ССКГ, 1872, Вып.6.
47. Ипполитов А.П. Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ, 1868, Вып.1.
48. Архиев Ч. Ингуши...
49. Там же.
50. Мартиросьян Г.К. История Ингушетии. Орджоникидзе, 1926.
51. Тугиков М.Л. Ингушетия. Владикавказ, 1926. С. 19-20
52. Крупное Е.И. К истории Ингушетии// Вестник древней истории. 1939,N8, С.89
53. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. 4.2. С.164.
54. Там же.
55. К.Бутаев отмечал, что "Чечня - отсталая во всех отношениях область, с начала революции была камнем преткновения всех советских мероприятий. Родовые условия быта, натуральное хозяйство, религиозный фанатизм, очень препятствовали развитию страны и давали возможность реакционно настроенным элементам тормозить строительство новой жизни. Если глава рода контрреволюционер, то весь род, вся фамилия его защищала. А руководителями рода в Чечне чаще всего были шейхи или влиятельные муллы. Поэтому там сочеталось родовое начало с фанатизмом религии. Этот комплекс социальных и идеологических паутин мешал горской бедноте реально, во всей полноте осознать свои кровные интересы. В 1921 г. в Чечне было даже восстание против советской власти, причем объявился мнимый внук Шамиля, некий Саид-бек, иностранный агент большое влияние имеет там до 1923 г., "Имам Узум-Хаджи". И, несмотря на то, что советская власть принимала всевозможные меры для улучшения жизненных условий в Чечне и поднятия культуры, чеченцы при временной оккупации немцев не проявили себя как советские патриоты. В значительной степени сказанное относится и к

Ингушетии, к Балкарии и Карачаю, где также были восстания против советской власти.

56. Грабовский Н.Ф. Привилегированные сословия Кабардинского округа в 1868 г. // ССКГ, 1870, Вып.3.

57. Грабовский Н.Ф. Привилегированные...

58. Кастильон Г. Письма виконта Г.Кастильона к Гизо, предисловие Бушуева С. // Историк-марксист, М., 1936 №5. С.116.

59. Кастильон Г. Письма..С. 118.

60. Бушуев С. Государственная система имамата Шамиля// Историк-марксист, М., 1937 №5-6. С.87.

61. Адбурахман. Воспоминания о Шамиле.// газета "Кавказ" 1862, № 74.

62. Абдурахман. Воспоминания о Шамиле//газета"Кавказ", 1862, № 72.

ГЛАВА III

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

ОСНОВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ У КАВКАЗСКИХ ГОРЦЕВ

В данной главе будет рассмотрено то, каким образом складывались и получали дальнейшее развитие основные юридические институты кавказских горцев. Несмотря на отмеченное выше чрезвычайное разнообразие уголовных и гражданских адатов народов Северного Кавказа, все же в их развитии можно найти общие черты.

Прежде всего племена Северного Кавказа можно разделить на занимавшихся только земледелием и скотоводством, с одной стороны, и занимавшихся также ремеслами и ведшими торговлю, с другой. Адаты, регулирующие имущественные отношения и ответственность за преступление, у этих народов неодинаковы. Во-вторых, надо все народы Северного Кавказа разделить на магометан и христиан. Как известно, ислам оказал огромное влияние на идеологию горцев. У магометан, находящихся на той же стадии общественного развития, как христиане, правосознание во многих отношениях иное, чем у последних. Так, юридические обычаи сван довольно отличаются от юридических обычае горских татар, хотя оба эти народа жили по соседству друг с другом и занимались почти исключительно скотоводством. С другой стороны, обычаи племен, исповедывающих одну и ту же религию и даже принадлежащих к одному и тому же народу, также не одинаковы. Деление по национально-религиозным признакам пересекалось с хозяйственно-производственным. Определяющим, основным фактор следует считать последнее деление. Мы изучаем уголовное и гражданское право горцев по группам, соответственно их социально-экономическому строю, и, затем, в каждой из этих групп постараемся выяснить различия, вызванные идеологическими влияниями вообще и религиозным, в частности.

В предыдущей главе было выяснено, что из всех горцев Кавказа, которые в наибольшей степени сохранили пережитки первобытно-общинного строя, являлись осетины, чеченцы и сваны. На их адатах мы прежде всего и остановимся. Осетины не создали на Кавказе никакой территориально - классовой, т.е. государственной власти. Они жили родами и все их внутриродовые споры и столкновения

разрешались старшими – отцами, дедами, и т.д. З. Ванети отмечал, что "во главе семейно-родовой общины стоит старейший из мужчин. Глава осетинской семейной общины соответствует "домачину" югославянской задруги, с той разницей, что последний – лицо выборное, тогда как у осетин глава занимает свое положение по праву старшинства в роде. Старейшина, которого называют "ке-хи-сау", т.е. "наш хозяин", или "не-хистер", т.е. "наш старший", руководит всеми делами общины, опираясь на принадлежащий громадный моральный авторитет. Уважение к старейшему и вообще к старшим – основное этическое и юридическое требование, предъявляемое младшим" (1). Насколько велико уважение к старшим и, особенно, к предкам, можно видеть из того, что некоторые ингуши, переселяемые после революции с бесплодных скал на плоскость, отказывались ехать, так как нельзя было, чтобы около могил предков никто не оставался. В.П. Христианович указывал, что "когда после революции из селения Кязи-Хамхинского общества выселились все жители, то это вынудило одного из стариков вернуться в горы. На наш вопрос о причинах возвращения в брошенное селение старик ответил: "Нельзя оставить могилы предков". Такого рода ответы давались нам в Пялинге, в Хамки и ряде других селений и от оставшихся одиночек" (2).

Без разрешения старейшего младшие не могли предпринять чего-либо более или менее серьезного как в делах, касающихся всего рода или семьи в целом, так и в своих личных делах. Вопреки мнению Фюстель-де-Куланже, будто первоначально была индивидуальная частная собственность, у осетин и других кавказских горцев, живущих родами, преобладает семейная собственность. Индивидуальная собственность у горцев существовала только на предметы личного обихода. У осетин собственностью родовой общины управлял старейший, который восседал на специальном традиционном кресле, служащим, по выражению З.Ванети, как бы внешним атрибутом его роли и напомнившим трон монарха. Наряду с этим старейшина возглавлял культ, вознося молитвы за столом и при жертвоприношениях. Таким образом, у осетин мы можем наблюдать неоднократно отмеченную социологами связь жреческих функций с общественной властью, связь, которая у мусульман видна была слабее. Тем не менее, управляя общиной, в важных вопросах старейший должен был считаться с

мнением младших и семейного совета. Как ни был велик авторитет главы семейной общины, все же ее внутренний порядок можно характеризовать выражением – семейный демократизм, с тем, однако, что в осетинском обществе отсутствовало выборное начало. Глава общины наравне с другими членами принимал участие в коллективном производстве до тех пор, пока он сохранял трудоспособность. Таким образом, у осетин мы не наблюдаем полного разделения функций организатора и производителя. В лице главы семейной общины эти функции были соединены. В сфере домашнего хозяйства, относящего к ведению женщин, роль, соответствующая старшему общины, принадлежала бабке, "афсин" (хозяйка), а после ее смерти – старшей из снох. Афсин также не избиралась, а получала свои полномочия в силу своего положения в семейной общине. Афсин обладала распорядительной властью по отношению к женщинам семейной общины. Остальные женщины должны были подчиняться ее указаниям и распоряжениям и действовать с ее разрешения.

В Осетии семейные общины до сих пор довольно велики. Некоторые из них, как например, Додте Джиеова до недавнего времени имела 60 человек, Гага Джусиева – 53 члена. В этом отношении осетинские семьи напоминают те большие "родовые семьи", о которых писал Е.Н.Мен(3). Но в отличие от исландских туземцев, воздвигавших большие дома на сто и более человек, осетинские семьи жили в сравнительно небольших саклях, которые строятся в одном дворе. В то время, как в Меланезии, Полинезии и на Суматре роды строили дома длиной до четверти английской мили, вмещающие до тысячи человек(4). Дома осетин не вмещали и 20 человек. У горцев можно было наблюдать большие дома, правда составленные из ряда маленьких саклей. Так, например, в ауле Тли около Мамисонского перевала в Осетии и в Шатиле и Ардоте в Хевсуретии и теперь можно видеть своего рода циклопические постройки, таким образом друг на друг нагроможденные, что крыша одной из них служила полом для другой(5). В горизонтальном направлении они соединялись разными ходами, лестницами, коридорами. Много таких построек в Дагестане, например, в Кубачах.

Неравенство родов и задруг перешло в классовую дифференциацию. Нормы, регулировавшие взаимоотношения между различными родами и их

членами, являлись предшественниками норм классового права. Нельзя думать, будто бесклассовое общество, не имевшее права, сразу сменилось классовым и мгновенно создало право. Процесс образования классов и права длился очень долго и проходил медленно. Постепенно по мере превращения родовых объединений в классовые и по мере распада родового строя, нормы родовые превращались в классовое право. Начало этого процесса можно проследить не только у осетин. Большое значение имеют семейно-родовые общины также у чеченцев. Подобным же образом были организованы семейные общины у картвельских племен. Например, пшавы и сваны доселе живут большими семьями, где по типу своему больше всего напоминают юго-славянские задруги. Так, в Сванетии, в селении Ленжеры мы встретили семью Гульдановых, состоящую более, чем из 50-ти человек. Подобно задруге семья пшавы имела не наследственного, а выборного главу. Выбор падал на того, кто умнее, трудолюбивее и нравственнее других, если эти качества встречались в старшем, то на него, в противном случае - на кого-нибудь из младших членов семьи. Семейный старшина, так называемый "мама-каци", в полном смысле являлся начальником над семьей. Даже ушедший на заработки родственник продолжал оставаться неотделенным членом семьи, участвовал в покрытии ее затрат, делился с нею заработком и во всем, что касается его хозяйственной деятельности, подчинялся руководству выбранного семьей "мама-каци". Работы между отдельными членами семьи распределялись ее главою, который вообще руководил всем хозяйством дома и заключает от имени семьи всякого рода сделки. Покупать и продавать без согласия "мама-каци" никто не был вправе. Возникающие в семье ссоры несогласия поступали на его разбирательство. При недовольстве старейшиной члены вправе были отрешить его от должности и производить затем новые выборы. Подобно тому, как в задруге или в большой великорусской семье наряду со старейшиной-мужчиной встречались и старейшина-женщина, так называемая "домачиха" или "большуха", так точно и в семье пшавов главенство ежегодно представлялось одной из невесток. Выборная невестка получала заведование домашним хозяйством. С одной стороны, она была экономкой в доме, а с другой - главой женщин в полном смысле этого слова. Она распределяла между ними

работы, разбирала их ссоры и несогласия, и в то же время стряпала на кухне и расходовала семейный запас.

Если сравнить описание семейной общины осетин, данное З.Ванети, с только что приведенным описанием семейной общины пшавов, данное М.М. Ковалевским, можно подумать, будто есть огромная разница между порядком занятия поста главы семейной общины у осетин, с одной стороны, и пшавов и южных славян, с другой. В то время, как у осетин главой семьи являлся старший по возрасту, у картвельских и славянских племен таковой выбирался из числа наиболее способных. З.Ванети указывал, что у осетин занятие поста старейшины общины происходило не так, как это было в древнеславянской задруге. Как нам представляется, такое противопоставление двух порядков является неправильным. Оно может служить одним из характерных примеров того, что нередко так называемая разница обычаев на самом деле является разницей в истолковании не одинаковых воззрений. Мы лично обследовали семейный строй различных горских народов и везде находили один и тот же порядок. Главой большой семьи обычно являлся старший, как наиболее опытный и уважаемый. Если же самый старый был дряхл и не умен, то он принужден был уступить власть более молодому, чем он, но все же старику. И лишь в редких случаях, когда в семье-роде появлялся не старый человек с выдающимися способностями, он становился ее главой. При этом никаких формальных собраний и голосований не существовало. Не было и сроков, на который выбирался горский "домачин".

Субъектами имущественных притязаний и обязанностей первоначально были не отдельные лица, а роды и затем большие семьи. Еще и теперь у горцев сохранилось много пережитков общности имущества и обязанности взаимопомощи, причем с переходом к оседлости территориальная община во многих отношениях получила функции родовой. Родственные отношения распространились прежде всего на отношение к соседям, поскольку соседство в деревне играло большую роль. У горцев соседственное право вытекало не только непосредственно из технико-хозяйственных удобств соседской взаимопомощи. Согласно адатам помощь соседям должна была быть всемерной. Сосед не должен был ничего абсолютно скрывать от своего

соседа. Браки между соседями не одобрялись. Они рассматривались почти как браки между родственниками. Соседи должны были между собой делиться едой. Если кто-либо, например, резал барана, то он должен был отделить для старшего соседа половину головы, как почетному родственнику. Если приезжал гость и хозяев дома нет, то соседи должны были принять его, как будто это был их гость. Если вспомнить, что по адатам гость являлся как бы временным родственником, то станет понятным, что и здесь мы имеем дело с пережитком родового строя. Если горец не мог исполнить какого-либо дела, как это требовал обычай, про него говорили: "неужели у него не было соседа... стыдно для его соседа, который не мог помочь ему".

Часто взаимопомощь распространялась на целый аул, который как мы показали выше, часто рассматривался, в качестве своего рода общины. Так, у горцев была распространена пахота целым аулом. В таких случаях работали по сигналу, которым являлся флаг. Когда флаг висел, все работали. Когда его снимали, то работы приостанавливались всеми сразу для принятия пищи. Когда флаг снова ставили, все должны были начинать работать. Если площадь, на которой работали, была столь велика, что один флаг не был виден всем, ставили несколько флагов, подчиненных одному старшему флагу(6). Коллектив должен был помогать беднякам, вдовам, сиротам. Для руководства пахотными работами выбирали старосту – тхамоду.

Из коллективного, или общественного имущества выделялось имущество жены, поскольку она, вступив в брак, считалась не вполне членом нового рода, в который попала. В Пшавии не только приданное и калым, но и заработок жены составляли отдельную от общесемейной собственность ее(7). Мы видим, что несмотря на родовую и позже семейную собственность, у горцев не было общности имущества супругов. Наоборот, именно из родового строя вытекала раздельность имущества, так как жена считалась окончательно потерявшей связи со своей прежней семьей. При экзогамии в одной и той же семье уже существовала раздельность имущества супругов. Но и остальные члены семьи имели каждый свое собственное отдельное имущество. Таковыми считались предметы личного обихода. Так, у кавказских горных армян личной собственностью считались платья членов семьи, оружие

каждого, наряды и сундуки женщин, приданное невесток. В некоторых местах к этой категории имущества причисляли лошадь старшего сына наследователя. Помимо этого, в Ахалкалахском уезде личной собственностью считался капитал невесты, образовавшийся от продажи подарков, сделанных ей во время обручения и свадьбы, и денежных подарков (8).

У горцев Северного Кавказа подобные обычаи встречались повсеместно. У скотоводческих народов первым из предметов частного-хозяйственного оборота являлись рабы и скот. Рабы – это большей части пленники. Самым распространенным объектом гражданско-правовых сделок был скот. Весь расчет, все таксы тарифов и выкупов у горцев до недавнего времени выражались не в денежных, а в коровьих единицах. Всякий долг переводился по стоимости в число коровьих единиц и затем проценты высчитывались ко времени, когда коровы телятся, т.е. к весне. Подобный же счет процентов можно было наблюдать до последнего времени в глухом вайнахском ущелье Малхиста. Здесь еще десять лет тому назад были так называемые "бараньи проценты", "ватулла", т.е. прирост данного займа капитала определялся размером обычного приплода баранов в той местности. Если один житель Малхиста взял у другого 10 баранов, то через год он обязан был отдать 10 баранов и 10 ягнят. Через два года – 20 баранов и 20 ягнят, а через три года – 40 баранов и 40 ягнят (9).

У многих горцев не было четкой разницы между займом и ссудой. Так, по осетинскому и кабардинскому адатам "если взятые займы бараны в продолжении первого года падут, то заимодавец теряет своих баранов", т.е. здесь дача баранов рассматривается как ссуда, хотя и называется займом. Право собственности на баранов остается у заимодавца и потому риск гибели лежит на нем. "Если же бараны переживут первый год, то заимодавец непременно после должен получить по крайней мере то число баранов, какое он отдал, даже в том случае, если все бараны погибли и у должника никаких баранов нет. В таком случае должник расплачивается понемногу с заимодавцем до тех пор, пока не получит полного числа данного им займа баранов" (10). Таким образом, через год после передачи баранов они переходили в собственность должнику, ссуда превращалась в заем, отличительным признаком которого, как известно, являлся переход

имущества в собственность должника, который был обязан впоследствии возвратить не это имущество, а его эквивалент.

Обращаясь к вопросу о древнейших формах поземельной собственности, необходимо прежде всего отметить, что поданному вопросу существует три различные точки зрения. Фюстель-де-Куланж и так называемые "романисты" полагают, что будто первоначальное землевладение было частно-подворным. Наоборот, "германисты", например, Георг Маурер, считали исходным общинное землевладение. К.М.Тахтарев полагал, что "первоначальное вольно - захватное землепользование, происходящее внутри племенной или родовой области, имеет весьма неопределенный характер. Строго говоря, его нельзя назвать ни частно-наследственными, ни сельско-общинным, так как первоначальная частная собственность на землю бывает в это время так де неразвита, как и общинное землевладение". Затем в зависимости от местных земельных условий (количества и качества земли) развивается у одних народов сперва общинное землевладение, а у других - частное(11). Кавказский материал дает основания признать правильной общинную теорию. Таким образом, дома и приусадебные участки уже являлись семейной собственностью. Наконец, хотя пахотная земля осталась общинной собственностью, она периодически переделывалась между членами сельской общины, так что каждый землевладелец обрабатывал за свой счет назначенные ему поля и присваивал себе лично плоды этой обработки. Напротив, в более древних общинах хозяйство велось сообща, а распределялись только продукты.

Кавказский материал дает все основания считать источником семейно-индивидуальной собственности только заимку. Никаких чисто религиозных источников создания такой собственности, на которых настаивал Фюстель-де-Куланж, на Кавказе мы не встречаем. Семейно-индивидуальная собственность родилась в процессе хозяйствования. Основанием ей была расчистка участков от деревьев и камней, а также нанесение земли на скалы. Она возникла из трудовой заимки, причем первоначально эта заимка давала право только на владение, пока участком пользуешься. К.М.Тахтарев указывал, что "первоначальное захватное землепользование было своего рода условным владением, основанном на трудовом начале захватного

права. Сущность его заключалась в следующем: кто первый захватил данный земельный участок и пользуется им, тот и владеет им, пока им пользуется; кто перестал пользоваться захваченным участком, тот теряет свои права на него. Захваты же участков происходили при этом, конечно, не отдельными лицами, а большими многолюдными семейными общинами, которые первоначально являются мельчайшими хозяйственными единицами данного рода и могут захватывать земли в границах области, занимаемой данным родом, находящиеся в ведении общего схода полноправных родичей" (12).

Основные начала захватно-общинного и захватно-частного землевладения отчетливо сформулировал Н.Харузин. Он указывал, что в основе этого процесса лежат четыре принципа: 1. Община родовая, или сельская считала себя собственником захваченной ею тем или другим путем территории, 2. В пределах этой территории она разрешала отдельным лицам или хозяйствам право индивидуального владения на отдельные участки, если на проведение их в культурное состояние был затрачен известный труд, 3. Право заимок распространялось только на уголья, не нужные общине, как целому, 4. Право заимок приводило только к праву владения более или менее долговременному и обеспеченному гласным, или молчаливым согласием собственника земли, т.е. родовой или сельской общины. Так как один труд обеспечивал за лицом, или семьей право владения на участок, то право заимок не распространялось на уголья, заимка которых и эксплуатация не требовала труда по проведению участка в культурное состояние. При самом широком применении заимочного права, леса, покосы и пастбища продолжали находиться в общем пользовании, и на них право индивидуального владения распространилось крайне поздно. Пока свободных земель на Кавказе было много, заимки происходили почти совершенно свободно под единственным условием, чтобы они делались, не выходя из границ данной родовой или поземельной общины. Как указывал К.М. Тахтарев, "с уменьшением количества свободных удобных земель и с началом некоторого земельного стеснения, право свободного захвата земли и тут начало ограничиваться и обуславливаться согласием общины" (13). Произвольная заимка, произведенная на общинной земле какого-нибудь аула, могла быть отнята, сделанная на ней городьба и строения

разрушены, срубленные деревья присвоены общиной. Такие случаи нередко бывали у осетин, кабардинцев, ингушей и других кавказских народностей.

На Кавказе четко прослеживается развитие индивидуального землевладения из трудовой заимки. Мы видим переплетение общности владения, основанного на кровном родстве с общностью владения, основанного на соседстве. Аульное и ущельное право переплеталось с родовым. Это переплетение показывало зарождение, наряду с родовой организацией, территориальной, классовой, а последняя, как известно, являлась зародышем государства. Кроме общей собственности существовала и индивидуально-семейная собственность на пахотные участки, но эта последняя сохраняла пережитки родовой собственности. Так, при продаже или сдаче в аренду частновладельческих участков сородичи имели преимущественное право приобрести данный участок. При переходе к земледелию постепенно образовалась частная собственность и на землю. Из общеродового имущества стали выделяться пахотные участки, которые расчищались и возделывались трудом отдельных семей. Старозаимочные участки стали принадлежать семьям на правах отдельной от общинной собственности.

Скот долгое время являлся родовой, позже патронильной и задружной собственностью. Родовые гербы – тавро были в то же время и знаками собственности на скот. Как отмечал В.П.Пожидаев, "всякий гость, посетив где-либо в дальнем ауле своего кунака, почитал своею обязанностью и актом вежливости, оставить своего рода визитную карточку – вырезать на дверях кунацкой на память о себе свое родовое тавро. Двери кунацкой обычно от верха до низа был исцарапаны названными таврами. При перестройке кунацких двери перевешивались со старых кунацких" (14).

Кроме собственности родовой, семейной и индивидуальной у горцев можно было видеть и зарождение понятия "собственности юридического лица". Оно имело религиозное происхождение. У хевсур были земли, посвященные родовому культу, родовому образу ("хати"). С.В.Мачабели указывал, что каждый хевсур называл себя рабом или крепостным того или другого святого, в частности того, культа которого придерживался его род. Члены рода были вместе с тем и члены особого союза. Члены этого союза носили название "

могандзури" ("хранитель имущества"). "Могандзури" имели построенные на общие средства своих членов молельни (капища) в честь родового бога, называемого ими "сотемо-хоти". Каждая молельня, "капище", имела богатое имущество, движимое и недвижимое, называемое "сахато" ("имущество образа"). К недвижимой собственности "сахато" относились все постройки молелен. Не было ни одной молельни, которая не имела бы пахотных земель и земельных угодий, называемых "сахато-мицеби" ("землями образа"). У магометан подобными церковными имуществам являлись вакуфы. Горцами было магометанское правосознание от народов, которые перешли от применения скотоводства и примитивного земледелия к торговле, и у которых в то же время сохранились пережитки родового строя.

У горцев Северного Кавказа было натуральное хозяйство, в котором земля состояла в совместном обладании всего рода, поэтому гражданско-правовые сделки были очень редким явлением. Каждое хозяйство являлось тем, что в современной политической экономике называется замкнутым домашним хозяйством. Имущественный обмен был чрезвычайно редким явлением. *Консесуальные договоры*, т.е. договоры, основанные на объявлении совпадения воли сторон, совершенно отсутствовали в системе обычного права пшавов, хевсур и других кавказских горцев, не затронутых влиянием ислама. У кабардинцев имелись также "реальные договоры", т.е. такие, при которых передавалась сам вещь, о которой заключалось соглашение. Существовали также *формальные договоры*, требовавшие совершения известных символических действий. Среди этих последних наиболее распространенным было рукобитье. Этот обычай был широко распространен у кабардинцев. Кроме рукобития способом заключения договора являлась также присяга. Существовали специальные формы для заключения некоторого рода сделок. Так, на память о состоявшейся между двумя селениями или сторонами сделке во дворе капища становился камень. При заключении договора займа кредитор брал за ухо присутствующих при сделке одного-двух свидетелей и говорил: "Помните, что такой-то занял у меня деньги". М.М.Ковалевский сравнивал этот обычай с обычаем, бытовавшим в Штирии, давать пощечины для памяти своим детям при восстановлении спорной межи и обычаем, бытовавшим у великорусских крестьян, сечь

мальчиков на границе земельных участков только что вышедших из спора.

При отчуждении земельной собственности обычай требовал, чтобы продавец и покупатель вышли на отчуждаемое поле. На нем в присутствии свидетелей происходило нечто вроде русского дореволюционного вклада во владение. Без этого вклада во владение продажа не считалась действительной. Иначе говоря, договор купли-продажи недвижимости не считался у них способом передачи права собственности, а признавался только соглашением о будущей передаче этого права собственности. Эта передача должна была осуществляться особо.

Из других гражданско-правовых обычаев народов Северного Кавказа следует отметить следующий: те горцы, у кого имелось потомство, не вправе были никому ничего дарить. В данной алате не трудно видеть пережиток родового обычая, проявление взгляда на все имущество, кому бы из членов оно ни принадлежало, в конечном счете как на семейно-родовое. Указанное запрещение дарить не распространялось на движимые вещи, которые с давних пор находились в личном обладании членов семьи. У кабардинцев подобного запрещения не существовало. Согласно шариау при жизни можно было дарить кому угодно и что угодно. Однако широкое применение дарения на случай смерти очень нарушало интересы семьи и рода, а потому с ним усиленно боролись.

У всех северокавказских народов при отчуждении земли или при сдаче в аренду соблюдалось право преимущественной покупки родственниками и соседями. Продавец, прежде чем отчуждать участок посторонним, должен был предложить купить его сперва членами своего рода, а затем членам своего селения, и лишь, в случае отказа тех и других купить этот участок, горец мог продать его постороннему покупателю. Тем не менее, как подчеркивал М.М. Ковалевский, раз отчужденный участок не мог уже вернуться в род продавца в силу так называемого родового выкупа. Однако, у кабардинцев существовало право последующего выкупа родового имущества, как это мы сами имели возможность наблюдать в 1916 г. в Заромаге.

Среди других гражданско-правовых сделок наибольшее распространение имел заем. Выше мы уже писали об исчислении сделок по адатам карачаевцев. Особенно высоки были проценты на данный в займы капитал у картвельских племен, поскольку у них была сильная имущественная дифференциация. Так, в хевсурском ауле Шатиле наиболее зажиточный хозяин имел 22 коровы, а самый бедный только лишь две, т.е. в 11 раз меньше. У хевсуров пастбища и сенокосы принадлежали всему обществу. Каждый мог пользоваться ими сколько ему нужно. Сенокосные участки переделались ежегодно: один раз далеко от села, другой раз - близко. Также поступали с пахотными участками. Вся общественная земля была поделена на мелкие участки и каждый род получал земельные участки в разных местах. В Хевсуретии землю можно было продать или сдать в пользование. Однако продавали редко. Батрачества и эмиграции в Хевсуретии не было.

Кроме займов на проценты у кабардинцев существовала еще беспроцентная ссуда под залог имущества. Кредитор обычно пользовался данным ему должником имуществом и доходом от этого последнего. У картвельских племен такой договор назывался "гирау". Невозвращение в срок взятого в долг или на хранение горцы рассматривали, как кражу и требовали от просроченного платежа двух или даже трехкратной стоимости задержанного имущества.

Вообще, как мы увидим ниже, у горцев гражданское право сливалось с уголовным. Уголовные преступления часто влекли за собой чисто имущественную ответственность, а гражданские правонарушения - уголовно-правовую санкцию. Многие уголовно-правовые, с нашей с точки зрения, деяния отнюдь не считались позорными. Так, например, жители Алагирского ущелья почитали особое божество воров и разбойников Саубарега. Перед тем, как отправиться на хищничество осетин приносил этому покровителю легкой наживы умиловительные жертвы и верил, будто Саубарег сопровождал его на черном коне и указывал безопаснейшую дорогу (15).

Всем горцам Северного Кавказа был известен личный и имущественный наем. Особенность личного найма, вытекавшего из натурального хозяйства, состояла в том, что хозяин не только

кормил нанявшегося, но одевал и обувал его. Нанявшийся рассматривался как временный младший член семейно - родовой общины. За его незаконные действия отвечал хозяин, как за проступок сородича. В этом нетрудно увидеть пережиток родового строя, когда в каждой общине могли быть только ее члены. В случае смерти нанявшегося человека согласно некоторым адатам хозяин наследовал его имущество.

Чрезвычайно своеобразными были договоры с пастухами о присмотре за скотом. Получивший стадо овец или коров обыкновенно присоединял его к своему собственному и пользовался всеми молочными продуктами от всех животных, которых он пас. Это объяснялось трудностью сохранять и перевозить молочные продукты и запрещением торговать молоком. До недавнего времени у некоторых горцев, например, у вайнахов, считалось недопустимым продавать молоко. Этот адат очень мешал развивать сыроварение. Постепенно он изжился. Приплод шел хозяину скота.

У горцев Северного Кавказа, имевших пахотные участки и сдававших их в аренду, оплата производилась также натурой, как и всякая оплата вообще. Получив урожай, арендатор обыкновенно вычитал из него семена, а остальное делил поровну с землевладельцем. Такая натуральная оплата была очень распространена среди терских и кубанских казаков. Она, помимо всего остального, обуславливалась тем, что на Кавказе и Предкавказье урожаи были крайне неравномерны и потому арендатор не мог заранее поручиться уплатить какую-либо определенную, более или менее значительную сумму. С другой стороны, в случае хорошего урожая землевладелец был заинтересован получить побольше. В дореволюционное время земледелие носило "лотерейный" характер и считалось, что как арендатор, так и землевладелец должны участвовать в этой "лотерее". Аренда земли незаметным образом иногда переходила в наем работника: в этом случае арендатор кроме земли получал инвентарь, семена и должен был уплатить собственнику более двух третей урожая. В 1910-1915-е г. мы имели возможность наблюдать подобные сделки в адыгейских аулах -Тахтамукай, Хакуринохабль, Понежукай и др.

Под понятие "*товарищеского договора*" можно подвести раздел добычи между охотниками. Шкура и голова доставались обычно тому, кто убил, мясо делилось поровну между всеми участниками охоты. К числу известных кабардинцам договоров можно отнести и доверенность, даваемую также путем рукобития. Доверитель не отвечал за действия доверенного, выходящие за пределы данного ему полномочия; при заключении разного род договоров допускалась солидарная ответственность доверителя и поверенного.

У горцев Северного Кавказа существовал договор передачи прав. Так, в Кабарде кредитор мог уступить за известное вознаграждение свое требование за просроченный долг, причем правопреемник мог обратить в свою пользу все штрафы и проценты за просрочку платежа, которые были высокими. Штрафы с неаккуратного плательщика взыскивались как с вора(16). Своеобразным способом обеспечения данного займа было у горцев запрещение должнику выдавать замуж дочерей и получать калым до тех пор, пока не будет погашен долг. Такой обычай существовал у вайнахов(17).

Переходя от вещного и обязательственного права к наследственному, прежде всего необходимо подчеркнуть, что у кавказских горцев, как вообще у народов, у которых семейно-родовая община еще не разложилась, очень отрицательно относились к передаче имуществе не члену рода. Все исследователи обычного семейного права подчеркивают, что завешание у крестьян было ни чем иным, как прижизненным разделом на случай смерти имущества между членами двора(18).

Опишем порядок наследования, наблюдаемый нами в экспедиции в Кабарде в 1927 г. Вдова, отстающая в доме покойного, получала от его наследников полное содержание. Если же она возвращалась к своим родным или выходила замуж, она получала выдел как при разводе, т.е. по одной корове за каждый год, проведенный в супружестве, не считая первых двух лет, за которые она не получала ничего. При разделе имущества между взрослыми братьями, желающими выделиться из общего хозяйства, выделялась прежде всего та часть имущества, которая предназначалась для содержания родителей и незамужних сестер. Означенное имущество передавалось тому брату, с которым родители оставались жить. При этом, если недвижимое

имущество отдавалось на содержание родителей и сестер, то после смерти обоих родителей и выдачи сестре замуж оно поступало в раздел между братьями. Движимое имущество, отданное на содержание стариков и незамужних сестер, оставалось в пользу брата, который содержал их. При разделе имущества устанавливалась известная часть, необходимая для женитьбы холостых братьев. Остальное имущество делилось между братьями. Затем запасы хлеба обычно делились поровну между братьями. Корм для скота делился пропорционально тому, у кого сколько скота. Оружие умершего отца обыкновенно отдавалось старшему брату сверх его доли. Отцовский дом обыкновенно доставался тому из братьев, у кого на содержании были старики, или, старшему брату, если старшему брату раздела не было.

Рассмотрим степень влияния шариата на кабардинское имущественное право. В Коране получила яркое отражение идеология родового строя, в нем можно найти ряд таких положений, которые у горцев, несомненно, сложились еще до принятия ими ислама. Так, правило, по которому впервые обработанный кем-либо участок земли становился собственностью возделывателя, искони было известно туземному населению Армении, откуда оно и проникло в юридические трактаты различных мусульманских школ (и шиитов, и суннитов) (19). Отсюда, конечно, не следовало, будто горцы заимствовали указанное правило из Корана. Как мы видели выше, заимочное право, т.е. "ахо", существовало и у картвельских племен, не принявших ислама. Или возьмем другой пример – клятва "хатун-талах" (или "кебин-талах"), т.е. клятва женою и обязательство, в случае лжеприсяги, развестись с женой. У кавказских горцев эта клятва старшему брату установлена самостоятельно. Она была основана на хозяйственных соображениях, на неустойке, каковой в случае дачи ложной клятвы являлась потеря калыма. Можно найти много правил кровной мести в Коране, например в XVIII-й суре. Но это не означает, что кровная месть была введена магометанским учением. Она была принадлежностью родового строя. В исламе же идеология родового строя получила довольно яркое выражение. Рассмотрим право предпочтительной покупки земли родственниками и выкуп ими поступавшей уже в продажу недвижимой собственности, предусмотренные Кораном. Оно

существовало у всех народов, где сохранялись пережитки родового строя. Как указывал М.М. Ковалевский, это право можно наблюдать у сванетов, пшавов, хевсур, т.е. не магометанских горцев. Несомненно, основная масса адатов была домагометанского происхождения и Коран только подтвердил их, и отчасти – видоизменил. Между тем с рядом старых обычаев, Коран ничего не мог поделать. Так, например, барантование было решительно запрещено Кораном. И тем не менее оно было очень распространено у горцев. Не везде исламу удалось утвердить понятие вины и ответственности, основанной на проявлении злой воли. Думается, что у черкесов и у дагестанцев общественно-правовые отношения сложились не благодаря идеологии ислама, а вопреки. Идеология ислама была усвоена благодаря тому, что она соответствовала сложившимся полупатриархальным – полуфеодальным отношениям. Сказанное особенно можно подтвердить ссылкой на черкесов, которые перешли в мусульманство лишь в XVII в., а общественный строй их сложился значительно раньше. Виды гражданско-правовых сделок и уголовно – правовых наказаний у черкесов были гораздо разнообразнее, чем это имело место в Коране.

Решающую роль в развитии гражданско-правовых идей играли и продолжают играть условия производства. Кубачинцы – ювелиры, имеющие дело с драгоценными металлами и принимающие заказы на изготовление изящных вещей, конечно не могли вести счет на коров и ограничиться теми видами сделок, которые были известны примитивным скотоводам. Но и среди дагестанцев шариатское право не вытеснило окончательно адата, несмотря на все попытки фанатиков исламизма (20). У многочисленных народов Дагестана юридические обычаи более или менее одинаковые, что, конечно, объясняется, прежде всего одинаковостью условий их жизни. Право этих народов в то же время значительно разнится от права других кавказских горцев. (Это вытекало из того, что у них в отличие от всех остальных народов Северного Кавказа, была не экзогамия, а эндогамия. Дагестанцы считали что в брак можно вступать исключительно с женщинами собственного рода, в то время, как среди остальных кавказских горцев господствовало убеждение, что можно было вступать в брак только с женщинами из других родов. Эндогамия создала совершенно другие внутрисемейные отношения, чем экзогамия.

В условиях замкнутого семейно-родового хозяйства вся главная масса правоотношений регулировалась семейным правом. Все вытекало из него. Выше мы видели, что осетины, сванеты, пшавы, тушины, черкесы и другие горцы, у которых с давних времен существовала экзогамия, знали раздельность имущества супругов и что эта раздельность основывалась на том, что когнаты скрывали интересы жены от мужа и его родственников.

Уголовное право народов Кавказа. Отметим, что первоначально горцы не знали деления между гражданско-правовыми и уголовные воззрениями. Так, невозвращение долга во время рассматривалось ими как кража, точнее говоря, это было даже хуже открытого разбоя, который по отношению к членам другого аула и другого родового союза считался удальской доблестью. Отбить считалось доблестнее, чем выторговать у горцев, у которых еще не развилась торговля. В краже и убийстве и подобных преступлениях горцы не видели нарушения интересов того или иного общественно – территориального союза в целом, а считали это частным делом кровников(21). Мстить за уголовное преступление могли и должны были, по воззрениям, только родственники пострадавшего и он сам, если оставался жив. В целом, понятия индивидуальной вины, в частности, понятия проявления злой воли отдельного лица, первоначально не было(22). Искали не действительного виновника, а жертву искупления. В течении долгого времени идея вины заменялась идеей причинения вреда без вины и даже идеей формально установленной ответственности, причем последнюю нес не только виновник, а и его родичи. Тем не менее у адыгов понятие вины уже существовало. "Когда кто-либо делал нападение вооруженной рукой без всякого к тому законного повода, и при этом был убит тем на кого сделано нападение, то таковой убийца не подвергался ответственности, если действительно доказывал, что убитый не имел права напасть на него. Если кто входил в чужой дом с предосудительной целью и был убит хозяином дома или его родственником, то убийца не подвергался ответственности. За неосторожное убийство взималась половина платы" и т.д(23).

Первоначально мстить должны были не только родственники по мужской линии, но и родственники по женской линии. В этом

несомненно пережитки матриархата. И теперь у наиболее отсталых горских племен можно найти эти пережитки обязанности мстить и для родичей по женской линии. Так, у хевсуров, право и обязанность мстить по отцовской линии распространялась до пятого колена. Но и материнская линия принимала участие в расплате, хотя и в довольно оригинальной форме: ближайшие родственники по материнской линии лазили на крышу кровников, ломали сакли, облупливали глину, выбивали камни и т.д., требуя выкуп.

По мере того, как наряду с родовой организацией создавалась территориальная, кровная месть стала носить не только междуродовой, но и междутерриториальный характер. По мере создания феодальной власти вводились новые порядки: совершивший преступление уже должен был не только удовлетворить род потерпевшего, но и заплатить штраф в пользу князя.

У кабардинцев кроме преступления перед другим родом, которое отнюдь не считались чем-то предосудительным с точки зрения своего клана, было понятие преступления вообще, преступных действий самих по себе, как таковых. Из этого понятия в значительной мере и родилась идея уголовной вины, как вины моральной, тогда как из понятия первого рода преступлений родилась идея гражданско-правовой ответственности. Но и первая, и вторая из упомянутых здесь ответственности были коллективными. За безбожие, безнравственные поступки одного члена рода по понятиям того времени нес вину весь род.

Как позорные и уголовные помимо религиозных преступлений у горцев рассматривались все преступления против нравственных устоев и гражданского порядка. Остальные же правонарушения карались менее строго. Они не считались греховными. У дагестанцев и кабардинцев в отличие от осетин и чеченцев, убийство, нанесение ран, поджог и изнасилование рассматривалось не только как преступление по отношению к пострадавшему роду, но и как преступление по отношению к аулу и князю. Наряду с кровной местью вводилась и высылка на определенный срок, а также заключение в княжеском подвале (24).

В кодифицированных адатах Шамахальства Тарковского и княжества Мехтулинского мы видим уже сложную систему уголовно - правовых репрессий. Преступления делились на квалифицированные и

обыкновенные, принималось во внимание, совершены ли они со злым умыслом или по неосторожности, или случайно. Убийствами с отягчающими обстоятельствами являлись по подкупу, или из-за засады, в мечети, ночью и пр. Эти убийцы назывались "караках". Родственники убийцы не подлежали мщению, и изгонялись на определенный срок из селения. Они назывались "мал-канлы", в отличие от "ба - канлы", т.е. человеку, которому собственно и должны были мстить. Как нам представляется, идея вины и вменяемости была усвоена горцами под влиянием Корана.

В Дагестане собственник животных наказывался за вред, причиненный ими, если он не принял должных мер предосторожности. Опекун отвечает за преступления подопечного, если последний совершил их вследствие недостаточной бдительности первого. По учению Новови, принятому в Дагестане, не влекло мести убийство, совершенное в состоянии необходимой обороны. Постепенно вводился целый ряд новых понятий преступлений, как например, измена, отступление от веры, скотоложство и т.д. Шамиль и Шейх Мансур очень упрочили понятие государственных и религиозных преступлений. Репрессии из родового террора и стремления получить возмещение убытков превратились в воздаяние злом за зло, в возмездие. Идея старого завета - око за око, зуб за зуб, воспринятая Кораном из библии, заменила у кабардинцев и дагестанцев идею, сохранившуюся в чистом виде у осетин, родового террора и материального возмещения убытков. Уголовное право начинало противопоставляться гражданскому. Однако окончательное различие между ними произошло только после установления государственной власти. Таким образом, у кавказских горцев мы можем наблюдать все ступени развития кровной мести и замены ее выкупом, а также зарождение публично-правового наказания. Так, в аулах Андийского округа ко времени завоевания русскими Кавказа все семейство убийцы попадало в "канлы". В магалах Ганк, Ганш и Мюра, в верхнем Кайтаге, в Северной Табасарани кровомщение распространялось только на трех лиц, а в Ма-гале Гамринском - только на самого виновного (25).

Сторонники шариата, проповедники ислама были противниками широкого применения кровной мести. Они стремились заменить ее

"кесосом", т.е. наказанием по принципу око за око, зуб за зуб.

"Кровомщение допускается

только между лицами одного сословия. На этом основании бек, убивший узденя незначительного рода (тохума), подвергается только изгнанию на короткий срок, три месяца), по истечении которого родственники убитого обязаны за определенное вознаграждение, с ним примириться" (26).

Помимо понятия преступлений против жизни, телесной неприкосновенности, имущественных преступлений у горцев было понятие преступлений против чести. Оскорблением чести считалось: 1) обнять, целовать девушку или женщину, снять платок с головы девушки или даже дотронуться до девушки или вдовы, 2) если кто во время драки бросился за спасающимся и вбежит в чужой двор, 3) отрезать хвост у чужой лошади, 4) если кто убивал чужую собаку. За бесчестие полагался выкуп, извинения и так называемое "делание чести", заключающееся в том, что виновный с почетными людьми приходил к обиженному, приносил ему подарки, просил прощения, выставлял угощение. За разные виды преступлений против чести полагались различные наказания. За тяжелые нарушения женской чести считалось некрасивым брать выкупную плату. Надо было кровью смыть оскорбление. За менее тяжкие оскорбления можно было ограничиться принятием выкупа. За самовольный вход во время преследования врага в чужой двор достаточно было "сделать честь", т.е. придти с почетными стариками к обиженному, угостить его и извиниться перед ним.

Гораздо строже, чем за нарушение "честь двора", каралось нарушение "честь сакли". У кавказских горцев сакля - вещь священная, всегда открыта, и летом и зимой, готовая приютить гостя. Обычай за оскорбление сакли имел некоторые особенности: при взыскании за бесчестие хозяина, смотря по тому, какая часть сакли оскорблена (кражей и т.п.). За бесчестие отделения сакли от середины столба к дверям, или, как говорили кавказцы, "ниже столба", полагалась плата "уст-дери" в честь оскорбленного хозяина в пять коров (тельных). За бесчестие сакли от столба к окну, т.е. выше столба, платилось двенадцать коров "уст-дери". За снятие оружия со столба та же плата за бесчестие.

Самой величайшей личной обидой считался удар плетью. Это вполне аналогично тому, как по древне-русскому праву, за синюю рану (удар) платили больший выкуп, чем за красную (поранение).

С начала XIX в. были введены штрафы за нарушение женской чести и свободы. По кабардинским народным условиям 1887 г., "княжеских, узденских и вольных дочерей насильно не брать, как было прежде, кто какую хорошую девку заметил, мог самовольно брать самым разбоем за что происходили, кроме ссоры, убийства, и кто насильно взял девку, тот только платил калым родственникам. Это отменено с тем, что, без согласия родственников и без венчания муллы своего аула, никто ни у кого девку взять не вправе, а кто, в противность этому возьмет девку буйством, тот подвергается штрафу 100 руб. серебром, а если посторонний муж смешается, штраф 30 рублей серебром". "За увоз девушек по шариату полагалось битье палками без различия сословий. Но применялось это только к низшему классу. За изнасилование замужней гораздо более строгое наказание (смерть), чем за изнасилование девушки, или вдовы. Если девушка высшего сословия изнасилована представителем низшего, то его убивают, если он не уезжает далеко". Таким образом, у горцев можно было наблюдать зарождение различия между гражданско-правовым требованием вознаградить за ущерб и уголовно-правовым наказанием. Так, например, в Михакинском и Урахлинском обществах за умышленное поранение штраф не взыскивался, следовало сделать удовлетворение потерпевшему, как и при умышленном поранении²⁷. У горцев можно было наблюдать, как месть из родовой становилась обязанностью перед соседями и одноаульцами, переплетаясь с общественным возмездием. Так, в селении Оглы состоялась казнь женщины. Толпа односельчан заставила мужа убить свою любимую жену за то, что она враждуя с его старой женой, задушила ее сына. Муж не хотел убивать виновницу, но толпа поставила перед ним требование: "или ты застрелишь, или мы замучаем ее" (28). Особенно жестоко толпа карала поджигателей. Таким образом, наряду с родовым и княжеским было и народное возмездие. Согласно адатам Самурского округа, поджигатель не только должен был возместить убытки, но и быть изгнан из общества.

У черкесов существовали следующие виды преступлений: "1) восстание раба против своего господина, неповиновение и бегство его, 2) нарушение правил гостеприимства, 3) нарушение супружеской верности женщинами, 4) воровство у своей семьи и у ближайших соседей, 5) поступки трусости, 6) убийство вообще и отцеубийство, 7) измена народу. Все прочие действия, относящиеся до нарушения чести, личной неприкосновенности, безопасности свободы каждого, до нарушения прав собственности и общественного спокойствия, не подходит у них под понятие о преступлениях и принадлежит к праву сильного и встречают препятствия только в силу оружия противника" (29). Иначе говоря, у черкесов качестве общественно наказуемых деяний можно выделить семь видов преступлений. До некоторой степени ответственность переносилась на подозрительных людей.

В Чечне мы встречали такой обычай: замеченные в воровстве и других уголовных преступлениях, по постановлению схода объявлялись подозрительными и на них возлагалась солидарная ответственность за всякое преступление в ауле, если виновник такового не найден. Считалось, что кому же как не подозрительному совершить это преступлений и что подозрительные должны были быть в курсе всех злодеяний, совершаемых в данном округе. Вследствие неорганизованности сыскного и обвинительного аппарата преступника искали по теории вероятности среди подозрительных, на которых возлагалась круговая порука.

К вышесказанному можно добавить еще восьмой вид преступлений - нанесение ранений и причинение увечья. При этом раны и увечья делились на четыре разряда: 1) лишение и повреждение двух членов и черепа, каралось полной платой за кровь, как за убийство, 2) лишение одного члена организма руки, ноги, каралось половиной платой за кровь, 3) причинение расстройства здоровья без нанесения увечья также каралось половиной платой за кровь, 4) нанесение ран без расстройства здоровья каралось четвертой частью уплаты за кровь. Во всех случаях виновный должен был выставить примирительное угощение.

Наказания за преступления против лиц разных сословий не были одинаковыми. Это вытекало уже из того, что плата за кровь членов

разных сословий была далеко не одинаковой. Виновный в нанесении раны или убийства князю не мог оставаться на родине и должен был эмигрировать. Если князь оказывался раненым ночью "на воровстве", или же при совершении прелюбодеянии, то нанесший ему рану за это не отвечал.

Самым предосудительным преступлением у всех горцев Северного Кавказа считается поджог. Виновный подвергался уплате двойной стоимости сгоревшего и лишался права голоса на общественных сходках и не допускался в качестве поручителя и свидетеля, становился *intestus*. Даже в отношении своих злейших врагов горцы не допускали "красного петуха", не поджигали они и русских станиц, хотя царские войска часто жгли аулы.

У горцев, у которых сложился феодальный строй, каралась женитьба на женщине более высшего сословия, чем жених. Женитьба на женщине низшего сословия допускалась. Позволивший себе взять в жены девушку высшего сословия карался отобранием жены, которая по адату должна была быть продана в рабство, если сама добровольно пошла на мезальянс, не сумев поддержать свое сословное достоинство. Если же женщина была похищена помимо своей воли, то похитителя убивали.

Помимо индивидуальной ответственности виновников, была и презумируемая ответственность так называемых "лихих людей". За наиболее серьезные преступления у кавказских горцев сохранилась коллективная ответственность "лихих людей" до последнего времени. Остальные же правонарушения предоставлено было карать путем родового возмездия.

* * *

Основные этапы развития преступлений и наказаний в государственном обществе четко наметил М.Косвен в небольшой, но очень содержательной работе на эту тему.

Вопреки мнению тех, кто уголовно-правовые нормы рассматривал, как созданные с самого начала государственной властью, М.Косвен совершенно правильно видит их зарождение в родовом строе. "Особое значение для нас имеет то обстоятельство, пишет М.Косвен, что с возникновением государства независимые до сих пор группы входят в состав государственного организма, но сохраняют по-прежнему на

долгое время преобладающий характер самостоятельных, отдельных хозяйств. Отсюда и взаимоотношения между ними, несмотря на существование стоящей над ними принудительной власти, остаются в значительной мере неизменными, переживая в течение долгого времени свое государственное родовое право... Лишь медленно, не без борьбы карательная юрисдикция отнимается у этих групп и берется в руки государственным, специально создаваемым аппаратом. Причем государственная власть в значительной степени усваивает нормы обычного родового права, придает им юридическую форму. Связанная с эмоцией страха защитительная реакция первоначально выражается в мести" (30).

Всякое посягательство на неприкосновенность своего жилища даже современный сванет воспринимает именно как обиду: взломать запоры его дома - значит унижить его, кражу он принимает прежде всего как личное оскорбление.

Первоначально реакцией на обиду являлась неограниченная месть. Но в силу элементарной необходимости для первобытной человеческой группы в самостоятельной защите от внешних посягательств, месть из примитивного инстинкта преобразовалась в сложный социальный порядок: "Раз совершенное посягательство, будто оно даже отбито, - пишет М.Косвен, - тем не менее, активно отомщено именно в целях превентивных, в целях вселения в противника должного страха и уважения к силе и способности самозащиты данной группы... Помимо общегруппового значения для каждого отдельного члена группы, поскольку ему приходится сталкиваться с соседями, порядок кровной мести преломляется в его индивидуальном сознании как идея его личной охраны и безопасности, гарантии существования определенной силы, готовой к защите".

В кровной мести проявлялась борьба родовых союзов за власть, за уважение к себе, за свою безопасность. Группа, не умеющая или не имеющая возможности мстить за себя, осуждена или на гибель, или на порабощение. В виду того, что не было принудительной силы, стоящей над родовыми союзами, месть в первобытную эпоху, подобно тому, как в международных отношениях до последнего времени месть или война, оставалась первой и вместе с тем универсальной формой осуществления права. Она приобретала характер долга, становилась

делом чести не только всего родового союза, но и отдельных его членов. Приобретала она и религиозный характер в силу предрассудка, что убитый сородич не мог успокоиться в загробном мире, пока он не будет отомщен. Этими понятиями мести возникающая государственная власть принуждена была в течение очень долгого времени руководствоваться, включая их в свои писанные законы.

Возникновение экономических представлений подводило под кровную месть совершенно новое представление имущественного ущерба, убытка. В междуродовой борьбе придавалось огромное значение, чтобы чужой род не усиливался по сравнению с другим в силу того, что он нанес имущественный ущерб. Поэтому надо было, чтобы либо род обидчика возместил причиненный ущерб, либо обиженный род нанес такой же ущерб. Славянский термин "обида" приобрел новое, дополнительное значение - материального ущерба. То же происходило и с латинским "laesio". Это приводило к ограничению мести пределами нанесенного ущерба. Но пределы эти очень часто нарушались сильными и богатыми родами, которые путем мести и выкупа ее закабалили себе все больше и больше слабые и бедные родовые союзы.

С выделением из родов отдельных составных семей устанавливался определенный круг лиц, уполномоченных на осуществление мести, и определенный порядок очередности, в котором мстители вступали в исполнение своего права и долга. С целью предотвратить месть, виновного изолировали или отказывались от его защиты, и выдавали его на месть. Это имело место не только у кавказских горцев, но и у негров, но и у американских индейцев, океанийцев и других народов. Таков же по своему происхождению и содержанию институт римского права *noae dstio*.

Постепенно разрушалось представление о группе, как об однородном едином целом, представление не знающее выделения непосредственно виновного. Месть становилась индивидуальной, причем происходила новая вспышка мстительного инстинкта.

Идея причинения равного ущерба применялась не только к убийству, но распространялась на область телесных повреждения. Возникло право тальона, особенно развитое в семитических кодексах (кодекс Хаммураби, библия, Коран) и неизвестное китайскому,

индусскому, иранскому, хеттскому, романо-германскому и славянскому праву. У горцев Кавказа оно имело место несомненно под влиянием Корана. Но у всех народов развилось право требования непосредственного и реального возмещения ущерба. В обеспечение его обиженная сторона самоуправно захватывала у противника имущество. Месть заменялась выкупом, постепенно устанавливались таксы выкупа – система композиций. Первоначально выкуп кровной мести допускался только по отношению к тем деяниям, которые в меньшей степени пробуждали мстительный инстинкт. Постепенно месть из долга превратилась в право и могла быть заменена композициями. Для разных сословий размер композиций неодинаков, что в значительной степени приводило к закабалению одних родов другими. При оценке причиненного вреда особое значение у всех народов и у горцев Северного Кавказа, в частности, придавалось производительной способности мужчины и женщины. Композиции, выплачиваемые сперва всем родом сообща в полной мере, позже начали перекладываться в значительной части на семью виновного, а остальные сородичи вносили только известные доли, причем чем дальше родство, тем доли эти меньше.

Умышленное и неумышленное причинение вреда первоначально не различались. Все последствия неправомерного поступка рассматривались одинаково. Так, если убегая от преследования человек упал в воду и утонул, то это считалось убийством. В виду того, что объем ущерба определялся не теми повреждениями, которые были непосредственно причинены прямыми действиями виновного, но и теми, которые наступили в конечном результате этих действий, степень увечья и размер композиций определялись только через год после нанесения ран. Каждое увечье и каждая рана имели свою цену и потому там, где мы находим одно преступлений, примитивное правосознание видело несколько. И, наоборот, если в результате нескольких преступленных деяний был причинен один какой-либо определенный вред, то с точки зрения адатов горцев это было одним преступлением. Тем не менее у народов Северного Кавказа уже существовала идея субъективной вины: первое проявление этой идеи можно видеть в том, что за случайное убийство месть обязательно заменялась выкупом. Так, например, у осетин в древности за

случайное убийство (во время охоты, или перестрелки с неприятелем) полагалась месть, а в начале XX в. только выплата композиций, тогда как за умышленное убийство месть сохранялась до недавнего времени.

Рассматривая как преступные только те действия, которые повлекли за собой реальный вред, примитивное право горцев редко считало наказуемым угрозы, приготовление и покушение. Понятие вменения мало развито. Так, у осетин, ингушей и чеченцев месть возникала за убийство, происшедшее в драке между детьми и даже за случайное убийство. За убийство в состоянии необходимой обороны также следовала месть. Как указывал М.Косвен, идея преступления часто не отличалась от идеи причинения вреда, что имело отражение и в русском языке, в котором слово вина была тождественна со словом причина, а выражение виноват, повинен, виновен тождественно с причинен и должен". "Повинен уплатить", "искупить вину" - в значении уплатить долг. Однако у горцев наряду с причинением вреда преступлением считалось и нанесение обиды, в особенности проявление неуважения к родовому союзу. С развитием государственной власти месть из досудебной становится местью по определению суда, а затем самоличным исполнением судебного приговора потерпевшим.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ванети З. Индивидуализм и коллективизм в родовом быту осетин (общественный строй Осетии) // Известия осетинского Института краеведения. Орджоникидзе, 1926, Вып.2. С.399-400
2. Христианович В.П. Горная Ингушетия //Труды Северо-Кавказской Ассоциации научно-исследовательских институтов. Ростов на Дону, 1928, Вып.2. С.72.
3. Мен Е.Н. On the aboriginal inhabitants if the Andoman Islands. London. С.39.
4. Furness W.H. The Home Link of Borneo Head Hutters. Filadelphia.1902
5. Висневский А. Про хевсуров// Східній Світ. 1929. N3(9) С. 15.
6. Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. М. 1883.

7. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890, Т.2, С.361.
8. Зелинский С.П. Народно-юридические обычаи у армян Закавказского края // Известия Кавказского отдела Русского Географического общества. СПб, 1899, Т.12, Вып.3, С.180.
9. Омаев Х. Малхиста.// Революция и горец. 1930.М 8, С.61.
10. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1893, Вып.2. С. 124.
11. Тахтарев К.М. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. Л., 1924. Ч.2, С.24.
12. Там же. С.29.
13. Там же. С.33.
14. Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа. Владикавказ, 1926.
15. Кодзаев А. Н. Древние осетины и Осетия. Владикавказ, 1903, С.34.
16. Худалов Н.Л. Заметки о Хевсуретии // Записки Кавказского отдела Русского Географического общества. Тифлис, 1890, Кн.14, Вып.1, С.21.
17. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских ... С.115,
18. Данильченко Н. Этнографические обычаи и народные верования, суеверия и предрассудки в Литинском уезде Каменец-Подольской губернии. 1868. С.4.
19. Гольдцигер. Магометанское право в теории и в действительности.// Журнал сравнительного правоведения. 1889. Т.8, N3 (на немецком языке).
20. Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ, Вып.1, 1868. С.7.
21. Косвен М.К. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.-Л., 1925.
22. Колер И. К учению о кровной мести. (перевод Ритера), б/м и б/г.
23. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских.... Вып.2.
24. Омаров А. Воспоминания муталима // ССКГ, 1869, Вып.2, С.30.
25. Адаты южно-дагестанских обществ.//ССКГ, 1875, Вып.8.
26. Комаров. А.В. Адаты...С.25.

27. Адаты Даргинских обществ. С.49, 89,116.
28. Комаров А.В. Адаты....
29. Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен".//
Русский вестник. 1860. N16.
30. Косвен М. К. Преступление...С.11.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Родовые объединения, которые правильнее называть первобытно - общинными, сложились далеко не только как кровно-родственные, а возникли из экономических потребностей. Сказанное, в первую очередь, относилось к так называемым родовым союзам на последней стадии их существования. В монографии было приведено много примеров того, как дагестанские тохумы часто являлись производственными объединениями и позже стали носить характер цеховых организаций. Первобытно-общинные объединения возникли не столько из кровно-родственных, сколько из экономических условий, нужно признать, что роды не являлись экономически равными и находились друг с другом в борьбе. На позднейших стадиях своего развития одни роды ставили в имущественно зависимое от себя положение другие. Одни роды становились " леями", т.е рабами других, становились по отношению к другим в зависимое положение.

Образование классов происходило не только путем распада родов на патронимии и задруги, но и путем дифференциации между самими родами. Первобытно-общинные объединения превращались в свою диалектическую противоположность - в зародыши классов. Классовое общество зародилось в недрах родового, бесклассового общества. Как мы показывали выше, самые названия феодальных сословий возникли из родовых наименований. Сохранив внутри себя патриархальную организацию, родовые союзы на последней стадии своего развития становились так сказать групповыми сеньориями для подчиненных их власти родовых общин. На Кавказе мы наблюдаем полупатриархальный - полуфеодальный строй. Внутри себя такая сеньория являлась патриархальной родовой организацией, а во вне-феодалом по отношению к зависимым от нее общинам. Органы такого тохума его были не оторванными от общества, а для зависимых тохумов они являлись органами, представлявшими из себя зачаток государственной внешне - принудительной власти. Так, например, в Дагестане собрание членов их, "джамаат", имел исполнительный орган -главного кевхи и несколько кевхов крупнейших тохумов и судей, которые по отношению к экономически зависимым тохумам являлись органам

внешней, оторванной от обществ этих тохумов власти, т.е. зачатками классовой государственной власти.

Государственная власть, возникнув в значительной мере из родовой, сохранила на первой стадии своего развития много черт от родовой организации. Древнейшее право являлось записью обычаев родового строя (кровная месть, система композиции), но обычаев уже приобретших классовые черты (выкуп кровной мести ставится в зависимость от сословно-классовой принадлежности обиженного и обидчика). Сама кровная месть и выкуп ее сделались средствами классовой эксплуатации, хотя эти институты возникли при родовом бесклассовом обществе.

Из того, что на последней стадии своего развития родовые объединения трансформировались в свою диалектическую противоположность – в зачатки классов, а органы родовой власти стали зачатками государственных учреждений следует, что родовые нормы становились зачатками правовых. Часто к явлениям общественной жизни подходят схематически. Из того, что государство немисливо без классов, а право без государства, делают упрощенный вывод, будто не существовало зачатков правовых норм в период, когда государство только складывалось. Нельзя думать, что в пятницу классов, государства и права не было, в субботу они появились. Процесс создания их длился столетия и имелись промежуточные формы. Формы – эмбрионы классов, эмбрионы государства и эмбрионы права. Их надо видеть в родовом обществе. Нормы, регулирующие отношения внутри рода, и одного рода к другому, и являлись зачатками права. Это, конечно, не юридические нормы в нашем смысле слова, но это нормы, которые трансформировались в правовые. С этой точки зрения адаты кавказских горцев являются очень интересными для изучения процессов развития права.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Сборник материалов для описания племен и местностей Кавказа – СМОПК.

Сборник сведений о кавказских горцах – ССКГ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	25
глава I. Внутриродовые и международные отношения горцев Северного Кавказа.....	61
глава II. Разложение первобытно-общинного строя, возникновение классов и зарождение государственных форм у кавказских горцев.....	171
глава III. Зарождение и развитие основных юридических институтов у кавказских горцев.....	226
заключение.....	267
принятые сокращения.....	270

СЕРИЯ «ЮЖНОРОССИЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»
Центра системных региональных исследований и прогнозирования
ИППК при РГУ и ИСПИ РАН

2001

- Вып. 1. Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 188с.
- Вып. 2. Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 215 с.
- Вып. 3. Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 80 с.
- Вып. 4. Современное положение Чечни: социально-политический аспект. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 156 с.
- Вып. 5. Современные проблемы геополитики Кавказа. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 196 с.

2002

- Вып. 6. Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 230 с.
- Вып. 7. Добаев И.П. Исламский радикализм. Отв. ред. А.В. Малашенко. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 120 с.
- Вып. 8. Кукса В.П., Кислицын С.А. Государственное регулирование вынужденной миграции на Северном Кавказе (на материалах Республики Ингушетия). Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 126 с.
- Вып. 9. Консерватизм и традиционализм на Юге России. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 194 с.
- Вып. 10. Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Изд. 2-е, доп. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 230 с.
- Вып. 11. Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам в современных республиках Северного Кавказа. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 167 с.
- Вып. 12. Силловые структуры в этнополитических процессах на Юге России. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 168 с.
- Вып. 13. Международная безопасность и проблемы терроризма (учебное пособие). Отв. ред. А.Г. Володин, В.Н. Коновалов. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 167 с.

2003

Вып. 14. Национальная и региональная безопасность на Юге России: новые вызовы. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2003 г. 160 с.

Вып. 15. Петров М.К. Избранные труды по теоретической и прикладной регионалистике. Составитель Г.Д. Петрова. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2003 г. 140 с.

Вып. 16. Православие в исторических судьбах Юга России. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2003 г. 264 с.

Вып. 17. Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам и исламизм на Юге России. Отв. Ред. Ю.Г. Волков. Изд. СКНЦ ВШ. 230 с.

Вып. 18. Ладыженский А.М. Адады горцев Северного Кавказа.

Готовятся к печати сборники «СМИ в этнополитических процессах на Юге России», «Иранский мир и Юг России: прошлое и современные перспективы» и др.

**Центр системных региональных исследований и прогнозирования
Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей
гуманитарных и социальных наук при Ростовском государственном университете и
Института социально-политических исследований РАН**

Создан в сентябре 1999 года

Основные задачи:

- Создание информационной базы данных по Южному федеральному округу;
- Организация и проведение фундаментальных и прикладных региональных (северокавказских) научных исследований;
- Проведение научных конференций, симпозиумов, семинаров по регионалистики;
- Разработка образовательных проектора и программ в области регионоведения.

Центр действует в комплексе с кафедрой теоретической и прикладной регионалистики ИППК при РГУ и Студенческим информационно-аналитическим центром.

С 2001 года издает серию научных проблемных сборников и монографических исследований «Южнороссийское обозрение».

Более подробно о результатах деятельности Центра можно узнать на <http://www.ippk.rsu.ru>

Приглашаем к сотрудничеству специалистов-кавказоведов.

Выполняем заказы на проведение исследований по гуманитарной и социальной проблематике Северного Кавказа.

Контактный адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, ИППК при РГУ, к. 208.

Телефоны: 65-34-51. Факс: 64-49-33. E-mail: center@ippk.rsu.ru

Научное издание

Южнороссийское обозрение

Выпуск 18

Александр Михайлович Ладыженский

АДАТЫ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Подготовка текста и комментарии И.Л.Бабич

**Под редакцией А.С. Зайналабидова,
В.В. Черноуса**

Сдано в набор

Подписано в печать

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.п.л.

Уч.изд.л.

Тираж 300 экз.

Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы
344016, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, тел. 64-30-52